

16+

ISSN 1818-4936

АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В. Н. ТАТИЩЕВА
ASTRAKHAN TATISHCHEV STATE UNIVERSITY

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

HUMANITARIAN RESEARCHES

JOURNAL OF FUNDAMENTAL
AND APPLIED RESEARCHES

2024

№ 3 (91)

Журнал издаётся с 2000 г.

Published since 2000

*Журнал включён в перечень изданий, утверждённых ВАК
для публикации основных результатов диссертационных
исследований по отраслям науки:*

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки);
- 5.9.3. Теория литературы (филологические науки);
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки).

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева
2024

Astrakhan Tatishchev State University
2024

ББК 65
Г93

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

Recommended by the Editorial and Publishing Board
of Astrakhan Tatishchev State University

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
HUMANITARIAN RESEARCHES

2024
№ 3 (91)

Главный редактор

Л. Ю. Касьянова

доктор филологических наук, профессор
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

Editor-in-Chief

L. Yu. Kasyanova

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan Tatishchev State University

Ответственный секретарь

Ю. А. Васильева

кандидат филологических наук, доцент
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

Executive secretary

Yu. A. Vasileva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Astrakhan Tatishchev State University

Редакционная коллегия

З. Р. Аглеева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
Н. Ф. Алефиренко, д-р филол. наук, проф.
Белгородского государственного университета,
заслуженный деятель науки РФ;
А. А. Боровская, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
Е. Н. Галичкина, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
О. Г. Егорова, д-р филол. наук, проф.
Московского государственного лингвистического университета;
Е. Е. Завьялова, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
С. А. Кибальник, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник
Института русской литературы Российской академии наук,
проф. Санкт-Петербургского государственного университета;
Э. А. Китанина, д-р филол. наук, проф.
Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина;
М. Л. Лаптева, д-р филол. наук, проф.

Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
И. П. Лысакова, д-р филол. наук, проф.
Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена;
М. Г. Меркулова, д-р филол. наук, проф.
Московского педагогического государственного университета;
С. В. Ракитина, д-р филол. наук, проф.
Волгоградского государственного социально-педагогического университета;
Г. В. Файзиева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
Е. Н. Шеховцева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

Editorial Board

Z. R. Agleeva, D. Sc. (Philology), Professor, Astrakhan Tatishchev State University;
N. F. Alefirenko, D. Sc. (Philology), Professor, Belgorod State University,
Honored Science Worker of the Russian Federation;
A. A. Borovskaya, D. Sc. (Philology), Professor,
Astrakhan Tatishchev State University;
E. N. Galichkina, D. Sc. (Philology), Professor, Astrakhan Tatishchev State University;
O. G. Egorova, D. Sc. (Philology), Professor, Moscow State Linguistic University;
E. E. Zavyalova, D. Sc. (Philology), Professor, Tatishchev Astrakhan State University;
S. A. Kibalnik, D. Sc. (Philology), Leading Researcher
Institute of Russian literature of the Russian Academy of Sciences,
Professor, St. Petersburg State University;
E. A. Kitanina, D. Sc. (Philology), Professor,
Pushkin State Russian Language Institute;
M. L. Lapteva, D. Sc. (Philology), Professor, Astrakhan Tatishchev State University;
I. P. Lysakova, D. Sc. (Philology), Professor, Herzen University;
M. G. Merkulova, D. Sc. (Philology), Professor,
Moscow State Pedagogical University;
S. V. Rakitina, D. Sc. (Philology), Professor,
Volgograd State Pedagogical University;
G. V. Fayzieva, D. Sc. (Philology), Professor, Astrakhan Tatishchev State University;
E. N. Shekhovceva, D. Sc. (Philology), Professor,
Astrakhan Tatishchev State University

Журнал выходит 4 раза в год
The journal is published 4 times a year

© Астраханский государственный университет
имени В. Н. Татищева, 2024
© Скоблев В. Д., оформление обложки, 2024
© Astrakhan Tatishchev State University, 2024
© Skoblev V. D., cover design, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Алхалум Х., Лучинская Е. Н.

Национально-культурный компонент русских и арабских
фразеологизмов: сопоставительный аспект5

Бутова А. В.

Термин «бренд»: определение и классификация.....10

Валяйбоб А. В.

Базовые характеристики лингвокультурного типажа «блогер»
в сознании молодого поколения носителей русской лингвокультуры17

Кисель О. В.

Интернет-имя как новая ономастическая реалья23

Кузнецова Е. В.

Невербальные средства общения в политическом дискурсе
Владимира Путина и Эммануэля Макрона.....30

Мухаметдинова Т. Ю.

Жанр обзора новостей с использованием комического:
функционально-прагматический аспект37

Ракитина С. В.

Категория времени в индивидуальной научной
картине мира В. И. Вернадского.....42

Свешникова М. И., Сернова Е. И.

Проблемы пунктуационного оформления текста
в переводе русского «белого стиха» на французский язык50

Аглеева З. Р., Кудряшов И. А.

Метафора как универсальный механизм фразеологизации
в разноструктурных языках56

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Апалькова Е. С.

«Усадебный» миф как точка пересечения культурных парадигм62

Белова Е. Е., Архипова М. В., Буйнова О. Ю.

Жанровые особенности англоязычного романа-антиутопии.....69

Буянова Л. Ю., Ким Ин Гю, Янг Сун Ен

Художественный текст как отражение авторского мировидения75

Максимова Н. В.

Структурно-типологические особенности
литературного онлайн-журнала «Кварта»80

Чалый В. В.

Языковые особенности авторского повествования
в произведении А.П. Чехова «На подводе»88

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ94

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ.....97

Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 5–9.
Humanitarian Researches. 2024;3(91):5–9.

Научная статья
УДК 81'373:008=161.1=411.21

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ
РУССКИХ И АРАБСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Алхалум Халед¹, Елена Николаевна Лучинская²✉

^{1, 2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹Halwomkhaled2245@yahoo.com

²bekketsam@yandex.ru✉

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-сопоставительной характеристике русских и арабских фразеологизмов как важнейших репрезентантов национальной языковой картины мира. В процессе исследования выявлено, что фразеологические единицы выступают актуализаторами национальной картины мира. Показано, что в составе фразеологической единицы присутствует национально-культурный компонент, репрезентированный, в частности, в реалиях определённой культуры. Реалии в составе фразеологизмов русского языка, обозначающие традиции, блюда, одежду, орудия труда и пр., вызывают трудности для понимания у носителей других культур, в частности студентов, изучающих русский язык. С целью изучения фразеологических единиц уточняется понятие национальной языковой картины мира, факторов, обуславливающих универсальные черты и национально-культурную специфику. Выбранный подход учитывает тот факт, что лингвокультурология как современное научное направление включает две важные составляющие: язык и культуру. Важнейшим результатом их взаимодействия считается лингвокультурный концепт, понимаемый как многоуровневое ментальное образование, лежащее в сознании, языке и культуре. Фразеологическую единицу, репрезентирующую ключевой смысл культуры, также считаем лингвокультурным концептом. Исследование включает сравнительный анализ фразеологизмов русского и арабского языков, предполагающий описание семантики и структуры языковых единиц. Результаты проведённого анализа показывают, что для изучения специфики национального образа мира целесообразно сопоставление семантики языковых единиц, репрезентирующей особенности лингвокультур. Доказывается, что лингвокультурное описание фразеологических единиц демонстрирует универсальные черты образного мышления носителей русского и арабского языков и лингвокультур. Проведённое исследование позволило сделать вывод, что лингвокультурная специфика русской фразеологии способствует пополнению языковой картины мира арабских студентов.

Ключевые слова: фразеологизм, национальная языковая картина мира, национально-культурный компонент, русский язык, арабский язык, сопоставительный анализ

Для цитирования: Алхалум Х., Лучинская Е. Н. Национально-культурный компонент русских и арабских фразеологизмов: сопоставительный аспект // Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 5–9.

Original article

**NATIONAL AND CULTURAL COMPONENT
OF RUSSIAN AND ARABIAN PHRASEOLOGICAL UNITS: COMPARATIVE ASPECT**

Kh. Alkhalum¹, Elena N. Luchinskaya²✉

^{1, 2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹Halwomkhaled2245@yahoo.com

²bekketsam@yandex.ru

Abstract. The article deals with the Russian and Arabic phraseological units as the most important representatives of the national linguistic picture of the world. During the comparative research, it was revealed that phraseological units act as actualizers of the national world view. It is shown that the phraseological unit contains a national-cultural component, represented, in particular, in the realities of a certain culture. Realities in the composition of phraseological units of the Russian language, denoting traditions, dishes, clothing, tools, etc., cause difficulties for understanding among speakers of other cultures, in particular, students studying the Russian language. In the process of research, the concept of a national linguistic picture of the world is considered, which has its own distinctive features and characteristics that determine universal indicators and national-cultural specifics. The chosen approach takes into account the fact that linguoculturology as a modern scientific direction includes two important components: language and culture. The most important result of their interaction is considered to be a linguocultural concept, understood as a multi-level mental formation lying in consciousness, language and culture. We also consider a phraseological unit that represents the key meaning of culture as a linguocultural concept. The study includes the data of the realized comparative analysis of phraseological units of the Russian and Arabic languages, which involves a description of the structural-semantic features of analyzed linguistic units. It is noted that the linguo-cultural description of the phraseological units shows the universal nature of metaphorical thinking of Russian-speaking and Arabian-speaking people and their cultures. It is proved that, along with the identified differences in the structure and grammar of phraseological units, universal features have been identified in the metaphorical vision of the world by speakers of Russian and Arabic linguistic cultures. The conducted research allowed us to conclude that the linguo-cultural specificity of Russian phraseology contributes to the replenishment of the linguistic world-view of Arab students.

Keywords: phraseological units, world view, language world view, national world view, Russian language, Arabic language, comparative analysis

For citation: Alkhalum Kh., Luchinskaya E. N. National and cultural component of Russian and Arabian phraseological units: comparative aspect. *Gumanitarnyye issledovaniya* = *Humanitarian Researches*. 2024;3(91):5–9 (In Russ.).

В основу проведённого исследования была положена гипотеза о том, что изучение семантического аспекта фразеологии позволяет построить модель национальной картины мира. В современной лингвокультурологии понятие «национальная картина мира» включает и «языковую картину мира», которая формируется носителями языка в процессе коммуникации. Именно языковая картина мира фиксирует опыт народа, репрезентированный в языке национального сообщества. Одним из важнейших фрагментов языковой картины мира учёные считают фразеологию, сформированную в течение тысячелетней истории народа и транслируемую от одного поколения к другому. В процессе нашего исследования было выявлено, что фразеологические единицы выступают актуализаторами национальной картины мира. Общеизвестно, что в составе фразеологической единицы присутствует национально-культурный компонент, репрезентированный, в частности, в реалиях определённой культуры. Реалии в составе фразеологизмов русского языка, обозначающие традиции, блюда, одежду, орудия труда и пр., вызывают определённые трудности для понимания у носителей других культур, в частности студентов, изучающих русский язык.

В рамках представленного исследования мы провели сравнительно-сопоставительный анализ фразеологических единиц с привлечением толковых словарей русского и арабского языков [6; 7]. Наряду с определяемыми различиями в структуре и грамматике фразеологизмов были выявлены универсальные черты в метафорическом видении мира носителями русской и арабской лингвокультур. В свете имеющихся образовательных трудностей важно изучить межъязыковую эквивалентность устойчивых выражений, выяснить, насколько актуально обращение к фразеологизмам в учебной аудитории.

Согласно Д. Дэвидсону, в процессе изучения русских фразеологизмов иностранными учащимися необходимо, кроме лингвистических особенностей и лингвострановедческих комментариев, проводить сравнительный анализ с родным языком или языком-посредником учащегося [1, с. 67]. Рассуждая о диалоге культур, О. Д. Митрофанова подчёркивает, что лингвистические знания должны быть не конечной целью, а средством общения между представителями разных культур, вкладом в межкультурную коммуникацию [1, с. 53]. Русский и арабский – два языка, между которыми нет ощутимой связи: «Если мы хотим сравнить русский язык с очень далёкими языками, то мы всегда сталкиваемся с фактами, не только связанными с различиями и противоречиями в природе изложения, но также и с определёнными различиями в стиле семантической классификации и истинной грамматики» [3].

Анализ материала показывает, что целесообразно использовать комплексный подход в процессе сравнения русских и арабских фразеологизмов. Отечественные исследователи, написавшие много работ по вопросам связи языка и культуры, отмечают, что имеющееся сходство и различие между лингвистическими единицами русского и арабского языков на лексическом уровне представляет интерес, в том числе для специфики преподавания русского языка как иностранного [8].

Прежде всего следует остановиться на понятии устойчивого выражения в арабском языкознании. В классическом арабском языке нет самостоятельного раздела, посвящённого устойчивым выражениям. Данные выражения рассматриваются в рамках риторики и лексики, включающей весь словарный запас. Арабский исследователь Тунси Мохсен отмечал: «Если мы посмотрим с общей лингвистической точки зрения, то осознание таких связей между лингвистическими единицами на русском и арабском языках, а также сосредоточение внимания только на тех языковых единицах, которые имеются в одном языке, может помочь установить некоторые закономерности» [5, с. 28].

В арабской лингвистике проблема заключается в отсутствии чёткого определения устойчивого выражения и его семантического поля. В арабском языкознании для обозначения фразеологических единиц используется термин «амсал», который означает «сравнение» [9]. Учёные отмечают, что понятие устойчивых единиц в разных арабских словарях толкуются неоднозначно. Приведём определение: «Фразеологизм – это устойчивое выражение, широко используемое средство, которое унаследовано потомками от их предков и обычно характеризуется краткостью, лёгкостью языка и красотой звучания» [9].

В процессе сопоставительного анализа были отобраны фразеологические единицы сравниваемых языков, семантика которых включает национально-культурный компонент. Анализ показал, что в семантике этих языковых единиц содержится информация о национальной специфике ключевых лингвокультурных концептов, отражающих мировоззрение русского и арабского народов. Общеизвестно, что языковая картина мира включает объективные знания о менталитете и жизненном опыте народа. В связи с этим, изучая семантику языковых средств, в частности фразеологизмов, формирующих ключевые концепты в сознании народа («Труд», «Человек», «Дом» и др.), можно реконструировать когнитивные модели знаний, сохранившихся в сознании данного народа. Концепт – это основной код культуры в ментальном мире

человека. Именно носители языка фиксируют в своём сознании национальную языковую картину мира. В связи с этим можно предположить, что национально-культурные символы отражают реалии окружающей действительности, историческую память или конфессиональные условности, ведь вся культура представляет совокупность концептов и отношений между ними.

Интересно отметить, что фразеологизмы-синонимы зачастую обладают дополнительными (даже противоположными) смыслами. Например, негативная коннотация русского фразеологизма «мерить на свой аршин» (т. е. судить кого-либо / что-либо с точки зрения своей культуры) в арабском языке меняется на положительную коннотацию вследствие использования в Коране. Сравним схожие фразеологизмы: в русском языке «ноль без палочки» со значением «человек, которого не уважают, с мнением которого не считаются», и «ноль слева» в арабском языке.

Культурно специфичными мы считаем фразеологические единицы, которые характеризуют человека, его внешность, описывают части тела, демонстрируя сходство и различие русских и арабских фразеологизмов. Трудности в понимании значения таких фразеологизмов объясняются тем, что они относятся в науке к разряду безэквивалентной лексики, к которой сложно найти эквивалент в языке перевода. Например, русское выражение «косая сажень в плечах» характеризует высокого широкоплечего человека, и буквальный перевод этого устойчивого выражения невозможен. Важно учитывать образное переосмысленное значение фразеологизмов, появившихся в определённый исторический период и репрезентирующих культуру сегодня. Фразеологические единицы русского языка могут играть в практике языкового обучения иностранцев важную эпистемологическую роль, заключающуюся в интуитивном познании явления в его уникальности и неповторимости.

Список источников

1. Темиргазина З. К. Образ человека в русской ценностной картине мира / З. К. Темиргазина. – 2-е изд., стереотип. – Москва : Флинта, 2015. – 95 с.
2. Фавзи А. М. Учебный русско-арабский фразеологический словарь (около 900 фразеологизмов) / А. М. Фавзи, В. Т. Шкляров. – Москва, 1989. – 610 с.
3. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – Москва : Русский язык, 1986. – 543 с.
4. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии / А. Т. Хроленко ; под ред. В. Д. Бондалетова. – 5-е изд. – Москва : Флинта: Наука, 2009. – 184 с.
5. Харлова Н. М. Особенности организации работы по изучению русской фразеологии иностранными студентами / Н. М. Харлова // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2016. – № 2 (30). – С. 26–30.
6. Чепкова Т. П. Русский язык как иностранный. Знакомимся с русской фразеологией / Т. П. Чепкова. – 3-е изд., стереотип. – Москва : Флинта, 2019. – 88 с.
7. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – 8-е изд., стереотип. – Москва : URSS. 2019. – 272 с.
8. Верещагин Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров ; под ред. и с послесл. акад. Ю. С. Степанова. – Москва : Индрик, 2005. – 1040 с.
9. Али Имхемемед Али Лахвел. Лингвокультурологические аспекты обучения русскому языку студентов-филологов в ливийской аудитории / Али Имхемемед Али Лахвел. – Белград, 2017. – 217 с.

References

1. Temirgazina Z. K. *Obraz cheloveka v russkoy tsennostnoy kartine mira = The Image of Man in the Russian Value Picture of the World*. 2nd ed. Moscow: Flinta; 2015: 95 p.
2. Favzi A. M., Shklyarov V. T. *Uchebnyy russko-arabskiy frazeologicheskiy slovar (okolo 900 frazeologizmov) = Educational Russian-Arabic Phraseological Dictionary (about 900 phraseological units)*. Moscow; 1989: 610 p.
3. *Frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka = Phraseological Dictionary of the Russian Language*. Ed. by A. I. Molotov. 4th ed., stereotip. Moscow: Russkiy yazyk; 1986: 543 p.
4. Khrolenko A. T. *Osnovy lingvokulturologii = Fundamentals of Linguocultural Studies*. Ed. by V. D. Bondaleto. 5th ed. Moscow: Flinta: Nauka; 2009: 184 p.
5. Kharlova N. M. Features of the organization of work on the study of Russian phraseology by foreign students. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University*. 2016;2(30):26–30.
6. Chepkova T. P. *Russkiy yazyk kak inostranny. Znakomimsya s russkoy frazeologiyey = Russian as a foreign language. Getting acquainted with Russian phraseology*. 3rd ed. Moscow: Flinta; 2019: 88 p.
7. Shanskiy N. M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka = Phraseology of the modern Russian language*. 8th ed. Moscow: URSS; 2019: 272 p.
8. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kultura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, rechepovedencheskikh taktik i sapientemy = Language and Culture. Three Linguistic and Cultural Concepts: Lexical Background, Speech-Behavioral Tactics, and Sapientemes*. Ed. by Yu. S. Stepanov. Moscow: Indrik; 2005: 1040 p.
9. Ali Imhememed Ali Lahvel. *Lingvokulturologicheskie aspekty obucheniya russkomu yazyku studentov-filologov v liviyskoy auditoria = Linguocultural Aspects of Teaching Russian to Philology Students in the Libyan Audience*. Belgrad; 2017: 217 p.

Информация об авторах

Х. Алхалум – аспирант;

Е. Н. Лучинская – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего и славяно-русского языкознания.

Information about the authors

Kh. Alkhalum – postgraduate student;

E. N. Luchinskaya – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 12.07.2024.

The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 08.07.2024; accepted for publication 12.07.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 10–16.
Humanitarian Researches. 2024;3(91):10–16.

Научная статья
УДК 811.11

ТЕРМИН «БРЕНД»: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Бутова Анна Владимировна

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова,
Магнитогорск, Россия, annb.79@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8357-6069>

Аннотация. Названия брендов – важнейший компонент маркетинга, поскольку они влияют на восприятие продукта. Выбор эффективного названия бренда очень важен для принятия конкретного товара или услуги общественностью. Современные ономастические исследования довольно обширны и разнообразны. Бренд стал неотъемлемой единицей ономастических исследований. Цель данной работы – определить, что такое бренд как лингвистическая единица, а также классифицировать данное явление с ономастической точки зрения. Автор уделяет особое внимание лексическому статусу коммерческих названий. Бренды проявляют себя в языковой реальности прежде всего как лексические единицы. В таком понимании на первый план выходит их значение, а не экономическая функция. Классификация брендов проходит по различным аспектам: экономическим, социальным, психологическим и лингвистическим. В данном исследовании автор приводит различные классификации лингвистов-ономастов. Классификация брендов с лингвистической точки зрения имеет два аспекта: формальный и информативный. В исследовании сделан вывод, что классификация с информативной точки зрения позволяет бренду быть унифицированным под разные языки и, как следствие, быть конкурентоспособным. Бренд состоит из множества элементов. В совокупности эти элементы помогают потребителям идентифицировать продукт и дают им основания покупать именно его, а не его конкурентов.

Ключевые слова: бренд; классификация; бренднейминг; семантика; собственное имя; ономастика; лексический статус

Для цитирования: Бутова А. В. Термин «бренд»: определение и классификация // Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 10–16.

Original article

THE TERM “BRAND”: DEFINITION AND CLASSIFICATION

Anna V. Butova

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia, annb.79@mail.ru,
[http:// orcid.org/0000-0002-8357-6069](http://orcid.org/0000-0002-8357-6069)

Abstract. Brand names are a critical component of marketing because they influence how a product is perceived. Choosing an effective brand name is very important for public acceptance of a particular product or service. Modern onomastic studies are quite extensive and diverse. The brand has become an integral unit of onomastic researches. The purpose of this work is to determine what a brand is as a linguistic unit, as well as to classify this phenomenon from an onomastic point of view. The author pays special attention to the lexical status of commercial names. Brands manifest themselves in linguistic reality primarily as lexical units. In this understanding, their meaning, rather than their economic function, comes to the fore. Brands are classified according to various aspects: economic, social, psychological and linguistic. In this study, the authors provide various classifications of onomast linguists. The classification of brands from a linguistic point of view has two aspects: formal and informative. The study concludes that classification from an informative point of view allows the brand to be unified in different languages and to be competitive.

A brand consists of many elements. Together, these elements help consumers identify a product and give them reasons to buy it.

Keywords: brand; classification; brand naming; semantics; name; onomastics; lexical status

For citation: Butova A. V. The term "brand": definition and classification. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;3(91):10–16 (In Russ.).

Введение. Собственные имена всегда были и остаются предметом исследования учёных разных областей наук. Даже в библейской истории сотворения мира имена занимают центральное место, а в германской мифологии тот факт, что человеку давали имя, означал, что это имя наделяло его обладателя душой и индивидуальностью [3; 11]. То же самое можно отнести и к именованиям в экономическом контексте.

По мнению К. Платена, а также исходя из коммуникативно-психологического понимания значения имени, бренд рассматривается как когнитивный якорь, который ориентирует потребителя и соотнесён с целым набором характеристик и коннотаций. Правильно выбранное название продукта или торговой марки является стратегически важным фактором успеха [20].

Понятия бренда и брендинга являются предметом исследования разных наук: социологии [5], экономики [6], лингвистики [9].

Лексический статус коммерческих названий также является предметом многочисленных дискуссий. С точки зрения теории ономастики, существует точное различие между собственными именами и нарицательными. Собственное имя выполняет номинативную функцию, идентифицируя носителя. Имя нарицательное, напротив, обозначает целый класс объектов или живых существ одного вида и дополнительно каждый отдельный объект или живое существо как элемент этого класса [4; 18; 19].

Исходя из этого различия, название компании принадлежит к категории собственных имен и относится к одному объекту. Названия одного или нескольких продуктов относятся не к отдельному объекту, а всегда к типу продукта или группе продуктов. Они относятся к классу объектов, которые характеризуются общими чертами и идентичны с точки зрения процесса производства, качества и характеристик продукта [2; 21].

Е. Хансак предлагает ещё один подход к определению брендов. Он квалифицирует их как имена, которые могут обозначать как нечто абстрактное, так и нечто конкретное. На этом основании происходит лексическая категоризация. Если бренд понимается как название продукта как такового, то это имя собственное. Если же оно понимается как обозначение продукции, продаваемой под этим, то это имя нарицательное [18].

К определению понятия «бренд» и его лексического статуса. На сегодняшний день существует большое количество определений бренда как в экономике, так и в лингвистике. «Название товара», «название продукта», «бренд», «торговая марка» – все эти термины употребляются в качестве синонимов. Интересным представляется термин, введённый К. Платеном для коммерческих названий, – «*Ökonut*». Преимущества этого термина в том, что его легко перевести на иностранные языки (например, английский *esoput*, французский *éopute*, русский *эконим*) и что формально он параллелен другим ономастическим терминам, оканчивающимся на *-оним*, таким как *топоним* или *гидроним*. В отечественной ономастике данный термин не принят, так как он схож с экономическим понятием «эконом».

С. А. Старов в статье «Бренд: понятие, сущность, эволюция» с ссылкой на М. Макдонольда даёт следующее определение: «Бренд – это имя или символ, которые идентифицируют продукт. Успешный бренд идентифицирует продукт, который имеет неоспоримое конкретное преимущество» [14, с. 4].

С. Н. Куликова определяет бренд как «...торговую марку плюс комплекс эмоциональных переживаний, связанных с ней. Торговая марка, в свою

очередь, – это система номинации, визуализации и представления товара / услуги целевым группам и широкой общественности посредством задумки, раз работки, тиражирования и культуризации этой системы усилиями производителя» [8, с. 43].

Так, М. А. Эскиев в статье «Определение понятий “брендинг”, “бренд”, “бренд-менеджмент”» упоминает о том, что понятия бренда и брендинга тесно связаны между собой, однако не являются взаимозаменяемыми терминами. М. А. Эскиев уточняет: «Для потребителя порой название может играть определяющее значение при выборе продукции, наименование, в зависимости насколько грамотно оно подобрано, может привлечь или же оттолкнуть потенциальных потребителей» [16, с. 59].

Т. С. Спирина рассматривает бренд как юридическое, маркетинговое и социально-культурное понятие [13].

А. А. Медведева анализирует брендовые именованья под качественно новым углом зрения, а именно с точки зрения семантики и прагматики, что обусловлено специфичностью функционирования данного феномена [10, с. 59].

С какой бы точки зрения не рассматривались понятия «бренд» и «бренд-нейминг», все авторы склонны полагать, что данное явление требует дальнейшего исследования и анализа.

Для нашего исследования актуальной является точка зрения О. Ф. Кривновой, которая резюмирует: «В коммерческом мире под **неймингом** понимается процесс разработки названия компании, товарного продукта или услуги, которые впоследствии способны стать брендом. В свою очередь, **брендом** называют торговую марку с окончательно сформировавшимся целостным потребительским образом. Соответственно, **брендинг** – это комплекс мер, направленных на создание и укоренение данной торговой марки на рынке товаров или услуг» [7, с. 54].

Классификация коммерческих названий с лингвистической точки зрения. Независимо от терминологического аппарата и лексического статуса брендов они нуждаются в классификации. Лингвистическая классификация может быть основана, с одной стороны, на формальных аспектах, а с другой – на критериях, связанных с информативным потенциалом бренда и его семантикой [1; 12; 15].

С формальной точки зрения К. Платен выделяет три группы брендов:

1. *Заемствованные названия* – полные имена собственные, слова или морфемы, заимствованные из естественных языков или из общего фонда имён и используемые для обозначения продуктов (например, *Annabella*, *Atene*, *Gocciòle*). В данном типе названий существует чёткая граница между лексическими и ономастическими значениями [21].

2. *Концептуальные названия, в которых содержатся повелительные выражения.* Платен определяет концептуальные формы как имена, которые отличаются от лексической или ономастической модели за счёт изменения морфологической или фонетической формы слова. По мнению автора, их можно разделить на:

- деформированные (например, *SDrink*);
- производные формы с использованием суффиксов или приставок (например, *Naturella*, *Растушка*);
- составные (например, *Frucchero* – *frutta* + *zucchero*);
- сложные (например, *C'era una volta*) [20; 21].

3. *Искусственные созданные названия* – это искусственные слова, не заимствованные ни из естественных языков, ни из ономастикона языка. Они не имеют никакой семантической структуры и значения. Чаще всего это набор морфем с высокой степенью благозвучности (например, *Sania*). Так, например, *Ebly* – название продукта, изготовленного из зерна твёрдых

сортов пшеницы. Категориальная отнесённость названия может варьироваться в зависимости от языка. Эффективность подобных брендов зависит от социально-культурной коннотации. Если во Франции, где возникло название и сам продукт, семантика бренда прозрачна: *blé* (что означает «зерно, кукуруза, пшеница»), то в Германии, например, он, безусловно, воспринимается как искусственное слово.

Для нашего исследования мы принимаем классификацию М. Готта, который использует подход к классификации коммерческих названий на основе семантики, выделяя три типа, основанных на отношениях между брендом и его референтом: описательные, ассоциативные и искусственные имена [17].

Описательные названия точно называют продукт с описанием его характеристик: *Vegetalbrodo*. Преимущество данных названий состоит в том, что они передают конкретную информацию о продукте, не прибегая к каким-либо дополнениям характеристикам. Кроме того, данная категория брендов не всегда понятна носителям других языков, что приводит к утрате самой идеи и смысла, которое вкладывает производитель в названия продукта.

Основная характеристика ассоциативных названий заключается в том, что они вызывают у потребителей чёткие ассоциации и предполагают ссылку на продукт, не называя его в явном виде: *Mulino Bianco* (итальянское название конфет, печенья, галетов, крекера и выпечки, в переводе «Белая мельница»). Ассоциативные названия несут в себе определённую информацию о продукте.

Однако существуют и похожие названия, которые могут вызвать подобные или же идентичные коннотации.

При разработке бренда, который должен быть одновременно связан с продуктом и быть унифицированным под разные языки и юридически обоснованным, создаются *искусственные* названия без конкретного значения, которые сначала нужно объяснить.

В современном мире бизнеса зачастую появляются очень похожие продукты, что приводит к тому, что производитель должен искать новые пути брендинга не просто для идентификации своего продукта, но и для придания ему уникальности.

Заключение. Бренды отражают определённые социальные и экономические условия и являются новыми семиотическими и ономастическими знаками. В то время как имена людей, названия мест и водоёмов часто опираются на многовековые этимологии, коммерческие названия рассматриваются как синхронические артефакты, созданные вне диахронической эволюции. Растущая потребность в именовании для новых продуктов и групп продуктов вызывает появление новых языковых знаков. Эти онимы, вероятно, являются наиболее быстро развивающейся областью среди всех типов подобных языковых единиц.

Список источников

1. Адаменко У. А. Бренд как тип рекламного текста (на материале английского языка) / У. А. Адаменко. – Москва, 2013. – 18 с.
2. Баженов Н. Ю. Языковые средства метафорического представления товара в рекламе / Н. Ю. Баженов // Состояние и перспективы лингвистической и методической мысли в современном образовательном пространстве / отв. ред. Т. Е. Баженова. – Самара : Научно-технический центр, 2022. – С. 99–108.
3. Бутова А. В. Самопрезентация субъекта в масс-медийном дискурсе / А. В. Бутова // Современные проблемы и перспективы развития науки, техники и образования. – Магнитогорск : Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2020. – С. 1134–1136.

4. Давлетукаева А. Ш. Экономическая терминология в чеченском языке в условиях билингвизма / А. Ш. Давлетукаева // Модели исследования коммуникативного поведения билингвов. – Грозный: Чеченский гос. пед. ун-т, 2020. – С. 170–188.
5. Дедюхина А. Г. Лингвосемиотические характеристики англоязычных заимствований в российской рекламе / А. Г. Дедюхина. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2022. – 173 с.
6. Козейчук Д. А. Лингвистическая трансформация названий брендов: маркетинговый триумф или тупик? / Д. А. Козейчук // Бренд-менеджмент. – 2019. – № 1. – С. 44–52.
7. Кривнова О. Ф. Билатеральность языкового знака и лингвосемиотические проблемы современного коммерческого нейминга / О. Ф. Кривнова. – URL: https://inslav.ru/tnikolaeva/index.html#/page_Statji.
8. Куликова С. Н. Этика нейминга: нужна ли брендам лингвистическая экспертиза? / С. Н. Куликова // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. – 2017. – № 16. – С. 42–50.
9. Ма Ц. Креолизованные тексты в русском рекламном дискурсе (на материале рекламы продуктов питания) / Ц. Ма, Ц. Цзян // Научные вести. – 2022. – № 3–2 (44). – С. 162–207.
10. Медведева А. А. Бренд как единица массовой коммуникации: к семантическим и прагматическим характеристикам явления / А. А. Медведева // Научная мысль Кавказа. – 2010. – № 3 (63). – С. 184–187.
11. Москалева А. Н. Функционирование категорий полимодальности и прецедентности в англоязычном фэшн-дискурсе / А. Н. Москалева // Вестник Международного института рынка. – 2023. – № 2. – С. 135–141.
12. Ромашова И. П. Лингвистический анализ бренд-коммуникации / И. П. Ромашова // Научный диалог. – 2016. – № 6 (54). – С. 80–93.
13. Спирина Т. С. Бренд как категория лингвокультурологии и бренд-менеджмента / Т. С. Спирина // Гуманитарные исследования. – 2018. – № 3 (67). – С. 29–32.
14. Старов С. А. Бренд: понятие, сущность, эволюция. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brend-ponyatie-suschnost-evolyutsiya-1> (дата обращения: 02.04.2024).
15. Туганова П. А. Функционирование метафоры в рекламном дискурсе / П. А. Туганова // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. – Москва : Российский гос. ун-т им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2021. – Вып. 5 (9). – С. 108–112.
16. Эскиев М. А. Определение понятий «брендинг», «бренд», «бренд-менеджмент» / М. А. Эскиев // Евразийское пространство: экономика, право, общество. – 2022. – № 3. – С. 58–59.
17. Gotta M. Der Markenname im Marketingmix // Global Branding und die Zukunft von Markennamen. – Markenartikel 1, 1989. – P. 16–20.
18. Hansack E. Das Wesen des Namens / E. Hansack // Namenarten und ihre Erforschung // eds. A. Brendler, S. Brendler. – Hamburg : Baar Verlag, 2004. – S. 51–65.
19. Latour S. Namen machen Marken. Handbuch zur Entwicklung von Firmen- und Produktnamen / S. Latour. – Frankfurt am Main, New York : Campus Verlag, 1996.
20. Platen Ch. «Ökonomie». Zur Produktnamen-Linguistik im Europäischen Binnenmarkt / Ch. Platen. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1997.
21. Platen Ch. Esperanto im Supermarkt. Ein Streifzug durch die Welt der Markennamen. Betriebslinguistische Beiträge / Ch. Platen // Zeitschrift für Unternehmenskommunikation 1. – 1999. – Heft 2, 1–3.

References

1. Adamenko U. A. *Brend kak tip reklamnogo teksta (na materiale angliyskogo yazyka) = Brand as a type of advertising text (based on the English language)*. Moscow; 2013: 18 p.
2. Bazhenov N. Yu. Language means of metaphorical representation of goods in advertising. *Sostoyanie i perspektivy lingvisticheskoy i metodicheskoy mysli v sovremennom obrazovatelnom prostranstve = The state and prospects of linguistic and methodological thought in the modern educational space*. Ed. by T. E. Bazhenova. Samara: Nauchno-tekhnicheskiiy tsentr; 2022:99–108.

3. Butova A. V. Self-presentation of the subject in mass media discourse. *Sovremennye problemy i perspektivy razvitiya nauki, tekhniki i obrazovaniya = Modern problems and prospects for the development of science, technology and education*. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov; 2020: 1134–1136.
4. Davletukaeva A. Sh. Economic terminology in the Chechen language in the context of bilingualism. *Modeli issledovaniya kommunikativnogo povedeniya bilingvov = Models for studying the communicative behavior of bilinguals*. Groznyy: Chechen State Pedagogical University; 2020:170–188.
5. Dedyukhina A. G. *Lingvosemioticheskie kharakteristiki angloyazychnykh zaimstvovaniy v rossiyskoy reklame = Semiotic characteristics of English-language borrowings in Russian advertising*. Krasnodar: Kuban State University; 2022: 173 p.
6. Kozeychuk D. A. Linguistic transformation of brand names: marketing triumph or dead end? *Brend-menedzhment = Brand management*. 2019;1:44–52.
7. Krivnova O. F. *Bilateralnost yazykovogo znaka i lingvosemioticheskie problemy sovremennogo kommercheskogo neyminga = Bilaterality of the linguistic sign and linguosemiotic problems of modern commercial naming*. URL: https://inslav.ru/tnikolaeva/index.html#!/page_Statji.
8. Kulikova S. N. Naming ethics: do brands need linguistic expertise? *PR i reklama v izmenyayushchemsya mire: regionalnyy aspekt = PR and advertising in a changing world: regional aspect*. 2017;16:42–50.
9. Ma C., Tszyan C. Creolized texts in Russian advertising discourse (based on food advertising). *Nauchnye vesti = Scientific news*. 2022;3–2(44):162–207.
10. Medvedeva A. A. Brand as a unit of mass communication: towards semantic and pragmatic characteristics of the phenomenon. *Nauchnaya mysl Kavkaza = Scientific thought of the Caucasus*. 2010;3(63):184–187.
11. Moskaleva A. N. Functioning of the categories of polymodality and precedent in the English-language fashion discourse. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta rynka = Bulletin of the International Market Institute*. 2023;2:135–141.
12. Romashova I. P. Linguistic analysis of brand communication. *Nauchnyy dialog = Scientific dialogue*. 2016;6(54):80–93.
13. Spirina T. S. Brand as a category of linguacultural studies and brand management. *Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian studies*. 2018;3(67):29–32.
14. Starov S. A. *Brend: ponyatie, sushhnost, evolyutsiya = Brand: concept, essence, evolution*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brend-ponyatie-suschnost-evolyutsiya-1> (accessed: 02.04.2024).
15. Tuganova P. A. Functioning of Metaphor in Advertising Discourse. *Aktualnye problemy lingvistiki i mezhkulturnoy kommunikatsii = Actual Problems of Linguistics and Intercultural Communication*. Moscow: Russian State University named after A. N. Kosygin (Technologies. Design. Art); 2021;5(9):108–112.
16. Yeskiev M. A. Definition of the Concepts of “Branding”, “Brand”, “Brand Management”. *Evraziyskoe prostranstvo: ekonomika, pravo, obshchestvo = Eurasian Space: Economy, Law, Society*. 2022;3:58–59.
17. Gotta M. The Brandname in Marketingmix. *Global Branding und die Zukunft von Markennamen = Global Branding und die Zukunft von Markennamen*. Markenartikel 1, 1989:16–20.
18. Hansack E. The essence of the name. *Namenarten und ihre Erforschung = Types of names and their research*. Ed. by A. Brendler, S. Brendler. Hamburg: Baar Verlag; 2004:51–65.
19. Latour S. *Namen machen Marken. Handbuch zur Entwicklung von Firmen- und Produktnamen = Names make brands. Handbook for the development of company and product names*. Frankfurt-in-Main, New York: Campus Verlag; 1996.
20. Platen Ch. «Ökonymie». *Zur Produktnamen-Linguistik im Europäischen Binnenmarkt = «Ökonymie». On product name linguistics in the European internal market*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag; 1997.
21. Platen Ch. Esperanto in the supermarket. A foray into the world of brand names. *Contributions to Business Linguistics. Zeitschrift für Unternehmenskommunikation 1 = Journal for Corporate Communication 1*. 1999;2, 1–3.

Информация об авторе

А. В. Бутова – кандидат филологических наук.

Information about the author

A. V. Butova – Candidate of Philology.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.06.2024; одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 12.07.2024.

The article was submitted 04.06.2024; approved after reviewing 08.07.2024; accepted for publication 12.07.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 17–22.
Humanitarian Researches. 2024;3(91):17–22.

Научная статья
УДК 81-115

**БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «БЛОГЕР»
В СОЗНАНИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ**

Анастасия Владимировна Валяйбоб

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, nastia1987@list.ru

Аннотация. Лингвокультурология представляет собой междисциплинарную область исследований, объединяющую лингвистические и культурологические аспекты. В статье изучается важность лингвокультурологии в контексте современного информационного общества, где взаимосвязь между языком и культурой играет ключевую роль в коммуникации. Особое внимание уделено лингвокультурному типу «блогер» как представителю онлайн-сообщества, обладающему уникальным языковым стилем, ценностями и образом мышления. Анализируются особенности формирования лингвокультурного типажа «блогер», его влияние на аудиторию и взаимодействие с другими участниками цифрового пространства. Наибольшее влияние изучаемый лингвокультурный типаж имеет на молодое поколение, основные убеждения и ценности которого формируются в условиях информационного общества. Лингвокультурный типаж «блогер» представляется особенно значимым для изучения по нескольким причинам. Во-первых, формирование языковой нормы: популярные блогеры оказывают существенное влияние на язык. Используя сленг, мемы, неологизмы, они создают новые нормы общения, которые быстро распространяются среди подписчиков и далее. Во-вторых, трансляция культурных ценностей: блогеры транслируют определённые ценности и нормы через свой контент. Они могут популяризировать здоровый образ жизни, толерантность, осознанное потребление или же, наоборот, пропагандировать, например нездоровые эталоны красоты. В-третьих, продвижение кросс-культурного диалога: блогеры, путешествуя, взаимодействуют с представителями разных культур. Они знакомят свою аудиторию с традициями, обычаями, языком других стран, способствуя снятию стереотипов и развитию толерантности. Стоит также упомянуть, что современное цифровое общество также именуется обществом потребления. Блогеры играют важную роль в продвижении товаров и услуг. Их рекомендации воспринимаются как совет друга, что делает обычную рекламу гораздо эффективнее. Лингвокультурный типаж «блогер» в современном информационном (цифровом) обществе очень многогранен. Важно, чтобы блогеры осознали свою роль и влияние, стремясь к созданию качественного, интересного и полезного контента, который будет способствовать развитию аудитории.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, информационное общество, дефиниционный анализ, понятийные характеристики, блогер, русская лингвокультура

Для цитирования: Валяйбоб А. В. Базовые характеристики лингвокультурного типажа «блогер» в сознании молодого поколения носителей русской лингвокультуры // Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 17–22.

Original article

BASIC CHARACTERISTICS OF THE LINGUOCULTURAL TYPE "BLOGGER" IN THE MINDS OF THE YOUNGER GENERATION OF THE REPRESENTATIVES OF RUSSIAN LINGUOCULTURE

Anastasiia V. Valiaibob

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, nastia1987@list.ru

Abstract. Linguoculturology is an interdisciplinary field of research that combines linguistic and cultural aspects. The article examines the importance of linguoculturology in the context of the modern information society, where the relationship between language and culture plays a key role in communication. Particular attention is paid to the linguocultural type "blogger" as a representative of the online community with a unique language style, values and way of thinking. The features of the formation of the linguocultural type "blogger", its influence on the audience and interaction with other participants in the digital space are analyzed. The studied linguocultural type has greater influence on the younger generation, whose basic beliefs and values are formed in the conditions of the information society. The linguocultural type "blogger" seems to be especially important for studying for several reasons. First, the formation of a language norm: popular bloggers have a significant impact on the language. Using slang, memes, and neologisms, they create new norms of communication that quickly spread among subscribers and beyond. Secondly, the broadcast of cultural values: bloggers broadcast certain values and norms through their content. They can promote a healthy lifestyle, tolerance, conscious consumption, or, conversely, promote, for example, unhealthy standards of beauty. Thirdly, the promotion of cross-cultural dialogue: bloggers, traveling, interact with representatives of different cultures. They introduce their audience to the traditions, customs, and language of other countries, contributing to the removal of stereotypes and the development of tolerance. It is also worth mentioning that the modern digital society is also called the consumer society. Bloggers play an important role in promoting products and services. Their recommendations are perceived as the advice of a friend, which makes regular advertising much more effective. The linguocultural type of "blogger" in the modern information (digital) society is very multifaceted. It is important that bloggers are aware of their role and influence, striving to create high-quality, interesting and useful content that will contribute to the development of the audience.

Keywords: linguocultural type, information society, definitional analysis, conceptual characteristics, blogger, Russian linguoculture

For citation: Valiaibob A. V. Basic characteristics of the linguocultural type "blogger" in the minds of the younger generation of the representatives of Russian linguoculture. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;3(91):17–22 (In Russ.).

Лингвокультурология является одним из ведущих направлений в современной лингвистике. Основной задачей лингвокультурологических исследований сегодня является изучение культурных особенностей, которые отражаются в языке. Каждый язык несёт в себе уникальные значения, нормы и традиции, которые отражают менталитет и образ жизни определённой культуры. Лингвокультурология помогает расшифровать и интерпретировать эти особенности, объяснить их влияние на коммуникацию.

Исследование лингвокультурных концептов (и типажей как их разновидности) способствует успешной межкультурной коммуникации и пониманию особенностей той или иной культуры в целом.

Одним из самых ярких типажей современности является типаж «блогер». Он представляет особый интерес для изучения, поскольку встречается во всех культурах, где есть доступ к современным цифровым технологиям. При этом являясь в некотором смысле универсальным общекультурным типажом, всё же имеет свои особенности в различных культурах.

Данный типаж уже являлся объектом исследования учёных-лингвистов (Е. Н. Граждан, К. К. Богатых), однако не подвергался изучению с позиций общекультурного типажа, имеющего как универсальные характеристики

в различных культурах, так и особенности, в частности в русской и американской лингвокультурах, что обусловило актуальность данного исследования.

В век цифровых технологий блогеры играют значительную роль в жизни молодого поколения, для которого они стали источником информации, вдохновения и поддержки в период развития и самопознания.

Блогеры предоставляют подросткам доступ к различной информации по широкому спектру тем. Они могут узнать о последних тенденциях моды и красоты, научных открытиях, социальных проблемах и многом другом. Следствием этого является возведение успешных блогеров в ранг «кумиров» и «идолов». Многие современные подростки полагают, что добиться успехов в этой сфере просто: блог может «выстрелить» за один день, и тогда его автор становится мегапопулярным и может существенно улучшить своё материальное положение. Безусловно, успешность, популярность и высокие доходы топовых блогеров делают этот типаж очень привлекательным, особенно в глазах молодого поколения. Именно поэтому предметом нашего исследования является то, как воспринимают данный типаж подростки (возраст опрошенных – 16–17 лет).

Прежде чем изучить, как типаж «блогер» отражён в сознании молодых носителей русской лингвокультуры, необходимо проанализировать словарные дефиниции лексемы «блогер», то есть рассмотреть его понятийную составляющую.

Детально происхождение лексемы «блогер» (blogger) исследуется в работе Е. Н. Граждан, в которой говорится, что определить точную дату появления типажа «блогер» и самого явления «блогинга» довольно сложно, но оно приходится на первую половину 1990-х годов, когда впервые стала употребляться лексема “blog”. Некоторые источники ссылаются на 1994 год, когда студент Джастин Холл впервые начал вести интернет-дневник, который состоял из обзоров примеров HTML, попадавших ему в Сети. В 1997 году Джон Барджер, основатель сайта “Robot Wisdom”, ввёл новое слово для описания блогов в интернете – “weblog”. Оно было образовано из фразы “logging the web” (можно перевести как «веду дневник в Сети») – глагол превратился в существительное. И только в 2003 году в Оксфордском словаре появились лексемы “weblog” и “weblogger”, а в 2004 году издатели американского словаря “Merriam-Webster” назвали слово “blog” главным словом года, так как «именно его значение хотели узнать пользователи веб-сайта Merriam-Webster чаще всего» [4, с. 86].

Для освещения понятийных характеристик рассматриваемого типажа в сознании носителей русской лингвокультуры были проанализированы дефиниции ряда авторитетных интернет-словарей русского языка (БТС, Толковый словарь русского языка начала XXI века, Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. и др.), в которых имя типажа определяется следующим образом:

- 1) Большой толковый словарь русского языка:
БЛОГЕР, -а; м. [англ. blogger]. Тот, кто ведёт собственный блог или тот, от чьего имени ведётся блог [2];
- 2) Викисловарь. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика:
Блогер, автор блога [3];
- 3) Толковый словарь русского языка Ожегова С. И.:
Блогер, -а, существительное, мужской род. Человек, занимающийся ведением интернет-дневника – «блога» и систематически публикующий в нём записи [7];
- 4) Универсальный дополнительный практический толковый словарь:
блогер, комп. человек, который ведет свой блог [8].

Поиск дефиниций данной лексики оказался непростым, поскольку крайне малое количество толковых словарей современного русского языка уже включают в себя статьи «блогер». Наиболее полное определение находим в SMM-словаре:

Блогер – пользователь интернета, который ведёт свой блог в любом формате от своего имени или псевдонима. Блогерами можно считать всех, кто публикует на некоторой персонализированной интернет-площадке, будь то аккаунт в социальной сети, специализированная блог-платформа или личный сайт, авторский контент. Ранее под блогерами однозначно понимали людей, публикующих в своём блоге авторские текстовые заметки, в которых могли встречаться любые мультимедийные материалы (фото-, видео-, аудио-, а также ссылки на любые файлы). Сегодня же блогеров подразделяют на много типов, самые распространённые из которых микроблогеры и видеоблогеры. На сегодняшний день блогеры используют для ведения своих блогов самые разные социальные площадки, в том числе ВКонтакте, Фейсбук*, YouTube, Твиттер** и прочие [1].

Таким образом, согласно определениям, предлагаемым в толковых словарях современного русского языка, блогер – это человек, который ведёт собственный блог на различных интернет-площадках (наиболее популярны ВКонтакте, Фейсбук*, YouTube и другие), в котором публикует материалы (контент) на различные темы.

Рассмотрим теперь то, как определяют изучаемый типаж представители молодого поколения русской лингвокультуры. В опросе приняли участие 40 человек, юноши и девушки, – ученики 10 класса гимназии № 4 г. Астрахани. Опрос проводился анонимно, опрашиваемые указывали только свой пол и возраст. Им предлагалось ответить на ряд вопросов, один из которых звучал следующим образом: «Кто такой “блогер”?».

Приведём наиболее распространённые ответы:

- это человек, который создаёт и публикует авторский контент на онлайн-площадке;
- создатель уникального контента / контентмейкер с собственной аудиторией;
- человек, который активно ведёт социальные сети, делится чем-либо в интернете на постоянной основе;
- интернет-пользователь, который ведёт собственный канал, сайт или страничку;
- человек, который публикует свой контент на площадках.

Итак, блогер – это:

- 1) человек,
- 2) который создаёт
- 3) и публикует
- 4) активно / на постоянной основе
- 5) уникальный / авторский контент
- 6) на какой-либо интернет-площадке.

Интересно, что только два информанта указали на пол исследуемого типажа (мужской: «парень с камерой», «чувак с телефоном»), то есть гендерный аспект здесь не важен. Стоит отметить, что слова «блогерша» или «блогерка» на данном этапе не прижились в русском языке, и слово «блогер» применимо по отношению к любому гендеру.

Блогер – это тот, кто создаёт («создаёт», «создатель», «автор») какой-то уникальный («уникальный», «авторский», «собственный») контент, который обязательно должен быть опубликован в интернете (социальная сеть, свой

* Актив компании Meta, запрещённой в РФ.

** Запрещена в РФ.

канал или страничка). При этом у автора есть целевая аудитория («целевая аудитория», «собственная аудитория», «определённая аудитория»). Один из информантов пишет: «блогер – это человек, который может зацепить аудиторию. Также умеет коммуницировать с людьми и подавать себя». То есть блог развивается при условии, что есть те, кому он интересен. Это не мемуары для собственного пользования, не дневник в классическом понимании. Кроме того, блог требует постоянного развития, новых постов, иначе подписчики потеряют интерес. Блог может обновляться несколько раз в день или, допустим, раз в неделю, но регулярно.

35 % информантов в своих определениях к слову «блогер» упомянули не менее модное сегодня слово «контент». Так же как и «блогер», оно пришло к нам из английского языка. Определение этого слова в современных русскоязычных толковых словарях оказалось найти так же сложно, как и «блогер». Итак, контент – это:

1. Словарь бизнес-терминов: информационное наполнение – тексты, графика, мультимедиа и иное информационно значимое наполнение информационной системы [6].

2. Словарь SEO терминов: калька (с англ. content) – содержание, содержимое; иногда используют – информационное наполнение, наполнение – собирательный термин, характеризующий любую информацию, которая содержится на страницах веб-ресурса. В буквальном смысле контентом можно назвать тексты, аудио- и видеофайлы, графические изображения, анимацию, картинки и прочую информацию, размещённую на интернет-ресурсе (всё, что пользователь может прочитать, увидеть, услышать) [5].

Таким образом, любой материал, который блогер размещает в своих постах, можно именовать контентом, и он обязательно должен быть уникальным и «цеплять» аудиторию. Контент может быть «развлекательным» (отметили 5 % информантов), на какую-либо «определённую тему» (7,5 % информантов), то есть от блогера ждут информацию на конкретную тему, иначе целевая аудитория может быть потеряна. И если сначала в силу определённого уровня развития технологий содержание блога могло быть просто текстовым, то сейчас под контентом чаще понимают видеоматериал или как минимум фото и картинки («снимает видео», «снимает на публику», «снимает видеоблоги», «парень с камерой»).

Кроме того, жизнь блогера предполагает публичность («делится своими эмоциями и переживаниями», «транслирует свою жизнь в интернете», «ведущий публичную жизнь в интернете», «показывает часть своей жизни в соц. сетях», «снимающий моменты из своей жизни, выкладывая всё в интернет», «публичная личность»). Этот аспект отметили 20 % информантов.

Таким образом, типаж «блогер» в сознании представителей молодого поколения русской лингвокультуры имеет следующие характеристики: блогер – это человек, который создаёт уникальный авторский контент и регулярно публикует его на онлайн-площадках (соцсети, собственные каналы или страницы), у которого есть своя целевая аудитория, ожидающая от автора контент на определённую тему. Блогер умеет преподнести материал интересно и «зацепить» подписчиков. Жизнь блогера предполагает публичность.

Список источников

1. SMM-словарь. – URL: <https://progressium.ru/smm/>.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar#>.
3. Викисловарь Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. – Москва : Эксмо, 2006.
4. Граждан Е. Н. Лингвокультурный типаж блогер / Е. Н. Граждан // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 10 (88), ч. 1. – С. 84–87.

5. Словарь SEO терминов. – URL: <https://slovaronline.com/browse/4ab5117d-bd5d-3d5d-8810-d5fc9c1025ab/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%82>.
6. Словарь бизнес-терминов. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/19497>.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова. – URL: <https://ozhegov.textologia.ru/definit/blogger/?q=742&n=206422>.
8. Универсальный дополнительный практический толковый словарь. И. Мостицкий. 2005–2012. – URL: https://mostitsky_universal.academic.ru/885/%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B5%D1%80.

References

1. *SMM-slovar = SMM dictionary*. URL: <https://progressium.ru/smm>.
2. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka = The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Ed. by S. A. Kuznetsov. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar#>.
3. *Vikislovar Tolkovyy slovar russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktualnaya leksika = Wiktionary Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Early 21st Century. Current Lexicon*. Ed. by G. N. Sklyarevskaya. Moscow: Eksmo; 2006.
4. Grazhdan Ye. N. The Lingvocultural Type of Blogger. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Theory and Practice Issues*. 2018;10(88), 1:84–87.
5. *Slovar SEO terminov = Dictionary of SEO Terms*. URL: <https://slovaronline.com/browse/4ab5117d-bd5d-3d5d-8810-d5fc9c1025ab/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%82>.
6. *Slovar biznes-terminov = Dictionary of business terms*. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/19497>.
7. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka Ozhegova S. I. = Explanatory dictionary of the Russian language*. Ed. by S. I. Ozhegov. URL: <https://ozhegov.textologia.ru/definit/blogger/?q=742&n=206422>.
8. *Universalnyy dopolnitelnyy prakticheskiy tolkovyy slovar. I. Mostitskiy. 2005–2012 = Universal additional practical explanatory dictionary. I. Mostitskiy. 2005–2012*. URL: https://mostitsky_universal.academic.ru/885/%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B5%D1%80.

Информация об авторе

А. В. Валяйбоб – кандидат филологических наук.

Information about the author

A. V. Valiaibob – Candidate of Philology.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.07.2024, одобрена после рецензирования 22.08.2024, принята к публикации 28.08.2024.

The article was submitted 24.07.2024; approved after reviewing 22.08.2024; accepted for publication 28.08.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 23–29.
Humanitarian Researches. 2024;3(91):23–29.

Научная статья
УДК 811.112

ИНТЕРНЕТ-ИМЯ КАК НОВАЯ ОНОМАСТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЯ

Кисель Олеся Владимировна

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова,
Магнитогорск, Россия, olesja-kisel@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8503-9948>

Аннотация. Интернет стал неотъемлемой частью жизни современного человека. Это не только источник информации, но и новый способ коммуникации, который на сегодняшний день занимает лидирующую позицию. Виртуальное общество существует по схожим законам, что и офлайн-социум. Человек, перенося общение в интернет, не может оставаться анонимным, он должен самопрезентовать себя каким-либо способом. Интернет-псевдоним, или же никнейм, ник, будет являться одним из основных способов номинации пользователя. В отличие от офлайн-среды, где номинация имеет свои правила и закономерности, именование в онлайн-среде ограничивается фантазией пользователя. В интернете имядатель при создании никнейма может использовать как буквы и цифры, так и неалфавитные символы, а также различные смайлы. Актуальность данной статьи заключается в многостороннем рассмотрении никнейма не только как знака для номинации интернет-пользователя, но и его позиционировании как новой ономастической реальности. Материал исследования был собран автором с различных форумов и составил 400 ников. Цель исследования – описать, охарактеризовать и дать определение никнейму как основной единице самономинации и самопрезентации пользователя в интернет-пространстве. Систематизировав полученный ономастический материал, автор выделил группы ников, основанных на различных мотивах: личный опыт, характеристика офлайн-социума, отличительные характеристики пользователя. Автор приходит к выводу, что интернет-имя – это ономастическая единица с высоким коннотативным потенциалом, требующая дальнейшего углублённого исследования и систематизации.

Ключевые слова: никнейм, интернет-имя, коммуникация, социум, самономинация, интернет-пользователь, коннотация, экстралингвистика

Для цитирования: Кисель О. В. Интернет-имя как новая ономастическая реалья // Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 23–29.

Original article

INTERNET NAME AS A NEW ONOMASTIC REALITY

Olesya V. Kisel

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia,
olesja-kisel@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8503-9948>

Abstract. The Internet has become an integral part of a modern person's lifestyle. It is both a source of information and a new way of communication. Today internet communication occupies a leading position. Virtual society exists according to similar laws as offline society. A person transferring communication to the Internet cannot remain anonymous; he must present himself in some way. Internet-pseudonym or nickname (nick) will be one of the main ways to nominate a user. Unlike the offline environment, where nomination has its own rules and patterns, naming in the online environment is limited by the user's imagination. On the Internet, when coining a nickname, the name giver can use both letters and numbers, and non-alphabetic characters, as well as various emoticons. The relevance of the article lies in the multilateral and interdisciplinary consideration of the nickname not only as a sign for the nomination of an Internet user, but also in its positioning

as a new onomastic reality. The research material was collected by the authors from various forums and amounted to 400 nicknames. The purpose of the study is to describe, characterize and define a nickname as the main unit for self-nomination and self-presentation of a user in the Internet space. Having systematized the obtained onomastic material, groups of nicknames were identified based on various motives: personal experience, characteristics of offline society, distinctive characteristics of the user himself. The author comes to the conclusion that an Internet name is an onomastic unit with high connotative potential, requiring further serious research and systematization.

Keywords: nickname, Internet – name, communication, society, self-nomination, Internet user, connotation, extralinguistics

For citation: Kisel O. V. Internet name as a new onomastic reality. *Gumanitarnyye issledovaniya* = *Humanitarian Researches*. 2024;3(91):23–29 (In Russ.).

Введение. Современную коммуникацию невозможно представить без интернета, который проник во все сферы общественной жизни и занял, пожалуй, лидирующее положение в процессе обмена информацией [3; 4]. В виртуальной среде человек самопрезентует себя, будь то никнейм, логин электронной почты или аккаунт в социальных сетях.

Проблемами самоидентификации и самопрезентации занимаются учёные разных областей науки: психологии, педагогики, лингвистики. Так, О. Ю. Федоренко в статье «Самоидентификация личности в информационно-коммуникационном пространстве сети Интернета» рассматривает интернет как инструмент становления самоидентичности пользователей [14].

Е. Р. Южанинова, К. З. Кеидия, рассматривая вопросы кризиса самоидентификации личности, приходят к мнению, что «самопрезентация в сети является наиболее зримым воплощением возможностей самоидентификации в интернет-пространстве» [15, с. 28].

С точки зрения лингвистического анализа процесса самоидентификации, самономинации и самопрезентации интересной является работа В. В. Казябы. Автор, рассматривая различные пути самономинации посредством никнейма, приходит к выводу, что «компьютерно-опосредованная коммуникация создаёт особенно благоприятные условия для модификации различных прецедентных онимов в виртуальные самономинации» [5, с. 47].

А. А. Москальчук [9], Д. Т. Авчиева [1], А. А. Лунгуль, И. А. Славкина [7], Е. В. Рочняк, В. А. Демьянюк [12] рассматривают никнейм как новый лингвистический феномен, а также как новую ономастическую реалию. Все учёные склонны полагать, что никнейм – это языковая единица, которая находится на стыке лингвистики и экстралингвистики.

Самономинация как основной способ идентификации пользователя в интернет-пространстве. Номинация личным именем, как правило, проходит независимо от воли его носителя. В случае с интернет-именем человек сам выбирает псевдоним, который будет презентацией его цифровой личности [2; 8].

Номинация подобного типа может основываться на личном опыте, характеристиках офлайн-социума или же на отличительных личных чертах самого пользователя [18; 21]. Интернет-имя отличается от обычных антропонимов тем, что включает в себя дискурсивное пространство, в котором пользователь через никнейм заявляет о своей позиции или выражает мнение и чувства по поводу тех или иных ситуаций [11]. Так, М. Мартин приводит пример с сайта провинции Квебек *Patriote du Québec Libre* (Патриот свободного Квебека), посвящённый его независимости, отмечая, что ряд никнеймов содержат контент, который отсылает к событиям или персонажам, участвовавшим в революциях, таким как *Bolchevik*, или раскрывает мнения интернет-пользователей, например *Béni Oui Oui* (*подпевала, подхалим*) [21].

В целом антропоним человека в офлайн-среде является маркером идентичности, который имеет генеалогическую связь – отчество, фамилия,

а также коннотативные характеристики – прозвища или уменьшительные формы. Такие виды номинации, как отчество или фамилия, являются законодательно маркированными онимами и позволяют человеку стать полноправным членом социума [16; 20].

Согласно Х. Шошату и А. Дюран-Дельвинь, идентичность субъекта – это «отношения с миром, определённый способ существования и позиционирования себя по отношению к окружающей среде и особенно по отношению к другим людям и группам» [19, с. 43].

Говоря об идентичности, Х. Шошат утверждает, что акт именования – это начало всякой идентичности, а имянаречение – это начало существования любой личности [19]. Номинация – это символический акт, который позволяет идентифицировать человека как члена социума через запись в актах гражданского состояния, а также определить его как носителя языка и культуры.

Именование человека не заканчивается только антропонимами, существуют и неофициальные имена, созданные для различных целей и функционирующие в различных сферах [10; 13].

Интернет как площадка для создания нового цифрового общества является основой для процесса переопределения личности в контексте новой коммуникации [21; 23]. В лингвистическом плане данное переопределение личности будет выражаться через самономинацию, инструментом которой является интернет-псевдоним (никнейм, ник).

Псевдоним отличается от личного имени своим назначением в нелингвистическом плане и семантикой – в лингвистическом. С одной стороны, он служит анонимности, а с другой – может быть создан на основе существующих антропонимов или являться результатом самономинации через имятворчество [17].

«Однако основным отличием прозвищ от ников выступает категория номинатора, равная в случае с никнеймом самому денотату. Интернет-пользователь сам придумывает себе имя в зависимости от своего эмоционального состояния, профессиональной деятельности, актуальных тенденций внутри субкультуры, к которой принадлежит и т. п.» [6, с. 84].

Никнейм является новым видом псевдонима, функционирующим в интернете.

Французский словарь, посвящённый интернету, информатике и телекоммуникациям, даёт следующее определение термину «псевдоним»: «вымышленное имя, выбранное пользователем Интернета при общении в сети с другими пользователями Интернета» [22].

В словаре компьютерных терминов и интернет-сленга можно найти следующее определение ника: «сокращённо от никнэйм (англ. nickname – прозвище, кличка) – произвольное, вымышленное имя пользователя, указываемое им при регистрации на форумах, в чатах, в блогах, в социальных сетях и на других общественных Интернет-ресурсах» [24].

Мы придерживаемся следующего определения никнейма: это имя, под которым интернет-пользователь известен другим членам онлайн-коммуникации в пространстве конкретного виртуального сообщества, с большим коннотативным и креативным потенциалом. Однако виртуальный псевдоним сосуществует наряду с официальным антропонимом. Если личное имя устанавливает отношения между человеком, его Я и социумом в офлайн-среде, то никнейм устанавливает отношения между пользователем интернета и виртуальным обществом.

Статус никнеймов в интернете. Основной характеристикой никнейма в интернете является креативность: *gothic-dragon* (*готический дракон*), *unelephantcatrompenormement* (*слон привлекает внимание*), *LoloFromParis*.

Анализ создания никнейма в ономастике показывает, что существуют противоречия между анонимностью, используемой в интернете, и характером

антропонимического выбора. С одной стороны, создание никнейма может быть спровоцировано желанием пользователя остаться неизвестным, с другой – пользователь должен идентифицировать себя как член офлайн-социума. Приоритетность анонимности или узнаваемости зависит от коммуникативной ситуации в интернет-пространстве. Так, например, при создании логина для электронной почты часто используются личные имена или их перевод на английский: *Julia_south* (Юля Южакова), *lukoks* (Лукина Оксана). Для общения в чатах пользователи изобретают совершенно новые никнеймы, зачастую не связанные с личными именами, а выражающие отношение пользователя к теме обсуждения: *Я – Nexочун*, *duMMerMensch*.

После проведённого анализа собранный материал интернет-имён можно сгруппировать следующим образом.

1. Никнейм создан на основе личного опыта (139 пользователей).

Анализ интернет-имён с лингвистической точки зрения показывает, что никнеймы могут быть как лексически значимыми ономастическими единицами, так и иметь семантическую структуру. Так, например, никнейм *УТанЮ-шидел_немало* взят из детского стиха. Данная лексическая единица состоит из личного онима, однако никак не связана с официальным именем пользователя. Никнейм *Psychomath* является результатом лексико-семантической игрой и обозначает «психопат», а интернет-имя *alcoolikUnanyme* ассоциируется у пользователя с «анонимными алкоголиками».

2. Никнейм создан на характеристиках социума, в котором живёт пользователь, – 86 человек. Пользователи интернета также могут использовать псевдонимы, чтобы выразить своё мнение по социально значимым вопросам. Так, в виртуальной среде встречаются такие никнеймы, как: *bee*, *Боди_positivee? coliBri*, свидетельствующие об интересе пользователей к темам, которые обсуждаются на том или ином форуме.

3. Никнейм создан на отличительных чертах характера или внешности пользователя – 75 человек. Данный вид никнеймов часто встречается на форумах, посвящённых красоте и бьюти-индустрии.

Многочисленной группой интернет-имён являются онимы с ярко выраженной эмоциональной коннотацией. В своём исследовании П. Блюменталь перечислил восемь основных эмоций: *горе, страх, гнев, радость, уверенность, отвращение, предвкушение и удивление*, которые тем или иным образом были упомянуты в никнеймах.

В подтверждение данной мысли нами были выбраны некоторые ники, семантическое описание которых можно отнести к описанию тех или иных эмоций. Так, например, горе выражено посредством таких никнеймов, как: *gloriousgore*, *Vom_Kummer_gebrocht*, *oxAX_342*, *O, Боже!* Коннотативная окраска ников *Шакал*, *qarnacier* (плотоядный), *ViRuZ вирус*, показывает, что пользователь или сам испытывает страх и гнев, или же хочет внушить его адресату. Такие никнеймы, как *Somnobulis*, *Temps Noirs*, *TestaMora*, связаны с отчаянием или разочарованием.

На некоторых форумах, где поднимались темы болезней, создатели предоставляют пользователям интернета доступ к дискуссиям по волнующим их вопросам. Так, например, на форуме, по обсуждению анорексии и булимии можно встретить пользователей с никнеймами *Bio-Nom*, *Адвокат Дьявола*, *deva-eva*, *Амарант* (полезное растение).

Заключение. В Сети существует огромное количество интернет-имён, и хотя их цель – идентифицировать пользователя, начальные цели и мотивы их создания различаются в зависимости от сайтов, которые посещает пользователь.

Количество никнеймов в интернет-пространстве у одного пользователя может варьироваться от одного до бесконечности. Основная функция интернет-имени – идентификация, при этом способы её выражения могут быть

различными, так как это будет зависеть от того, где именно функционирует ник: форум, электронная почта, социальные сети.

Список источников

1. Авчиева Д. Т. Никнейм как языковое явление / Д. Т. Авчиева // Вестник Орловского государственного университета. Сер.: Новые гуманитарные исследования. – 2011. – № 3 (17). – С. 355–357.
2. Балкунова А. С. Место никнеймов в ономастике / А. С. Балкунова, Э. М. Рянская // Вестник Нижневартковского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 17–22.
3. Бутова А. В. Самопрезентация субъекта в масс-медийном дискурсе / А. В. Бутова // Современные проблемы и перспективы развития науки, техники и образования. – Магнитогорск : Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2020. – С. 1134–1136.
4. Зубарева А. В. Никнейм как особый тип онимов: в поисках интегрального признака / А. В. Зубарева // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2018. – № 4. – С. 115–123.
5. Казяба В. В. Именная транспозиция в сфере никнеймов немецкоязычных интернет-пользователей / В. В. Казяба // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2016. – № 1 (154). – С. 43–48.
6. Казяба В. В. Интернет-никнейм сквозь призму прозвища / В. В. Казяба // Новая наука: От идеи к результату. – 2016. – № 2–3. – С. 83–84.
7. Лунгуль А. А. Никнейм как разновидность имени собственного / А. А. Лунгуль, И. А. Славкина // Вестник научных конференций. – 2016. – № 5–4 (9). – С. 178–180.
8. Лутовинова О. В. Языковая личность в виртуальном дискурсе / О. В. Лутовинова. – Волгоград, 2013. – 42 с.
9. Москальчук А. А. Никнейм – виртуальное имя человека / А. А. Москальчук // Записки Горного института. – 2009. – Т. 182. – С. 246–248.
10. Наумова Т. А. Образ «Я» интернет-зависимых и интернет-независимых социальных агентов в виртуальном пространстве / Т. А. Наумова. – Ярославль, 2007.
11. Неяскина Ю. Ю. Трансформация идентичности личности в виртуальном мире: особенности самопрезентации пользователей в сети интернет // Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук. – Петропавловск-Камчатский : Учебно-научный центр, 2013. – С. 95–101.
12. Рочняк Е. В. Никнейм как форма выражения виртуальной самоидентичности / Е. В. Рочняк, В. А. Демьянюк // Восточнославянская филология. Языкознание. – 2019. – № 9 (35). – С. 102–115.
13. Собиров Б. С. Основные антропонимические категории / Б. С. Собиров // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2020. – № 7. – С. 193–197.
14. Федоренко О. Ю. Самоидентификация личности в информационно-коммуникационном пространстве сети интернет / О. Ю. Федоренко // Приднестровье в современной геополитической реальности: 30 лет успешного государственного строительства и системного международного сотрудничества / отв. ред. И. В. Толмачева. – Тирасполь : Приднестровский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко, 2020. – С. 266–272.
15. Южанинова Е. Р. Самоидентификация современного человека: причины кризиса и его развитие в интернет-пространстве / Е. Р. Южанинова, К. З. Кеидия // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 4. – С. 28–35.
16. Яковлева Л. С. Самопрезентация личности в публичном пространстве сети интернет: проблема самоидентификации / Л. С. Яковлева // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований. – Оренбург, 2021. – С. 745–747.
17. Bechar-Israeli H. Nicknames, Play and Identity on Internet Relay Chat / H. Bechar-Israeli // Journal of Computer-Mediated Communication. – 1995. – № 1 (2). – doi: 10.1111/j.1083-6101.1995.tb00325.x.
18. Blumenthal P. Le lexique des émotions. Dans Iva Novakova. Les noms d'émotion: trois systèmes d'ordre / P. Blumenthal. – Grenoble : Ellug, 2009. – P. 41–64.
19. Chauchat H. De l'identité du sujet au lien social / H. Chauchat, A. Durand-Delvigne. – Paris: PUF, 1999.
20. Langendonck W. Theory and Typology of Propernames / W. Langendonck. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2007.

21. Mick D. Research and Semiotics: Exploring the Morphology of Signs, Symbols, and Significance / D. Mick, G. Consumer // *Journal of Consumer Research*. – 1986. – № 13 (September). – P. 196–213.
22. Office quebecois de la Langue Française. 2001, 806 p.
23. Reyhan Yusif Habibli. The Role of the Proper Names on the Internet-Communication / Reyhan Yusif Habibli // *Journal of Critical Reviews*. – 2020. – Vol 7, iss. 4. – P. 906–908.
24. Словарь компьютерных терминов и Интернет-сленга. – URL: <http://www.netoskop.ru/theme/2001/06/21/2662.html> (дата обращения: 21.02.2024).

References

1. Avchieva D. T. Nickname as a linguistic phenomenon. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Novye humanitarnye issledovaniya" = Bulletin of the Oryol State University. Series "New humanitarian studies"*. 2011;3(17):355–357.
2. Balkunova A. S., Ryanskaya Ye. M. The place of nicknames in onomastics. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Nizhnevartovsk State University*. 2010;3:17–22.
3. Butova A. V. Self-presentation of the subject in mass media discourse. *Sovremennye problemy i perspektivy razvitiya nauki, tekhniki i obrazovaniya = Modern problems and prospects for the development of science, technology and education*. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosova; 2020:1134–1136.
4. Zubareva A. V. Nickname as a special type of onyms: in search of an integral feature. *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki = Bulletin of the Southern Federal University. Philological sciences*. 2018;4:115–123.
5. Kazyaba V. V. Nominal transposition in the sphere of nicknames of German-speaking Internet users. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes of Petrozavodsk State University*. 2016;1(154):43–48.
6. Kazyaba V. V. Internet nickname through the prism of a nickname. *Novaya nauka: Ot idei k rezultatu = New science: From idea to result*. 2016;2–3:83–84.
7. Lungul A. A., Slavkina I. A. Nickname as a type of proper name. *Vestnik nauchnykh konferentsiy = Bulletin of scientific conferences*. 2016;5–4(9):178–180.
8. Lutovinova O. V. *Yazykovaya lichnost v virtualnom diskurse = Linguistic personality in virtual discourse*. Volgograd; 2013: 42 p.
9. Moskalchuk A. A. Nickname – a virtual name of a person. *Zapiski Gornogo instituta = Notes of the Mining Institute*. 2009;182:246–248.
10. Naumova T. A. *Obraz "Ya" internet-zavisimyykh i internet-nezavisimyykh sotsialnykh agentov v virtualnom prostranstve = The image of the "I" of Internet-dependent and Internet-independent social agents in the virtual space*. Yaroslavl; 2007.
11. Neyaskina Yu. Yu. Transformation of personal identity in the virtual world: features of self-presentation of users on the Internet. *Teoriya i praktika sovremennykh humanitarnykh i estestvennykh nauk = Theory and practice of modern humanitarian and natural sciences*. Petropavlovsk-Kamchatsky: Educational and Scientific Center; 2013: 95–101.
12. Rochnyak E. V., Demyanyuk V. A. Nickname as a form of expression of virtual self-identity. *Vostochnoslavianskaya filologiya. Yazykoznanie = East Slavic Philology. Linguistics*. 2019;9(35):102–115.
13. Sobirov B. S. Basic anthroponymic categories. *Vestnik Tadzhikskogo natsionalnogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk = Bulletin of the Tajik National University. Series of philological sciences*. 2020;7:193–197.
14. Fedorenko O. Yu. Self-identification of a person in the information and communication space of the Internet. *Pridnestrovo v sovremennoy geopoliticheskoy realnosti: 30 let uspehnogo gosudarstvennogo stroitelstva i sistemnogo mezhdunarodnogo sotrudnichestva = Transnistria in modern geopolitical reality: 30 years of successful state-building and systemic international cooperation*. Ed. by I. V. Tolmacheva. Tiraspol: Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko; 2020:266–272.
15. Yuzhaninova E. R., Keidiya K. Z. Self-identification of a modern person: the causes of the crisis and its development in the Internet space. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2013;4:28–35.
16. Yakovleva L. S. Self-presentation of a person in the public space of the Internet: the problem of self-identification. *Sotsialno-humanitarnye innovatsii: strategii*

fundamentalnykh i prikladnykh nauchnykh issledovaniy = *Social and humanitarian innovations: strategies of fundamental and applied scientific research*. Orenburg; 2021: 745–747.

17. Bechar-Israeli H. Nicknames, Play and Identity on Internet Relay Chat. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 1995;1(2). doi: 10.1111/j.1083-6101.1995.tb00325.x.

18. Blumenthal P. *Le lexique des émotions. Dans Iva Novakova. Les noms d'émotion: trois systèmes d'ordre* = *The lexicon of emotions. In Iva Novakova. Emotion names: three systems of order*. Grenoble: Ellug; 2009:41–64.

19. Chauchat H., Durand-Delvigne A. *De l'identité du sujet au lien social* = *From the identity of the subject to the social bond*. Paris: PUF; 1999.

20. Langendonck W. *Theory and Typology of Propernames*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter; 2007.

21. Mick D., Consumer G. Research and Semiotics: Exploring the Morphology of Signs, Symbols, and Significance. *Journal of Consumer Research*. 1986;13:196–213.

22. *Office québécois de la Langue Française* = *Quebec Office of the French Language*. 2001: 806 p.

23. Reyhan Yusif Habibli. The Role of the Proper Names on the Internet-Communication. *Journal of Critical Reviews*. 2020;7(4):906–908

24. *Slovar kompyuternykh terminov i Internet-slenga* = *Computer and Internet terminals*. URL: <http://www.netoskop.ru/theme/2001/06/21/2662.html> (accessed: 21.02.2024).

Информация об авторе

Кисель О. В. – кандидат филологических наук.

Information about the author

Kisel O. V. – Candidate of Philology.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.07.2024; одобрена после рецензирования 20.08.2024; принята к публикации 28.08.2024.

The article was submitted 17.07.2024; approved after reviewing 20.08.2024; accepted for publication 25.08.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 30–36.
Humanitarian Researches. 2024;3(91):30–36.

Научная статья
УДК 81

**НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
ВЛАДИМИРА ПУТИНА И ЭММАНУЭЛЯ МАКРОНА**

Елена Вениаминовна Кузнецова

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, lena_kouznetsova@mail.ru

Аннотация. Невербальное поведение политика, будь то негативные проявления эмоционального состояния или невербальные сигналы, свидетельствующие о заинтересованности оратора в конкретной ситуации, играет одну из основополагающих ролей в построении образа политического деятеля. Политические деятели, порой сами того не осознавая, прибегают к различным средствам невербальной коммуникации (жесты или мимика, интонация или поза) в момент говорения. Распознавание подобного поведения способствует полному пониманию отношения говорящего к обсуждаемой теме. Это особенно важно, если речь идёт о политике, где напрямую поднимаются вопросы, от которых зависит жизнь миллионов людей. Теоретический анализ литературы показывает, что тема невербальной коммуникации в межличностном общении в целом рассматривалась достаточно широко. Однако проблема использования невербальных средств именно в политическом дискурсе остаётся мало разработанной. Невербальные компоненты поведения играют значительную роль в формировании имиджа политика. Являясь элементами неречевой структуры речи, они обслуживают вербальные формы коммуникации, тесно вплетены в структуру коммуникативного акта и неразрывны от него. Достижение соответствия невербальных поведенческих реакций вербальному сообщению – одна из главных задач, решаемых политиком в процессе работы над своим невербальным имиджем. Какой бы пламенной ни была речь политика, как бы виртуозно он ни владел залом, какой бы идеальной ни была его внешность, плохо контролируемые жесты выступающего могут обнаружить несоответствие между его словами и истинным мыслями.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, политический дискурс, жесты, мимика, интонация, межличностное общение

Для цитирования: Кузнецова Е. В. Невербальные средства общения в политическом дискурсе Владимира Путина и Эммануэля Макрона // Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 30–36.

Original article

**NON-VERBAL MEANS OF COMMUNICATION IN THE POLITICAL DISCOURSE
OF VLADIMIR PUTIN AND EMMANUEL MACRON**

Elena V. Kuznetsova

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, lena_kouznetsova@mail.ru

Abstract. Non-verbal behavior of a politician, whether negative manifestations of an emotional state or non-verbal signals indicating the speaker's interest in a particular situation, plays one of the fundamental roles in building the image of a politician. Politicians, sometimes without realizing it, resort to various means of non-verbal communication (gestures or facial expressions, intonation or posture) while speaking. Recognizing such behavior helps to fully understand the speaker's attitude to the topic under discussion. This is especially important when it comes to politics, where issues that affect the lives of millions of people are directly raised. Theoretical analysis of the literature shows that the topic of non-verbal communication in interpersonal communication has generally been considered

quite widely. However, the problem of using non-verbal means in political discourse remains poorly developed. Non-verbal components of behavior play a significant role in shaping the image of a politician. Being elements of the non-verbal structure of speech, they serve verbal forms of communication, are closely intertwined with the structure of the communicative act and are inseparable from it. Achieving compliance of non-verbal behavioral reactions with the verbal message is one of the main tasks solved by a politician in the process of working on his non-verbal image. No matter how fiery the politician's speech, no matter how masterfully he controls the hall, no matter how ideal his appearance, poorly controlled gestures of the speaker can reveal a discrepancy between his words and true thoughts.

Keywords: non-verbal communication, political discourse, gestures, facial expressions, intonation, interpersonal communication

For citation: Kuznetsova E. V. Non-verbal means of communication in the political discourse of Vladimir Putin and Emmanuel Macron. *Gumanitarnyye issledovaniya* = *Humanitarian Researches*. 2024;3(91):30–36 (In Russ.).

Невербальная коммуникация в деловом общении вобрала в себя все основы невербальной передачи информации. Это объединяет в одну систему оптико-кинематическую составляющую, куда входит пантомимика, мимика и жесты, а также экстралингвистическую составляющую, где присутствуют такие параметры, как тональность голоса, его тембр, диапазон, темп, интонации и качество.

С целью выявления значимости невербальных средств общения в политическом дискурсе президентов России и Франции мы провели анализ около 30 видеоматериалов, взяв во внимание, главным образом, такие аспекты невербальной коммуникации, как жесты, мимику и позы обоих политиков.

Отметим, что, согласно большинству исследований семиологов, на чьи работы мы ссылались в ходе нашего анализа, отдельные сигналы чаще всего должны рассматриваться совместно с другими. То же самое справедливо и для сигналов мимики. Рассматривая невербальные средства коммуникации в политическом дискурсе глав государств, для более точной их интерпретации мы анализировали невербальные символы в поведении политиков в их совокупности. По мнению исследователей, помимо совокупности жестов и соответствия между словами и телодвижениями, для правильной интерпретации жестов необходимо учитывать контекст, в котором живут эти жесты [1, с. 33].

Для анализа невербальной коммуникации президентов были выбраны следующие видеоматериалы: обращения В. В. Путина по пенсионной реформе и Эммануэля Макрона к «жёлтым жилетам», а также их выступления, связанные с ситуацией пандемии. В обоих случаях можно отметить нечто общее: оба лидера обращаются к народу с ответом на крайне волнующие людей вопросы.

Оба обращения – не что иное, как ожидаемая реакция власти на явные недовольства со стороны населения. В первом случае В. В. Путин объясняет причины повышения пенсионного возраста в РФ, реформы, негативно принятой значительной частью общества; во втором случае – Эммануэль Макрон обращается к французскому населению с ответом на масштабные акции протеста, известные под названием «Движение жёлтых жилетов».

Анализ видеоматериалов с обращениями Макрона позволил нам отметить, что речь французского президента кажется натренированной до совершенства: каждое эмоциональное средство выражения, будь то вздох, пауза, кивки головой или ускорение речи, там, где это необходимо, вызывает впечатление тщательной и спланированной подготовки президента специалистами. В целом Макрон пытается сохранить нейтральное выражение лица, насколько это возможно. Однако если присмотреться к глазам, то можно заметить, что левый глаз более напряжён, что, согласно оценке А. Репосси,

говорит об общей тревожности, вызванной эмоциональным давлением со стороны [7, с. 268].

Французский президент активно использует движения бровями, особенно когда подчёркивает слова, на которые хочет обратить внимание. Так, например, Макрон почти всегда приподнимает брови и еле заметно наклоняет корпус вперёд, когда произносит местоимение «nous», что, очевидно, несёт в себе определённый посыл: «Nous avons tous vu» – тем самым, Макрон хочет подчеркнуть своё единение с народом.

Можно заметить, как на протяжении большинства обращений Макрон неоднократно облизывает губы, что наиболее часто является знаком дискомфорта [1, с. 33]. По сути, это поглаживание, основное значение которого, по мнению А. Репосси, – снятие эмоционального напряжения.

Макрон, подойдя к первому тезису своей речи в обращении к «жёлтым жилетам»: «Quand la violence se déchaîne, la liberté cesse», слегка покачивает головой и издаёт неглубокий вздох, что усиливает экспрессивность этой фразы [1, с. 60]. Отрицательным покачиванием головы Макрон даёт понять, что суть всего им сказанного является для него нечто само собой разумеющимся. Применение такого приёма нацеленоглавным образом на то, чтобы вызвать доверие у слушателей, к тому же вздох усиливает эмоциональность и подчёркивает личную сопричастность ко всему происходящему [5].

Та же эмоциональность или, лучше сказать, трагичность подчёркивается интонацией оратора, ускоряющейся в следующем контексте: «C'est celle de la mère de famille célibataire, veuve ou divorcée, qui ne vit même plus, qui n'a pas les moyens de faire garder les enfants et d'améliorer ses fins de mois et n'a plus d'espoir. Je les ai vues, ces femmes de courage pour la première fois disant cette détresse sur tant de ronds-points!»

О многом во время речи политика говорят и движения его рук. Но в данном случае положение рук не заснято на камеру, что, по нашему мнению, также весьма может быть предусмотрено.

Наблюдая за Макроном, мы отмечаем, что он старается сохранять нейтральное выражение лица, однако в деталях проявляется некоторая нервозность. Не только его речь, но и всё, что её сопровождает, – интонация, паузы, ускорения – было тщательно спланировано и отработано заранее, что весьма неудивительно, ведь речь главы государства на такие острые и требующие незамедлительной реакции проблемы требует особой подготовки.

Анализируя видеоматериал обращения Владимира Путина по пенсионной реформе, хочется отметить, что речь президента не так явно изобилует изменениями интонации, как это присутствует в речи Макрона.

Для российского президента особенно характерен самоконтроль. В речи он пытается сконцентрироваться не на форме и средствах, её сопровождающих, а на содержании.

Проведя разбор 12 видео с обращениями к населению и главам регионов в связи с непростой ситуацией, вызванной пандемией коронавируса, где оба президента высказываются о принятых мерах, отметим, что, анализируя невербальные особенности поведения и Путина, и Макрона, в большей мере учитывалась мимика, так как оба лидера находятся в равных условиях: сидят за столом, лица обращены на камеру, как это и соответствует подобным президентским обращениям к народу. Стоит отметить, что в этом случае у обоих президентов отсутствует экспрессивность мимики и активная жестикуляция.

Анализируя мимику Макрона, следует подчеркнуть, что практически во всех выступлениях мы не выявили особого изобилия ярко выраженных экспрессивных невербальных символов. Но анализируя поведение французского президента нам всё-таки удалось выявить целый ряд наиболее часто употребляемых мимических сигналов.

Например, Макрон выделяет основные идеи своей речи не только с помощью интонации, но и непродолжительным поднятием бровей, что, по мнению Л. П. Паршуковой, символизирует желание привлечь внимание к сказанному [4, с. 250]. Для иллюстрации можно привести одну из вступительных фраз президента в его первом обращении к населению: «Le Covid-19 peut avoir des conséquences **très** graves...», где слово «très» выделяется не только интонацией, но и лёгким движением бровей. Таким образом, Макрон подчёркивает серьёзность проблемы, как бы призывая соотечественников отнестись к текущей ситуации более ответственно. Также речь президента сопровождается лёгким облизыванием губ. Например, такой невербальный сигнал мы видим, когда Макрон произносит фразу: «Cette épidémie qui affecte tous les continents et frappe tous les pays européens...»

Кроме того, Макрон использует жесты. Так, произнося фразу «Nous ne sommes qu'au début de cette épidémie», французский президент прижимает большой палец к указательному. Такой жест, по мнению Е. Кадацкого, являющийся иллюстратором оценки проблемы: Макрон даёт свою оценку сложившейся ситуации [3, с. 158]. Следующая фраза: «Si nous avons pu retarder la propagation du virus, c'est grâce à eux...» (речь идёт о врачах) – сопровождается жестом сечения воздуха ребром ладони, свидетельствующим, по мнению А. Пиза, о том, что говорящий в процессе высказывания отсекает какие-либо сомнения, из чего следует, что президент действительно желает выразить свою признательность врачам [6, с. 162]. Жест просьбы – пальцы вытянуты как при молитве, ладони соединены вместе – сопровождается фразой: «C'est écouter celles ou ceux qui savent». Очевидно, что таким образом Макрон обращается с просьбой к народу, так как именно от поведения каждого зависит дальнейшее развитие или спад пандемии.

Непроизвольный жест сжатой ладони, символизирующий кулак, при фразе: «Nous avons en France les meilleurs virologues, les spécialistes de grand renom, des cliniciens sur le terrain que nous écoutons...», сигнализирует, по мнению В. Ценёва, об уверенности, в данном случае – о желании убедить слушателей в том, что Франция действительно готова оказать необходимое сопротивление пандемии [8].

Перейдя к анализу использования невербальных средств общения в обращении Владимира Путина в связи с ситуацией с коронавирусом, стоит подчеркнуть, что, в отличие от президента Франции, мимика российского президента довольно сдержанна. Если каждая фраза Макрона, выделяемая интонацией, сопровождалась едва заметными изменениями мимики лица президента, такими, как движение бровей, как мы указали выше, то в речи Путина почти каждое его высказывание, подчёркиваемое интонацией, напротив, сопровождается лёгкими движениями пальцев руки. Подобное бессознательное и непроизвольное подергивание пальцев рук может говорить об обеспокоенности Путина сложившейся ситуацией.

Обращаясь к губернаторам регионов, Путин поднимает вверх указательный палец на фразе: «Коллеги, это принципиально важно...», что, по мнению В. Ценёва, означает, что человек или собирается сказать, или же говорит нечто нравоучительное или назидательное, желая привлечь к этому внимание слушателей [8].

Несмотря на то, что Путин избегает проявления всяческих мимических сигналов, мы отметили некоторые символы в мимике президента, которые нам кажутся весьма значительными. Так, заканчивая фразу: «...особенно это касается наиболее уязвимых групп населения: людей старшего поколения и тех, кто страдает хроническими заболеваниями», Путин поджимает губы. Такой невербальный знак, по мнению Л. П. Паршуковой, зачастую выражает самоконтроль, желание сдержать свои эмоции [4, с. 255].

Необходимо отметить и такое невербальное явление в обращениях Путина, как периодическое поднимание и опускание плеч на протяжении всего выступления, что, согласно трактовке А. Пиза, является выражением сомнения и задумчивости, раздумья или же скепсиса [6, с. 159].

Следующая подборка видеоматериалов содержит переговоры между обоими президентами – немногочисленные встречи Путина и Макрона, где контраст использования невербальных средств общения обоих президентов кажется нам наиболее очевидным.

Для начала отметим некоторые невербальные символы, имеющие место в более неформальной обстановке, то есть перед началом переговоров. Так, например, выходя из машины, Макрон поправляет пиджак, оборачиваясь назад, как бы ища поддержки у окружающих, что говорит о нервозности и волнении французского президента, в то время как походка Путина весьма свободна и уверенна и не выражает явных признаков тревожности или волнения.

Значительным моментом является рукопожатие. Мы заметили, что Путин чаще первым протягивает руку, похлопывая Макрона по предплечью, что, с одной стороны, по мнению А. Пиза, является признаком уважения, а с другой – более явно выражает доминирование российского президента.

Внимания заслуживает отдельный момент, где делегация направляется к месту ведения переговоров. Так, например, можно заметить некое беспокойство Макрона: улыбаясь, он обращается к Путину, но затем его лицо резко принимает серьезное выражение. В видео не слышно разговора между президентами в это время, но можно предположить, что Макрон обратился к российскому президенту с волнующим его вопросом, но не получил ожидаемой реакции от собеседника. К тому же мы видим, как французский лидер потирает ладони, что тоже имеет некий смысл, так как с помощью этого жеста люди невербально передают свои положительные ожидания. Путин же, в свою очередь, обращается к Макрону, активно жестикулируя левой рукой. Рука обращена в сторону спутника, как и взгляд президента. Такой жест можно трактовать как желание убедить, доказать свою правоту. В ответ на сказанное, можно заметить, как изменилось положение плеч Макрона. Провисающие вперед плечи, по мнению В. Ценёва, говорят о том, что человек проваливается сам в себя в отчаянии и слабости; выражают подавленность, покорность, комплекс неполноценности, «жалкий вид». Страх и ужас заставляют человека выставлять плечи вперед для уменьшения площади, открытой для нападения. Макрон использует «закрытую позу», скрещивая руки. Такой жест сигнализирует либо о неуверенности в себе и своих силах, либо о желании защититься, о попытке спрятаться, отгородиться от ситуации, что в обоих случаях говорит о негативной реакции на сказанное собеседником. Степень напряжения скрещенных рук говорит о внутреннем напряжении [8].

Перейдя к анализу переговоров, стоит отметить, что в большинстве случаев волнение и нервозность Путина на этом этапе встречи более очевидны. Покашливая на словах «Добро пожаловать на Петербургский форум... Спасибо, что приняли наше предложение...», президент пальцами проводит по столу, в чём, как мы видим, нет особой необходимости. В свою очередь, поза и положение рук Макрона (ноги скрещены на уровне бёдер, кисти рук соединены кончиками пальцев, ладони не соприкасаются) выражают уверенность, что противопоставляется его поведению по прибытии, когда наблюдение за речью обоих президентов не было таким пристальным. При этом корпус и лицо французского лидера почти всегда направлен в сторону собеседника, что, по мнению М. А. Поваляевой, свидетельствует о заинтересованности, выражаемой без всякой сдержанности или каких-либо скрытых мыслей, о внутреннем принятии другого, свободном выражении своих чувств, о готовности к соответствующим действиям [5, с. 352].

Реакция Путина в ответ на приветствие Макрона – почёсывание головы. Обычно подобный невербальный сигнал трактуется исследователями как критическая оценка, негативное отношение к происходящему, недоверие.

Чаще всего, обращаясь к Путину, французский лидер активно жестикулирует правой рукой, речь довольно спокойна и убедительна, его взгляд обращён к собеседнику, особенно в моменты, когда Путин слушает содержание сказанной реплики, озвученной переводчиком, как бы наблюдая тем самым за реакцией. Путин же, напротив, либо избегает зрительного контакта, либо смотрит на собеседника сбоку. Взгляд сбоку, углами глаз, свидетельствует, согласно В. Биркенбилл, об отсутствии полной отдачи, скепсисе, недоверии. Недоверие так же подтверждается лёгким подёргиванием губ [2, с. 38].

Путин кивает в ответ на реплику Макрона: «...у нас очень крепкие связи в сфере международной политики...», но затем невольно прикусывает верхнюю губу. В своих работах В. Биркенбилл отмечает, что прикусывание верхней или нижней губы – ещё одно красноречивое мимическое движение. В этот момент собеседник хочет что-то сказать, но по каким-то причинам не решается это сделать. Макрон, почти не отрывая взгляда, наблюдает за реакцией Путина в ответ сказанное им [2, с. 40].

В целом невербальное поведение обоих президентов различается на протяжении всей встречи. Если с самого начала, в более неформальной обстановке, Путин явно одерживал доминирующую позицию, а в поведении Макрона чувствовалась явная тревожность, неуверенность, то в ходе беседы, при большем количестве камер и наблюдения в общем, наоборот, мы видим волнение Путина, выражающееся, как мы выяснили, в недоверии к своему оппоненту, и уверенность Макрона, его превосходство.

Проанализировав использование невербальных средств Макроном, мы отметили его способность сохранить нейтральное выражение лица, использовать соответствующую позу именно так, чтобы это не было заметно окружающими. Однако, как мы заметили выше, тщательно скрытая нервозность проявляется там, где французский президент не находится под вниманием камер. К тому же невербальное поведение Макрона кажется нам весьма противоречивым и зачастую нелогичным. Значение тех или иных жестов не всегда совпадает с содержанием высказываний французского президента. В сегодняшней действительности невербальные средства общения Макрона широко освещаются СМИ, и в последних новостях журналисты даже начали сравнивать его мимику и жесты с французским комедийным актером Луи де Фюнесом. По невербальным признакам во время выступлений Макрона можно определить его неуверенность в том, что он говорит, и то, что он не верит сам в то, что говорит, противоречие того, что он говорит и что делает.

Изучив фото- и видеоматериалы с выступлениями В. В. Путина, можно сделать вывод, что мимика на его лице сконцентрирована в верхней зоне – области лба и бровей. Его глаза, взгляд отражают гибкий ум, изобретательность, даже хитрость. Жесты сдержанны, позы однообразны, тон речи, оцениваемый многими как монотонный, постепенно превращается в своеобразную «визитку». То, как он говорит, создаёт образ уверенной в своей компетентности личности, в любых ситуациях контролирующей ситуацию. Один из признаков контроля в невербальной коммуникации – это прижатые к телу локти. Когда человек эмоционален, открыт, импульсивен, он очень часто размахивает руками, отводя локти далеко от тела. Если же человек чувствует себя скованным, он приближает руки к себе. Из этого можно сделать вывод, что для Путина характерен высокий уровень самоконтроля.

Политическая сфера общества является одной из движущих в системе взаимоотношений между государствами. Политические деятели, безусловно, влияют на дальнейший ход событий в мире. Речь политика имеет огромное значение на мировой арене. Однако в ситуации реальной коммуникации невозможно

обращать внимание только на вербальное сообщение, не уделяя внимания другому, не менее важному компоненту коммуникации – невербальному.

Список источников

1. Баранов А. Н. Что нас убеждает? / А. Н. Баранов. – Москва: Знание, 1990. – 63 с.
2. Биркенбил В. Язык интонации, мимики, жестов / В. Биркенбил. – URL: <https://www.rulit.me/books/yazyk-intonacii-mimiki-zhestov-read-401276-1.html>.
3. Кадацкий Е. Невербальные компоненты политического имиджа / Е. Кадацкий. – URL: <http://sagab.chat.ru/societal/nonverbal2.html>.
4. Паршукова Л. П. Физиогномика: читай по лицу / Л. П. Паршукова, З. А. Шакурова. – 2-е изд. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2004. – 256 с.
5. Поваляева М. А. Невербальные средства общения / М. А. Поваляева. – URL: <https://sciup.org/neverbalnye-sredstva-obshheniya-140117435>.
6. Пиз А. Язык телодвижений. Как читать мысли окружающих по их жестам / А. Пиз. – Москва : Эксмо, 2003. – 448 с.
7. Репосси А. Физиогномика или искусство определения характера по чертам его лица / А. Репосси. – Москва : Армада и Альфа-книга, 2003. – 272 с.
8. Ценёв В. Язык политический телодвижений / В. Ценёв. – URL: <http://psyberia.ru/psychodiary/polit01>.

References

1. Baranov A. N. *Chto nas ubezhdaet? = What convinces us?* Moscow: Znanie; 1990: 63 p.
2. Birkenbil V. *Yazyk intonatsii, mimiki, zhestov = The language of intonation, facial expressions, gestures*. URL: <https://www.rulit.me/books/yazyk-intonacii-mimiki-zhestov-read-401276-1.html>.
3. Kadatskiy E. *Neverbalnye komponenty politicheskogo imidzha = Non-verbal components of political image*. URL: <http://sagab.chat.ru/societal/nonverbal2.html>.
4. Parshukova L. P., Shakurova Z. A. *Fiziognomika: chitay po litsu = Physiognomy: read the face*. 2nd ed. Rostov-on-Don: Feniks; 2004: 256 p.
5. Povalyaeva M. A. *Neverbalnye sredstva obshcheniya = Nonverbal means of communication*. URL: <https://sciup.org/neverbalnye-sredstva-obshheniya-140117435>.
6. Piz A. *Yazyk telodvizheniy. Kak chitat mysli okruzhayushchikh po ikh zhestam = Body language. How to read the thoughts of others by their gestures*. Moscow: Eksmo; 2003: 448 p.
7. Repossi A. *Fiziognomika ili iskusstvo opredeleniya kharaktera po chertam ego litsa = Physiognomy or the art of determining character by facial features*. Moscow: Armada i Alfa-kniga; 2003: 272 p.
8. Tsenyov V. *Yazyk politicheskoy telodvizheniy = Political body language*. URL: <http://psyberia.ru/psychodiary/polit01>.

Информация об авторе

Е. В. Кузнецова – кандидат педагогических наук.

Information about the author

E. V. Kuznetsova – Candidate of Pedagogy.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.06.2024; одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 12.07.2024.

The article was submitted 04.06.2024; approved after reviewing 08.07.2024; accepted for publication 12.07.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 37–41.
Humanitarian Researches. 2024;3(91):37–41.

Научная статья
УДК 81'33

**ЖАНР ОБЗОРА НОВОСТЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМИЧЕСКОГО:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Татьяна Юрьевна Мухаметдинова

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва,
Россия, T.Mukhametdinova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9639-358X

Аннотация. Жанр аудиовизуальных обзоров новостей, в котором используются средства создания комического эффекта, представлен во многих языковых культурах и привлекает внимание аудитории. Описание современных жанров электронных СМИ представляет собой нерешённую задачу теоретической лингвистики. Одним из параметров жанра выступает комплекс коммуникативных целей, достигаемых посредством данной устойчивой формы речи. Методологическая основа выявления коммуникативных целей текста и средств их реализации представлена в функциональной стилистике и разрабатывается в медиалингвистике. Показана непротиворечивость и преемственность данных двух методологических подходов. Роль языковых и текстовых единиц в реализации целей коммуникации в социуме именуется в функциональной стилистике социальной функцией. В медиалингвистике способность вызывать определённый коммуникативный эффект воздействия на массового получателя рассматривают в качестве прагматического аспекта. Предпринят стилистический и лингвопрагматический анализ функций речи в текстах исследуемого жанра новостных обзоров с использованием средств создания комического эффекта на русском, английском и немецком языках. Показаны характерные стилистические средства, реализующие фатическую, экспрессивную и воздействующие функции. На основе наблюдения и обобщения работ зарубежных исследователей медиа изложены выводы о социальных функциях исследуемого жанра: привлечение внимания массового получателя, повышение интереса и доверия к предъявляемому содержанию, формирование пресуппозиций и мнений, поддержание социального мира внутри общества.

Ключевые слова: жанр СМИ, комический жанр, речевое воздействие, функции политеймента

Для цитирования: Мухаметдинова Т. Ю. Жанр обзора новостей с использованием комического: функционально-прагматический аспект // Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 37–41.

Original article

**THE GENRE OF THE NEWS REVIEW WITH A COMIC:
FUNCTIONAL AND PRAGMATIC ASPECT**

Tatiana Yu. Mukhametdinova

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. Moscow, Russia,
T.Mukhametdinova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9639-358X

Abstract. The genre of audiovisual news reviews, which use means to create a comic effect, is represented in many cultures and attracts the attention of the audience. The modern genre of electronic media remains hardly explored by theoretical linguistics until now. One of the parameters of the genre is a set of communicative goals achieved through this stable form of speech. The methodological basis for identifying the communicative goals of the text and the means of their implementation is presented in functional stylistics and is being developed in media linguistics. The consistency and continuity of these two methodological approaches is shown. The role of linguistic and textual units in the

realization of communication goals in society is referred to in functional stylistics as a social function. In media linguistics, the ability to cause a certain communicative effect on a mass recipient is considered as a pragmatic aspect. A stylistic and pragmatic analysis of speech functions in the texts of the studied genre of news reviews using means of creating a comic effect in Russian, English and German is undertaken. The characteristic stylistic means realizing the phatic, expressive and influencing functions are shown. Based on the generalization of the works of foreign media researchers, observations and generalization, conclusions about the social functions of the genre under study are presented: attracting the attention of the mass recipient, increasing interest and trust in the presented content, forming presuppositions and opinions, maintaining social peace within society.

Keywords: media genre, comic genre, speech impact, functions of politainment

For citation: Mukhametdinova T. Yu. The genre of the news review with a comic: functional and pragmatic aspect. *Gumanitarnyye issledovaniya* = *Humanitarian Researches*. 2024;3(91):37–41 (In Russ.).

Лингвистический анализ новых жанров электронных СМИ остаётся теоретически значимой задачей медиалингвистики [3, с. 109]. Новостные обзоры, предъявляемые массовому получателю через каналы электронных СМИ в форме аудиовизуальных текстов комической тональности, признаны исследователями одной из заметных особенностей информационной среды первых десятилетий XXI века [11, с. 365; 8, с. 274]. Медиажанр представлен американской программой *The Late Show with Stephen Colbert* (<https://www.youtube.com/@ColbertLateShow/videos>; далее – Colbert), немецкими *heute-show* (*heute show* <https://www.zdf.de/comedy/heute-show>; далее – h-s); *extra 3* (*Extra 3* <https://www.ardmediathek.de/extra-3>; далее – e-3), проектом «Пропаганда» на русском языке (Пропаганда. Анатолий Кузичев. <https://rutube.ru/channel/30926710>; далее – Проп.) и аналогами: на испанском – *El Intermedi*, на французском – *On n'est pas couché* и на других языках. Определение «комический» используется в качестве гиперонима, объединяющего юмор и многообразные формы сатиры [5, с. 16]. В данной статье рассматривается функционально-прагматический аспект исследуемого жанра.

В функциональной стилистике роль языковых и текстовых единиц в реализации целей коммуникации в социуме именуется функцией [6, с. 402]. В медиалингвистике, согласно Н. С. Болотновой, «способность вызывать определённый коммуникативный эффект» воздействия на массового получателя рассматривают в качестве прагматического аспекта [2, с. 42, 92]. Выбор функционально-прагматического предмета рассмотрения обусловлен, во-первых, первичностью прагматической направленности речи и, во-вторых, неизбежностью ограничения предметной области прикладного исследования [1, с. 14–16]. Цель состоит в уточнении ключевых функциональных характеристик исследуемого жанра СМИ на основе стилистического и лингвопрагматического подходов в сопоставлении с выводами зарубежных представителей лингвистики текста и исследователей медиа.

В жанрах публицистического стиля доминируют информативная, аксиологическая (ценностной ориентации), экспрессивная и воздействующая функции [6, с. 403]. В медиалингвистике к основным функциям СМИ относят: 1) информирование; 2) формирование мнений; 3) контроль и критику; 4) развлечение; 5) просвещение [4, с. 21; 9, с. 16]. Данный подход к анализу медиатекстов опирается на положения о стилевых функциях речевых разновидностей, предложенных Р. О. Якобсоном [7] и укоренившихся в функциональной стилистике: коммуникативной, номинативной, когнитивной, эмотивной, конативной [6, с. 401]. Информирование соответствует стилистической когнитивной функции. Референтные события и лица в исследуемых обзорах совпадают с первичными текстами новостных передач «серьёзных» некомических СМИ. Например, новостной обзор «Пропаганда» № 79 содержит описание текущих событий общественной жизни, что отражают номинации: 12 актуальных политически значимых событий, пяти политических деятелей своей

страны, 15 зарубежных политиков, семи представителей культуры и шоу-бизнеса, девяти исторических имён и событий, 19 топонимов. Тематика сюжетов и номинации политиков в немецкой передаче heute show совпадают с повесткой новостных программ Tagesschau и Tagesthemen [10, с. 96–99]. Таким образом, еженедельные обзоры новостей с комической составляющей представляют собой вторичные тексты по отношению к оперативным новостным сообщениям, от которых их отличает развлекательная форма приобщения адресата к информации и фокусировка внимания на отобранной информации и её оценке. Развлечение соотносится в категориях функциональной стилистики с коммуникативной функцией, реализуемой как фатическая (контактоустанавливающая) и волюнтативная (воздействующая). Функциям установления, поддержания и завершения контакта служат экстралингвистические (крупный план ведущего в центре кадра, фотожабы, графика и анимация) и лингвистические средства: традиционные для каждой из программ приветствия: *Это «Пропаганда». Мы начинаем!, Extra drei, der Irrsinn der Woche!*; диалогизация монолога ведущего: *Я знаю, что ты делал в ночь с четверга на пятницу. Ты скачивал VPN, чтобы скачать twitter, то есть X и посмотреть интервью. Не знаю, вы оценили наш великолепный юмор? Думаю, оценили* (Проп., 77) *Schön, dass Sie dabei sind in dieser historischen Woche – der Woche der Kanzlerwahl* 'Здорово, что вы с нами на этой исторической неделе выборов канцлера' (h-s, 10.12.2021) *Lassen Sie mich zu diesem Thema etwas ausholen? Ich glaube, ja.* 'Вы разрешите мне кратко пояснить эту тему? Думаю, да.' (e-3, 17.02.2022) *Warum? Wie fing alles an? Hefte raus, Geschi-Test! ,Почему? Как всё начиналось? Достать тетради – текст по истории!'* (e-3, 17.02.22). Реализация фатической и волюнтативной функций в рассматриваемом континууме комических аудиовизуальных текстов связана с эмотивной стилистической функцией – выразительностью и образностью. Маркерами исследуемого жанра выступают средства выразительности: критическая оценочность (1), усиление степени признака (2) и языковая игра (3). Рассмотрим примеры критических высказываний о политической и административной неэффективности (1): *Sechs Monate lang ist die GroKo im Amt und sie hat fast gar nicht geliefert* (e-3, 30.08.2018); *Today was the House of Representatives last day of work for the year and you know what they deserve a break in the last 12 months. They accomplished so... not.* (Colbert, 14.12.23); *Das eigentliche Problem sind natürlich Politiker, die nichts entscheiden aus Feigheit, und sich dann hinter der StiKo verstecken. (...) das ehrenamtliche Feierabend-Gremium* (h-s, 10.12.2021). (2) *Campaign! campaign let it ride!* 'Даёшь кампанию за кампанией! Не останавливаться!' (Colbert, 14.12.2023) *Viele Russen leben in bitterer Armut* 'Многие русские живут в жестокой нищете' [h-s 8.6.2018] *Дичайший, какой-то межпланетный космический хайп* (Проп., 77). Выразительная функция языковой игры проявляется при расшифровке получателем единицы – источника омонимически сходного словоупотребления: (3) *Appsolutismus* (h-s, 8.10.2021) – о монополии Facebook как поставщика приложений (усеченное наименование: apps); *Schreistaat Sachsen* (e-3, 30.08.2018) 'крикливое государство Саксония' от *Freistaat Sachsen* 'вольное государство Саксония'; *Sondiertainmnet* (h-s, 8.10.2021) окказиональная деривация корня глагола 'зондировать' при помощи английского суффикса, подобно *инфотейнмент* и *энтертейнмент*; *Knetosexuell* (h-s, 8.10.2021) – о привязанности немцев к наличным деньгам, именуемым в грубом просторечии *Knete*.

По признанию исследователей медиакommunikation, цели использования комических форм презентации политического содержания заключаются в преодолении кризиса СМИ, который проявляется в избытии источников информации, поляризации, в распространении фейковых новостей, а также в снижении доверия к политическим элитам и институтам [12, с. 3]. Средства комического выполняют функцию ярко выраженного психологического

воздействия: включение объекта (политических акторов и явлений общественной жизни) в комический контекст создаёт у массового адресата ощущение моральной и интеллектуальной силы и превосходства [5, с. 21]. Презентация новостной повестки в комической форме фокусирует внимание и закрепляет в памяти политическую информацию и оценки.

Социальная функция жанра заключается в консолидации общества: представление политического процесса в комической форме создаёт у получателя впечатление открытости общества, равенства и демократического контроля над процессами и персонами политики. Совместный смех консолидирует группу и сообщество, вызывая ощущение безопасности и комфорта, поскольку участники находят взаимное подтверждение их общих ценностей, позиций и взглядов. Участники коммуникации в комической тональности проводят границу со сторонними [13, с. 136]. Политическая критика, обличённая в комическую форму, и ироничная презентация политической повестки компенсируют неудовлетворённость результатами политических решений, что способствует снятию социального напряжения [13, с. 137]. В результате количественного и качественного роста гибридных медиапродуктов, которые сочетают политическое содержание с развлекательной формой, политическая информационная повестка становится доступнее более широкому кругу граждан: а) мало интересующимся политикой, б) молодым, в) не обращающимся к традиционным новостным первоисточникам. На информированных зрителей гибридные формы подачи политической информации и оценок оказывают более сильное (убеждающее и персуазивное) воздействие [11, с. 367].

Социально-прагматические функции представления политической и общественно значимой повестки в развлекательной комической форме заключаются в 1) привлечении внимания и доверия массового получателя, 2) повышении интереса в предъявляемому содержанию, 3) формировании пресуппозиций и мнений. Данные цели коммуникации реализуются при помощи комплекса собственно лингвистических средств создания комической выразительности и критической экспрессивности.

Список источников

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – 6-е изд., стереотип. – Москва : Ленанд, 2021. – 368 с.
2. Болотнова Н. С. Методики смыслового и лингвопрагматического анализа медиа-текста / Н. С. Болотнова. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2019. – 156 с.
3. Добросклонская Т. Г. Теоретическое значение медиалингвистики / Т. Г. Добросклонская // Медиалингвистика в терминах и понятиях / под ред. Л. Р. Дускаевой. – Москва : Флинта, 2018. – 440 с.
4. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи / Т. Г. Добросклонская. – Москва : Красанд, 2020. – 286 с.
5. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 552 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. – 4-е изд., стереотип. – Москва : Флинта, 2019. – 696 с.
7. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – URL: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm>.
8. Becker Amy B. Applying mass communication frameworks to study humor's impact: advancing the study of political satire // Annals of the International Communication Association. – 2020. № 44 (3). – P. 273–288. – doi: 10.1080/23808985.2020.1794925.
9. Bosse I. Massenmedien: Aufgaben und Funktionen / I. Bosse. – Hamburg: Deutscher Universitäts-Verlag, 2006. – doi: 10.1007/978-3-8350-9664-6_3.
10. Gäbler B. Quatsch oder Aufklärung? Witz und Politk in heute show und Co. / B. Gäbler. – URL: <https://www.otto-brenner-stiftung.de/wissenschaftsportal/informationsseiten-zu-studien/studien-2016/quatsch-oder-aufklaerung/> (дата обращения: 17.10.2021).

11. Jennings F. Comedic Cognition: The Impact of Elaboration on Political Comedy Effects / F. Jennings, J. Bramlett, B. R. Warner // *Western Journal of Communication*. – 2019. – Vol. 83 (3). – P. 365–382. – doi: 10.1080/10570314.2018.1541476.
12. Lichtenstein D. Jokers or journalists? A study of satirists' motivations, role orientations, and understanding of satire / D. Lichtenstein, N. Cordula, A. J. M. Wagner. – URL: https://www.researchgate.net/publication/353342846_Jokers_or_Journalists_A_Study_of_Satirists'_Motivations_Role_Orientations_and_Understanding_of_Satire.
13. Vogt L. Politische Kultur und Komik: Perspektiven für vergleichende Analysen / L. Vogt. – URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783839447475-007/html?srsId=AfmBOoqjmFFdbj0LL0clZTaovFUQ0vASXCJTISyKMn9CE8bS0fydHvyL>.

References

1. Baranov A. N. *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku = Introduction to Applied Linguistics*. Moscow: Lenand; 2021: 368 p.
2. Bolotnova N. S. *Metodiki smyslovogo i lingvopragmaticheskogo analiza media-teksta = Methods of semantic and linguopragmatic analysis of media text*. 2nd ed. Moscow: Flinta; 2019: 156 p.
3. Dobrosklonskaya T. G. *Theoretical significance of media linguistics. Medialingvistika v terminakh i ponyatiakh = Media linguistics in terms and concepts*. Ed. by L. R. Duskaeva; Moscow: Flinta; 2018: 109–110.
4. Dobrosklonskaya T. G. *Voprosy izucheniya mediatekstov: Opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi = Issues of studying media texts: An experience of studying modern English media speech*. Moscow: Krasand; 2020: 286 p.
5. Sannikov V. Z. *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry = Russian language in the mirror of the language game*. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury; 2002: 552 p.
6. *Stilisticheskii enciklopedicheskiy slovar russkogo yazyka = Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*. Ed. by M. N. Kozhina. 4th ed. Moscow: Flinta, 2019: 696 p.
7. Jakobson R. O. *Lingvistika i poetika in Strukturalizm: "za" i "protiv" = Linguistics and poetics*. URL: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm>.
8. Becker A. B. Applying mass communication frameworks to study humor's impact: advancing the study of political satire. *Annals of the International Communication Association*. 2020;44(3):273–288. doi: 10.1080/23808985.2020.1794925.
9. Bosse I. *Massenmedien: Aufgaben und Funktionen = Mass media: tasks and function*. Hamburg: Deutscher Universitäts-Verlag, 2006. doi: 10.1007/978-3-8350-9664-6_3.
10. Gäbler B. *Quatsch oder Aufklärung? Witz und Politik in heute show und Co. = Nonsense or enlightenment? Jokes and politics in heute show and Co.* URL: <https://hdms.bsz-bw.de/frontdoor/index/index/docId/6446>.
11. Jennings J. Freddie; Bramlett Josh C.; Warner B. R. Comedic Cognition: The Impact of Elaboration on Political Comedy Effects. *Western Journal of Communication*. 2019;83(3):365–382. doi: 10.1080/10570314.2018.1541476.
12. Lichtenstein D., Nitsch C., Wagner A. J. M. *Jokers or journalists? A study of satirists' motivations, role orientations, and understanding of satire*. URL: https://www.researchgate.net/publication/353342846_Jokers_or_Journalists_A_Study_of_Satirists'_Motivations_Role_Orientations_and_Understanding_of_Satire.
13. Vogt L. *Politische Kultur und Komik: Perspektiven für vergleichende Analysen*. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783839447475-007/html?srsId=AfmBOoqjmFFdbj0LL0clZTaovFUQ0vASXCJTISyKMn9CE8bS0fydHvyL>.

Информация об авторе

Т. Ю. Мухаметдинова – аспирант.

Information about the author

T. Yu. Mukhametdinova – postgraduate student.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.06.2024; одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 12.07.2024.

The article was submitted 04.06.2024; approved after reviewing 08.07.2024; accepted for publication 12.07.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 42–49.
Humanitarian Researches. 2024;3(91):42–49.

Научная статья
УДК 81

**КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА
В. И. ВЕРНАДСКОГО**

Светлана Владимировна Ракитина

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия, s.rakitina@mail.ru

Аннотация. В статье описывается специфика языковой репрезентации категории «Время» в индивидуальной научной картине мира В. И. Вернадского. Материалом исследования послужили труды известного учёного-естествоиспытателя, внесшего свой неоценимый вклад в развитие и основание многих наук. Показана роль В. И. Вернадского в разработке проблем времени, проанализированы средства вербализации данной категории в научных текстах. Среди языковых и речевых репрезентантов категории выделены: вопросительные и вопросно-ответные конструкции, ключевые слова, прецедентные имена, фрагменты прецедентных текстов; средства объективации аргументации; авторская терминология; примеры метафоричности; поэтические образы. Категория «Время» занимает важное место в научной деятельности учёного, проходит через всё его научное творчество, рождает новые смыслы, которые, соприкасаясь с устоявшимися понятийными системами автора, приобретают свою значимость, объективируются в текстовые и языковые значения, воплощаются в новых концепциях учёного, составляют смысловую структуру его текстов.

Ключевые слова: индивидуальная научная картина мира, языковая картина мира, категория времени, дискурсивные смыслы, средства репрезентации категории времени

Для цитирования: Ракитина С. В. Категория времени в индивидуальной научной картине мира В. И. Вернадского // Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 42–49.

Original article

**THE CATEGORY OF TIME IN THE INDIVIDUAL SCIENTIFIC PICTURE OF THE WORLD
OF V. I. VERNADSKY**

Svetlana V. Rakitina

Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russia,
s.rakitina@mail.ru

Abstract. The article describes the specifics of linguistic representation of the category “Time” in the individual scientific picture of the world of a scientist. The research material is the works of V. I. Vernadsky, a famous natural scientist who made an invaluable contribution to the development and foundation of many sciences. The role of V. I. Vernadsky in the development of time problems is shown, the means of verbalization of this category in scientific texts are analyzed. Among the linguistic and speech representatives of the category are interrogative and question-answer constructions, keywords, precedent names, text fragments, situations; means of objectification of argumentation; author's terminology; examples of metaphor; poetic images. The category “Time” occupies an important place in the scientific activity of a scientist, passes through all his scientific work, gives rise to new meanings, which, coming into contact with the established conceptual systems of the author, acquire their significance, objectify into textual and linguistic meanings, are embodied in new concepts of the scientist, make up the semantic structure of his texts.

© Ракитина С. В., 2024

Keywords: individual scientific picture of the world, linguistic picture of the world, category of time, discursive meanings, means of representing the category of time

For citation: Rakitina S. V. The category of time in the individual scientific picture of the world of V. I. Vernadsky. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;3(91):42–49 (In Russ.).

Время представляет собой многоаспектную категорию, изучением которой занимались и продолжают заниматься учёные разных областей знания: философии, естествознания, физики, психологии, биологии, логики, истории, геологии и др. В лингвистике время рассматривается с позиции характеристики средств представления его в языке, поскольку, выступая базовой категорией научной картины мира, оно получает здесь «свою концептуализацию и «оязыковление» [6].

Научная картина мира определяется в работе как «ядро картины мира, открывающееся учёным», характеризует понимание им действительности, опираясь на научную интерпретацию [10, с. 14]. Языковая картина мира представляет собой «совокупность способов вербализации данных о мире» [7, с. 33].

Цель статьи – описать специфику языковой репрезентации категории времени в научной картине мира В. И. Вернадского, учёного-энциклопедиста, рассматривающего научные проблемы с позиций целостности мира, в контексте мировой науки. Практически все его работы связаны с обращением к категории времени. Однако, по замечанию Г. П. Аксёнова, ведущего биографа В. И. Вернадского, в литературе, посвящённой этому учёному, никто из авторов, называя «целый набор наук, которые он создал и в которые внёс определённый вклад», не причислял его «к теоретикам и реформаторам пространственно-временных понятий в XX в.», к «создателям новой идеи времени и пространства» [1, с. 5]. В контексте рассматриваемой проблематики статьи важно отметить, что именно В. И. Вернадский «первым поставил задачу найти общие закономерности» времени [1, с. 6], представить, как выглядит эта загадочная категория.

Наряду с важными открытиями в области минералогии, геохимии, радиогеологии, биогеохимии, науковедения, истории научной мысли, в учениях о живом веществе, биосфере, ноосфере и других ему принадлежит и оригинальная концепция времени, созданная в результате многолетней творческой научной работы.

Тема времени волновала В. И. Вернадского всегда, она направляла, организовывала его исследования, актуализировала многие проблемы в разных науках о Земле. В 1885 г. он писал: «*Что такое пространство и время? Вот те вопросы, которые столько веков волнуют человеческую мысль в лице самых сильных её представителей*» [2, с. 419]. Выражая убеждение в неотделимости времени и пространства, В. И. Вернадский считает, что достижение результата в исследовании каждого из них возможно, если перенести решение этого вопроса «на более абстрактную почву», и «только для логического удобства» рассматривать их отдельно [2, с. 419].

Всё это свидетельствует о высоком уровне мышления учёного, который пока не характеризует средства, определяющие природу времени, а указывает на направление исследования этой проблемы.

Рассмотрим категорию времени, превращающуюся в трудах В. И. Вернадского в объект научного познания, и специфику представления её в языке научных текстов учёного.

Исходя из определения категории как «научного понятия, выражающего наиболее общие свойства и связи явлений действительности» [9, с. 219], выступающего основой для его дальнейшего познания, категория времени в процессе лингвистического анализа представляет универсальную составляющую смысловой структуры текста. В отличие от художественного времени, которое «отражает соотносённость событий, ассоциативные, причинно-

следственные и психологические связи между ними, создаёт сложный ряд событий, выстраиваемых в ходе сюжетного развёртывания произведения» [8, с. 1217], время в научных текстах выступает базовой категорией научной картины мира. Представление о нём в разных областях знания имеет свою специфику, зависящую от особенностей объекта. На этом акцентируется внимание В. И. Вернадского в рассуждениях о смысле, который вкладывается в понятие «время» геологом, философом, физиком, математиком; при рассмотрении времени в эллинской и эллинистической цивилизациях, в Западной Европе XVIII в., в период до 1931 г. [2, с. 327–365].

Исследуя особенности выражения времени в разных объектах, В. И. Вернадский задался вопросом объяснить сходство проявления в них времени определёнными свойствами этого феномена, что потребовало изучения истории научных представлений о времени. В проведённом учёным анализе можно выделить ключевые смыслы, характеризующие этапы развития идеи времени.

При этом доминантные значения в текстах В. И. Вернадского приобретают понятия, характеризующие индивидуальную научную картину мира учёного как результат осмысления им проблемы времени. К примеру, автором отмечается, что эллинские представления о времени сохранились «*в идеях о бессмертии личности и вечности мира <...>, конца этого мира ждали, к нему готовились столетия*» [2, с. 236]. Эллинские воззрения в отношении времени как бесконечности, меры движения, по мнению В. И. Вернадского, «*возродились в науке в XVI–XVII столетиях*»: «*длительность, безграничность времени была ярко выражена в натурфилософских концепциях Джордано Бруно, проникших в науку, а понимание времени как меры движения было вновь в неизвестном для древности совершенстве внесено в науку Галилео Галилеем*» [2, с. 236]. Для понимания времени В. И. Вернадским приводятся прецедентные имена *Джордано Бруно*, утверждающего бесконечность времени, его связи с движением небесных тел, и *Галилео Галилея*, характеризующего время как меру движения. Их воззрения оказали значительное влияние на науку своего времени. Прецедентные имена используются здесь для уточнения смысла высказывания, актуализируют прецедентный текст / ситуацию.

Рассматривая историю изучения времени, В. И. Вернадский приводит большое количество имён, являющихся прецедентными для учёных, занимающихся изучением этой проблемы. Только в статье «Проблемы времени в современной науке» говорится о влиянии на представления о времени идей Анри Бергсона, Исаака Ньютона, Леонарда Эйлера, Мельхиора Паладия, Джона Локка, Альфреда Норе Уайтхеда, Жана Ларона Аламбера, Луи Лагранжа, Густава-Теодора Фехнера, Людвиге, Ланге, Эрнста Маха, Христиана Гюйгенса, Альберта Эйнштейна, Германа Минковского, Б. Пьера Кюри и др. [5, с. 237–256].

В указанной статье, сообщая об изменении сложившегося в науке представления о времени, учёный пишет, что «*проблема времени ставится сейчас в научном сознании совсем по-новому в той новой отрасли геологических наук, какой является геохимия*» [5, с. 237]. Для доказательства новизны в современном ему осмыслении времени автор приводит веские аргументы, используя:

- двойное отрицание для более точной актуализации своего утверждения о месте геохимии в решении проблемы времени: «*Среди всех геологических наук ни одна не проникает так глубоко и так по-своему в проблему времени, как геохимия*» [5, с. 237];
- повтор наречия *так*, служащего для усиления выражения степени глубины и новизны представления проблемы времени с позиций геохимии;
- лексемы *новый, неожиданный*, подчёркивающие новизну, дающую оценку непредвиденной ситуации, связанной с этим феноменом: «*Рассмотрение*

атомов в разрезе времени определяет своеобразие и глубину понимания времени в геохимии, вскрывает новую и неожиданную картину мирового бытия» [5, с. 237];

- дополнения своеобразие и глубина к глаголу определяет, характеризующие понимание времени в исследуемой области знания [5, с. 237].

В процессе осмысления изменившихся подходов к изучению времени В. И. Вернадский отмечает, что раньше учёные изучали явления, совершаемые во времени, а не само время, «до последних десятилетий пространство и время стояли вне научного кругозора» [2, с. 369].

Одним из языковых средств объективации данного концептуального положения учёного выступают вопросно-ответные конструкции, актуализирующие:

- место проблемы времени в научном мировоззрении: «В какую же часть научного мировоззрения попадёт научное понятие времени? Является ли оно частью сменяющегося и преходящего построения научных моделей, гипотез, теорий? Или же оно является частью реальности мира в научном её понимании, одним из основных эмпирических обобщений, на которых строится всё наше научное знание?

Мне кажется, здесь сомнений быть не может: понятие времени есть одно из основных эмпирических обобщений» [2, с. 235];

- наблюдения за течением процессов, связанных с временем, для разных организмов: «Можем ли мы в этих сходных проявлениях времени, в столь глубоко нам представляющихся различными явлениях природы видеть свойства времени или нет? Ещё недавно в сознании учёных на этот вопрос мог быть только один ответ – отрицательный» <...>, который «ярко и определённо выразил великий учёный и глубокий мыслитель Анри Пуанкаре, категорически утверждающий, что наука не изучает время, но изучает только проявление природных процессов в ходе времени» [2, с. 232–233];

- убеждение в необходимости относить время к природным явлениям: «Можем ли мы, изучая свойства явлений, связанных с временем, говорить о проявляющихся при этом свойствах самого времени, его структуре, а не только о свойстве явлений? <...> Учёный должен сейчас рассматривать пространство-время как такую же реальность, как всякое изучаемое им другое природное явление или устанавливаемый им научный факт» [2, с. 368–370];

- возможности науки в рассмотрении явлений жизни с позиции времени: «<...> охватывает ли пространство и время всю научную реальность? Или могут быть научно охвачены и есть явления вне времени и пространства? В квантах мы имеем, мне кажется, дело с такого рода научными представлениями» [2, с. 240];

- особенности выражения, измерения времени: «Возникают новые вопросы о времени, теснейшим образом связанные с длением. Полярные векторы, ему отвечающие, могут ли быть геометрически различны и вне сравнения с энтропией?

Пастер указал, что в пространстве, в ряде явлений жизни эти векторы должны быть энантиоморфны – правые и левые.

Распространяется ли эта энантиоморфность <...> на полярные векторы времени?

Энантиоморфность выражена в мыслительном аппарате – в мозге. Она должна, вернее, может выявляться и в эффекте – в длении» [2, с. 249].

Такие вопросно-ответные конструкции усиливают рефлексивность процесса авторского мышления при формировании смыслов нового знания, отображают логику его размышлений, служат выделению наиболее важных аспектов изучения времени, способствуют активизации внимания адресата,

стимулируют его мыслительную деятельность в рамках рассматриваемых научных проблем, используя конструкции, выражающие уверенность, сомнение, уточнение.

Размышляя о времени, В. И. Вернадский вводит новые термины для обозначения описываемых им понятий: *дление*, *биологическое время*, *эмпирическое мгновение*, *структура биологического времени* и др. Термин *дление* рассматривается им как длительность, бренность жизни. Для обозначения данного понятия учёный переводит используемое известным французским философом Анри Бергсоном слово «*duree*», подчёркивая, что связывает его «не только с умственным процессом, но <...> и с процессом жизни» [2, с. 249]. Проследивая процессы, связанные с временем, применительно к разным организмам, В. И. Вернадский выделяет свойства *дления*:

- способность проявляться в нашем сознании;
- отношение «ко всему времени жизни и бренности атома»;
- отличие «от обычного времени физика, определяемого не реальным однозначным процессом, идущим в мире, а движением»;
- порождение большого количества вопросов, связанных с временем [2, с. 249].

Впервые учёный применил к живым организмам термин «биологическое время»: «*Время, связанное с жизненными явлениями, вернее, с отвечающими живым организмам пространством, обладающим диссиметрией, я буду называть биологическим временем*» [2, с. 226]. Для В. И. Вернадского время становится природным явлением, соответственно, имеет свои свойства, качественные и количественные характеристики, среди которых: необратимость, постоянность, связь с жизненными явлениями, живыми организмами; одно из основных проявлений вещества, неотделимое от него содержание; существование поколений как «самое характерное явление в смысле времени <...>», что принимается учёным «за исходное при изучении времени» [2, с. 226]; соотношение с геологическим временем.

С проблемой времени связан у В. И. Вернадского вопрос о происхождении жизни, метафорически обозначенное им *загадкой*. Этот вопрос мучал его на протяжении всей научной деятельности. По убеждению учёного, решение его возможно только с позиций научного знания, отличающегося от всякого другого: «*философского, религиозного, от народной мудрости*», «*здорового смысла*», – поскольку оно аксиоматично, объясняет все проявления жизни [2, с. 233].

В статье «Начало и вечность жизни» (1921 г.) В. И. Вернадский пытается выяснить факт существования всего живого в природе, разрешить эту загадку жизни, «*ибо нет вопросов более важных для нас, чем вопросы о загадке жизни, той вечной загадке, которая тысячелетиями стоит перед человечеством и которую оно стремится разрешить всем напряжением личного и коллективного творчества. А всякое разрешение загадки жизни предвительно связано с ответом на эти более узкие, но, по существу, огромной глубины и важности вопросы*» [4, с. 373].

В целях актуализации предмета своего научного поиска учёный использует:

- лексический повтор словосочетания *загадка жизни*, который выполняет смыслообразующую функцию, привлекая внимание адресата к важному смысловому элементу текста;
- риторический вопрос, свидетельствующий о глубине подхода учёного к данной проблеме: «*Было ли когда-нибудь и где-нибудь начало жизни или жизнь и живое такие же вечные основы Космоса, какими являются материя и энергия? Характерна ли жизнь и живое только для одной Земли или это есть общее проявление Космоса? Имела ли она начало на Земле, зародилась ли в ней? Или же в готовом виде проникла в неё извне, из других небесных светил?*» [4, с. 373];

• лексему *учёный*, выражающую позицию автора в отношении подхода к изучению вопроса о происхождении жизни: «я подойду к этому вопросу как *учёный*, а не как художник или религиозный мыслитель» [4, с. 375].

При рассмотрении проблем времени В. И. Вернадский рассуждает об эмпирических и философских понятиях, высказывая мысль о том, что «научное понятие подвергается не только логическому анализу нашего мыслительного аппарата <...>, но и непрерывно опыту и наблюдению <...>, при этом в опыте и наблюдении стирается проявление индивидуальности, личности» [2, с. 234].

Для подтверждения своей мысли В. И. Вернадский использует цитату из стихотворения любимого поэта Ф. И. Тютчева «Мысль изреченная есть ложь», высказывая убеждение в том, что «*верный и глубокий образ Тютчева к научной мысли не относится*», что «*динамически опыт и наблюдение непрерывно восстанавливают её связь с реальностью*» [2, с. 234–235].

В целях актуализации доминантных смыслов, связанных с проблемой времени, учёный использует известное изречение Гераклита, содержащее представление о необратимости времени: «<...> **живо** сейчас то <...> **древнее представление**, которое выразил более 2500 лет назад Гераклит, который говорил, что “*всё течёт*”, и сравнивал время с рекой – “*река времён*” русского поэта» [2, с. 346]. Автор обращается к стихотворению крупнейшего русского поэта Г. Р. Державина, в котором течение времени сравнивается с рекой, и приводит цитату: «*Река времён в своём стремленье / Уносит все дела людей / И топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей*».

Используя поэтический образ, В. И. Вернадский размышляет о необратимости времени, выражает сожаление о том, что достигнутое в области его изучения в предыдущие века теряется, и «*едва ли мы сейчас имеем правильное представление об интенсивности и высоте тех достижений*» [2, с. 343–346]. В данном контексте поэтический текст служит не только ярким средством выражения точности мысли автора, но и привлекает внимание адресата к логике его размышлений, обеспечивает образное представление о быстротечности времени, которое «*уносит*» достигнутое человечеством и «*топит*» его «*в пропасти забвенья*».

Не претендуя на полное освещение особенностей представления категории времени в индивидуальной научной картине мира В. И. Вернадского, на основе изложенного в данной статье мы можем констатировать, что категория времени в работах учёного наполняется индивидуальными смыслами за счёт рассмотрения её с позиций:

- представления о времени как природном явлении;
- осмысления истории изучения времени;
- изменения сложившегося в современной науке понятия о времени, подходов к его изучению;
- определения места проблемы времени в научном мировоззрении;
- характеристики количественных и качественных свойств времени;
- связи времени с жизненными явлениями, происхождением жизни;
- особенностей проявления времени применительно к разным объектам.

Перечисленное, как указывалось, не ограничивает временное видение учёным окружающей действительности, оно пересекается у В. И. Вернадского с такими категориями, как «Биосфера», «Ноосфера», «Жизнь», «Живое вещество», «Пространство», «Космос» и др., что находит отражение практически во всех научных работах учёного, наполняя категорию времени новыми смыслами.

Средствами вербализации данной категории, по результатам проведённого анализа, является использование:

- вопросительных и вопросно-ответных конструкций, характеризующих логику размышлений автора;
- ключевых слов для выделения доминантных смыслов;
- прецедентных имён, фрагментов текстов, ситуаций, служащих для актуализации особо значимых смыслов в изучении истории проблемы времени;
- средств объективации аргументов (двойное отрицание, лексические повторы, лексемы, характеризующие оценку, новизну проблемы, позицию автора);
- авторской терминологии (*дление, биологическое время, эмпирическое мгновение* и др.), обеспечивающей точность излагаемой концепции;
- метафоричности (*загадка жизни*), выступающей средством создания образа, стимулирующей процесс научного мышления;
- поэтических текстов, служащих для точности выражения позиции автора, привлечения внимания адресата к логике его размышлений, создания образного представления о рассматриваемом временном явлении.

Таким образом, на основе анализа категории «Время» в научных текстах В. И. Вернадского можно сделать вывод о том, что она занимает важное место в научной деятельности учёного, проходит через всё его научное творчество, рождает новые смыслы, которые, соприкасаясь с устоявшимися понятиями системами автора, приобретают свою значимость, объективируются в текстовые и языковые значения, воплощаются в новых концепциях учёного, составляют смысловую структуру его текстов.

Список источников

1. Аксёнов Г. П. В. И. Вернадский о природе времени и пространства. Историко-научное исследование / Г. П. Аксёнов. – Москва : Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, 2006. – 392 с.
2. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. – Москва : Наука, 1988. – 520 с.
3. Вернадский В. И. Живое вещество / В. И. Вернадский // Собрание сочинений : в 24 т. / В. И. Вернадский ; под ред. Э. М. Галимова. – Москва : Наука, 2013. – Т. 8. – С. 7–270.
4. Вернадский В. И. Начало и вечность жизни / В. И. Вернадский // Собрание сочинений : в 24 т. / В. И. Вернадский ; под ред. Э. М. Галимова. – Москва : Наука, 2013. – Т. 8. – С. 373–398.
5. Вернадский В. И. Проблема времени в современной науке / В. И. Вернадский // Собрание сочинений : в 24 т. / В. И. Вернадский ; под ред. Э. М. Галимова. – Москва : Наука, 2013. – Т. 10. – С. 237–256.
6. Закамулина М. Н. Темпоральность во французском и татарском языках: слово, высказывание, текст / М. Н. Закамулина. – Казань: Татарское книж. изд-во, 2000. – 288 с.
7. Кубрякова Е. С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира / Е. С. Кубрякова // Филология и культура / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2003. – С. 32–34.
8. Кондрашкина О. О. Категории пространства, времени и хронотопа в художественном произведении и языковые средства их выражения / О. О. Кондрашкина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. – Т. 13, № 2 (5). – С. 1217–1221.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – Москва : Русский язык, 1987. – 750 с.
10. Ракитина С. В. Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста / С. В. Ракитина. – Волгоград, 2007. – 44 с.

References

1. Aksenov G. P. V. I. *Vernadskiy o prirode vremeni i prostranstva. Istoriko-nauchnoe issledovanie = Vernadsky on the nature of time and space. Historical and scientific research*. Moscow: Institute of the History of Natural Science and Technology named after S. I. Vavilov, RAS; 2006: 392 p.
2. Vernadskiy V. I. *Filosofskie mysli naturalista = Philosophical thoughts of a naturalist*. Moscow: Nauka; 1988: 520 p.
3. Vernadskiy V. I. Living matter. *Sobranie sochineniy: v 24 tomakh = Collected works: in 24 vols*. Ed. by E. M. Galimov. Moscow: Nauka; 2013;8:7–270.
4. Vernadskiy V. I. The Beginning and Eternity of Life. *Sobranie sochineniy: v 24 tomakh = Collected works: in 24 vols*. Ed. by E. M. Galimov. Moscow: Nauka; 2013;8: 373–398.
5. Vernadskiy V. I. The Problem of Time in Modern Science. *Sobranie sochineniy: v 24 tomakh = Collected works: in 24 vols*. Ed. by E. M. Galimov. Moscow: Nauka; 2013;10: 237–256.
6. Zakamulina M. N. *Temporalnost vo frantsuzskom i tatarskom yazykakh: slovo, vyskazyvanie, tekst = Temporality in the French and Tatar Languages: Word, Statement, Text*. Kazan: Tatar Book Publ. House; 2000: 288 p.
7. Kubryakova E. S. Human Consciousness and Its Connection with Language and the Language Picture of the World. *Filologiya i kultura = Philology and Culture*. Ed. by N. N. Boldyrev. Tambov: Tambov State University named after G. R. Derzhavin; 2003: 32–34.
8. Kondrashkina O. O. Categories of Space, Time, and Chronotope in a Work of Art and Linguistic Means of Expressing Them. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN = Bulletin of the Samara Scientific Center of the RAS*. 2011;13,2(5):1217–1221.
9. Ozhegov S. I. *Slovar russkogo yazyka = Dictionary of the Russian language*. Ed. by N. Yu. Shvedova. 19th ed. Moscow: Russkiy yazyk; 1987: 750 p.
10. Rakitina S. V. *Kognitivno-diskursivnoe prostranstvo nauchnogo teksta = Cognitive-discursive space of scientific text*. Volgograd; 2007: 44 p.

Информация об авторе

С. В. Ракитина – доктор филологических наук, доцент.

Information about the author

S. V. Rakitina – Doctor of Philology, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.10.2024; одобрена после рецензирования 10.10.2024; принята к публикации 13.10.2024.

The article was submitted 05.10.2024; approved after reviewing 10.10.2024; accepted for publication 13.10.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 50–55.
Humanitarian Researches. 2024;3(91):50–55.

Научная статья
УДК 003.86+811.133.1

**ПРОБЛЕМЫ ПУНКТУАЦИОННОГО ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА
В ПЕРЕВОДЕ РУССКОГО «БЕЛОГО СТИХА» НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК**

Марина Ильинична Свешникова^{1✉}, Елена Игоревна Сернова²

^{1,2}Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия

¹msveshnikva@rambler.ru✉, <http://orcid.org/0000-0001-5630-9267>

²eis67@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам передачи русского «белого стиха» на французский язык, вызванным различиями в системах стихосложения: русской силлабо-тонической и французской силлабической. Графическое оформление в «белом стихе» играет первостепенную роль, так как позволяет организовать текст именно как поэтическое произведение, в котором завершение строки отмечается заметной паузой. Пунктуационно-графический рисунок подчёркивает и синтаксическое членение текста. В нерифмованных стихах наиболее полно проявляется своеобразный ритм, который чаще всего и утрачивается в переводе. В процессе передачи на другой язык такая организация текста в любом случае требует поиска эквивалентов, аналогов, синтаксических трансформаций, то есть нельзя ограничиться просто дословным переводом или подстрочником. При этом если в русском тексте ритм поддерживается пунктуационными средствами, то в переведённом тексте их присутствие, отсутствие, замена или перестановка зависят уже от орфографических правил другого языка, традиций оформления на нём поэтических текстов или даже от понимания текста самим переводчиком. В результате в переводе внешнее оформление поэтического текста может быть существенно изменено. На примерах произведений А. Пушкина, И. Бунина и А. Вознесенского рассматриваются средства организации и экспрессивизации в тексте и их возможные аналоги в переводе.

Ключевые слова: система стихосложения, белый стих, пунктуация, графическое оформление поэтического текста, знаки пунктуации, перевод

Для цитирования: Свешникова М. И., Сернова Е. И. Проблемы пунктуационного оформления текста в переводе русского «белого стиха» на французский язык // Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 50–55.

Original article

**PROBLEMS OF TEXT PUNCTUATION IN TRANSLATING RUSSIAN “BLANK VERSE”
INTO FRENCH**

Marina I. Sveshnikova^{1✉}, Elena I. Sernova²

^{1,2}Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

¹msveshnikva@rambler.ru✉, <http://orcid.org/0000-0001-5630-9267>

²eis67@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of transmitting Russian “blank verse” into French, caused by differences in versification systems: Russian syllabic-tonic and French syllabic. Graphic design in “blank verse” plays a primary role, as it allows to organize the text precisely as a poetic work, in which the end of a line is marked by a noticeable pause. The punctuation-graphic pattern also emphasizes the syntactic division of the text. In unrhymed verses, a peculiar rhythm is most fully manifested, which is often lost in translation. In the process of transferring to another language, such organization of the text in any case requires a search for equivalents, analogues, syntactic transformations, that is,

© Свешникова М. И., Сернова Е. И., 2024

one cannot limit oneself to simply a literal translation or an interlinear translation. Moreover, if in a Russian text the rhythm is supported by punctuation means, then in the translated text their presence, absence, replacement or rearrangement depends on the spelling rules of another language, the traditions of formatting poetic texts in it, or even on the understanding of the text by the translator himself. As a result, the external design of a poetic text can be significantly changed in translation. Using the examples of the works of A. Pushkin, I. Bunin and A. Voznesensky, the means of organization and expressivization in the text and their possible analogues in translation are considered.

Keywords: versification system, blank verse, punctuation, graphic design of poetic text, punctuation marks, translation

For citation: Sveshnikova M. I., Sernova E. I. Problems of text punctuation in translating Russian “blank verse” into French. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;3(91):50–55 (In Russ.).

В русской поэзии понятие «белый стих» связано с отсутствием концевой рифмы. Однако в отличие от «свободного» стиха, общепринятого в европейской поэзии, «белый стих» имеет определённый поэтический ритм, основанный на размере (ямбе, анапесте или другом). Такое явление в принципе характерно для поэтических систем, в которых рифма и размер являются системно-образующими признаками, как, например, для силлабо-тонической системы русской поэзии. Для французской поэзии с её силлабической основой такое понятие условно. Это тем более удивительно, так как термин «белый стих» имеет французское происхождение: это дословный перевод французского прилагательного «blanc», который является переносом английского «blank» («пустой») [7]. Значительное распространение русский «белый стих» получил в конце XVIII – начале XIX века. Среди стихотворений без рифм был особенно распространён пятистопный ямб [8, с. 96].

Несмотря на относительную свободу от рифмы, русский текст, написанный «белым стихом», отвечает определённым требованиям. Во-первых, это размер стиха, во-вторых, это внешнее оформление. Поэтический текст со своей общей установкой на максимальную упорядоченность подразумевает презумпцию графической упорядоченности текста [2, с. 111]. Это играет важную роль в «белом стихе», так как рифма со своей урегулированностью отсутствует. В любом случае даже в нерифмованном поэтическом тексте сохраняется стихотворный ритм, несмотря на отсутствие других признаков, прежде всего, за счёт деления текста на строки, что и поддерживает специфическую интонацию [4, с. 19].

Графическое оформление в «белом стихе» играет первостепенную роль, так как позволяет организовать текст именно как поэтическое произведение, в котором завершение строки отмечается заметной паузацией, что отличает его от прозы, не считая жёсткого размерного ритма. Ведущую роль в графическом оформлении такого стиха играют пунктуационные знаки и специфические способы вербально-графической акцентировки текста [3]. Они поддерживают ритм, выделяют паузы и имеют дополнительные эмоциональные оттенки, когда не соответствуют стандартным правилам грамматики. Этот пунктуационно-графический рисунок должен соблюдаться по возможности и при переводе.

Однако различия в силлабо-тонической системе русской версификации и силлабической французской затрудняют процесс перевода русских поэтических текстов на французский язык: особенности рифмы и размера не всегда находят аналоги во французском языке. Зачастую перевод нерифмованных («белых») стихов кажется значительно проще, чем рифмованных. И здесь, казалось бы, можно воспользоваться «свободным» французским стихом. Тем не менее и такой перевод сталкивается с определёнными трудностями, так как в «свободном» (точнее, «освобождённом» стихе – *vers libéré*) нет чётко выраженного метра, рифмы, традиционной строфической организации [9, с. 336–337]. Даже «свободный» стих не свободен от определённых

правил. В любом стихе, прежде всего, должен чувствоваться ритм. Он не такой, как в классической поэзии, размера и рифмы здесь нет или они условны. Ритмическая организация текста передаётся с помощью соотношения ритмических групп и синтагм, внутренних созвучий и пр. Важное значение во французском «свободном» стихе, как и в русском «белом стихе», имеет графическое оформление. Это может быть игра шрифтами, пробелы, разрядка, переносы, пропуски строк и даже рисунки. Все эти приёмы призваны акцентировать внимание читателя (именно читателя, не слушателя!) на скрытых смыслах, заложенных автором. Однако эти же средства не позволяют в полной мере передать в переводе стихотворный текст с русского языка на французский, так как русский стих, даже нерифмованный, нацелен на слуховое восприятие. Именно стихотворный ритм, организованный размером, создаёт особый звуковой рисунок, который легко понимается как зрительно, так и на слух, благодаря сформированным с детства «эмоциям ожидания», предвосхищающим любое восприятие поэтического текста. Поэтому в переводе такая организация текста в любом случае требует поиска эквивалентов, аналогов, синтаксических трансформаций, то есть нельзя ограничиться просто дословным переводом или подстрочником. При этом если в русском тексте ритм поддерживается пунктуационными средствами, то в переведённом тексте они могут исчезнуть. Так происходит с распространённым в русской поэзии знаком «тире» [3]. Например, в своих произведениях А. С. Пушкин использует этот знак для усиления противопоставления, что можно обнаружить в «Маленьких трагедиях», где пятистопный ямб, несмотря на многочисленные пиррихии, поддерживается и другими знаками препинания (двоеточие), подчёркивающими цезуру.

С а л ь е р и

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет – и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма [5, с. 465].

В переводе на французский язык, выполненном Луи Мартине, пунктуационно-графический рисунок значительно изменён. Тире отсутствует, так же как и двоеточие. Точки и запятые выполняют стандартную грамматическую функцию членения смысловых отрезков согласно правилам французской пунктуации без усиления эмоционального эффекта. Следует отметить, что начало строки без капитуляции служит для продолжения предложения, но никак не поддерживает поэтический ритм. Нарушает его и разное количество стоп в строках, несмотря на возможность поставить цезуру после четвёртой стопы, однако она никак не выражена в переводе ни в пунктуации, ни в синтаксисе.

SALIERI

Point de justice ici-bàs, nous dit-on.
Pas d'avantage en l'autre monde. À mes yeux
la chose est claire comme une simple gamme [11, с. 225].

Особый ритм приобретают поэтические тексты А. С. Пушкина, имитирующие фольклорные произведения. Он поддерживается не столько рифмой (она чаще всего условна) или размером, сколько лексическими и грамматическими повторами, свойственными именно народной речи, как, например, в «Песнях о Стеньке Разине»:

Ходил Стенька Разин
В Астрахань-город
Торговать товаром.
Стал воевода
Требовать подарков.

Поднёс Стенька Разин
 Камки хрущатые,
 Камки хрущатые –
 Парчи золотые [5, с. 104].

Пунктуационно-графический рисунок подчёркивает синтаксическое членение текста, однако наличие тире меняет смысл последней строки («парчи» выступают в качестве синонима-уточнения к понятию «камки»), что не отражается в переводе, выполненном Луи Мартине, где идёт простое перечисление:

Stenka s'en fut à la ville,
 à la ville d'Astrakhan,
 pour y faire ses affaires.
 Or le gouverneur
 voulut des présents.
 Stenka lui propose
 des damas crissants,
 des damas crissants,
 du brocart doré [11, с. 69].

Отсутствие капитуляции в начале строки соответствует синтаксическому оформлению предложений. Однако этот приём в переводе нарушает ритмическое единство и паузацию.

Структура «белого стиха» может существенным образом отличаться от классического текста. Поэт использует все доступные ему средства для большей выразительности, как, например, в стихотворении А. А. Вознесенского «Суздальская богоматерь...», где «изломанный» рисунок, игра с началом строки, пунктуация подчёркивают смятение лирического героя:

Суздальская богоматерь,
 сияющая на белой стене,
 как кинокассирша
 в полукруглом овале окошечка!

Дай мне
 билет,
 куда не допускают
 после шестнадцати...

Так не просто понимать всё [10, с. 52].

Несмотря на сохранение общего рисунка текста, перевод стихотворения А. А. Вознесенского, выполненный Леоном Робелем, теряет в выразительности из-за отсутствия многих пунктуационных средств, как в оригинале. Также сложно оправдать в переводе неожиданные лексические трансформации: *Суздальская богоматерь* – *Notre-Dame de Kazan*, *после шестнадцати* – *plus de quinze ans*.

Notre-Dame de Kazan
 qui resplendissez sur la blancheur du mur
 comme une caissière dans l'ovale de son guichet

Donnez-moi
 un billet
 pour où
 il est interdit de se rendre
 aux plus de quinze ans...

C'est si dur de tout comprendre [10, с. 53].

В нерифмованных стихах наиболее полно проявляется своеобразный ритм, который чаще всего утрачивается в переводе. Так, фонетическая организация стихотворения «Казнь» И. А. Бунина представляет ямбовый ритм:

рифма в большинстве строк отсутствует, но она проявляется созвучиями во всём тексте, а не в отдельной строфе. Четвёртая строфа написана четырёхстопным ямбом без пиррихий (кроме последней строки, которая увеличивается ещё на одну стопу), строки заканчиваются на жёсткое мужское окончание. Ритм чётко выражен за счёт ударений и усиливается пунктуационными знаками (запятые, тире и восклицательным знаком).

– Давай, мужик, лицо умыть,
Сапог обуь, кафтан надеть,
Веди меня, вали под нож
В единый мах – не то держись:
Зубами всех заём, не оторвут! [1, с. 156]

В тексте перевода стихотворения структура близка к оригинальной, однако сохранить полностью чёткий, «рубленый» ритм бунинского ямба не представляется возможным: даже наличие одно-, двусложных слов не передаёт полностью эмоциональный контекст. Общий ритм в переводе поддерживается тождеством октосиллаба в первых трёх строках, кроме последней строки, оформленной декасиллабом. Для сохранения экспрессии в пунктуационное оформление включены дополнительные восклицательные знаки и созвучие третьей и пятой строк *la hache – m'arrache*.

– Va, mon gars, laisse-moi me laver
Et mettre mes bottes, le cafetan.
Conduis-moi, mets-moi sous la hache.
Fais d'un seul coup mais si non – gare !
Mes dents déchireront tous sans qu'on m'arrache! [6, с. 121]

Особенности французского языка, а именно связанный жёсткий синтаксис и фонетика, объединяющая слова в ритмические группы, приводят к тому, что акцент на то или иное слово в тексте требует значительных изменений, прежде всего, синтаксических. В результате этого французский стих звучит более монотонно, чем русский. Кроме этого, стремление приблизить пунктуацию стиха к французской норме меняет внешнее оформление текста, что зачастую приводит к нарушениям в эмоциональном восприятии [3].

Перевод такого поэтического произведения, как «белый стих», требует глубокого предварительного анализа оригинального текста и всех его составляющих. Пунктуационно-графическое оформление служит не только для синтаксического и интонационного членения текста, но и играет в некоторых случаях особую роль в выразительности и акцентуации. Наличие графических преобразований поэтического текста в переводе должно соответствовать общему содержанию оригинала, и, как показывают приведённые примеры, перевод не сохраняет авторское использование пунктуационных средств и оформляет текст согласно правилам французской грамматики. Поэтому проблема передачи выразительных средств, переданных пунктуационно-графическим оформлением, до сих пор не нашла своего теоретического решения, и в каждом тексте переводчик исходит из собственных представлений о выразительности текста.

Список источников

1. Бунин И. А. Ритм / И. А. Бунин. – Санкт-Петербург : Амфора; Москва : Комсомольская правда, 2012. – 238 с.
2. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. М. Лотман. – Москва : Эксмо, 2022. – 416 с.
3. Макарова Л. С. Графическое оформление поэтической речи и его преобразования в переводе (на материале переводов русской поэзии на французский язык) / Л. С. Макарова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/graficheskoe-oformlenie-poeticheskoy-rechi-i-ego-preobrazovaniya-v-perevode-na-materiale-perevodov-russkoy-poezii-na-frantsuzskiy-yazyk>.

4. Невзглядова Е. В. О стихе / Е. В. Невзглядова. – Санкт-Петербург : Звезда, 2005. – 272 с.
5. Пушкин А. С. Стихотворения. Поэмы. Драмы. Сказки / А. С. Пушкин. – Москва : Эксмо, 2005. – 608 с.
6. Свешникова М. И. Перевод поэтического наследия Ивана Бунина на французский язык / М. И. Свешникова. – Астрахань : Астраханский университет, 2022. – 130 с.
7. Семенов В. Б. Белый стих / В. Б. Семенов. – URL: <https://veronasunrise.livejournal.com/54450.html>.
8. Томашевский Б. В. Краткий курс поэтики / Б. В. Томашевский. – Москва : КДУ, 2006. – 192 с.
9. Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод / Е. Г. Эткинд. – Ленинград : Советский писатель, 1963. – 431 с.
10. Andreï Voznessenski. Poèmes / Andreï Voznessenski ; traduits par Léon Robel. – Paris : Gallimard, 1973. – 154 p.
11. Alexandre Pouchkine. Poésies / Alexandre Pouchkine ; traduction, choix et présentation de Louis Martinez. – Paris : Gallimard, 2011. – 336 p.

References

1. Bunin I. A. *Ritm = Rhythm*. St. Petersburg: Amfora; Moscow, Komsomolskaya pravda; 2012: 238 p.
2. Lotman Yu. M. *Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha = Analysis of poetic text. The structure of verse*. Moscow: Eksmo; 2022: 416 p.
3. Makarova L. S. *Graficheskoe oformlenie poeticheskoy rechi i ego preobrazovaniya v perevode (na materiale perevodov russkoy poezii na frantsuzskiy yazyk) = Graphic design of poetic speech and its transformation in translation (based on the material of translations of Russian poetry into French)*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/graficheskoe-oformlenie-poeticheskoy-rechi-i-ego-preobrazovaniya-v-perevode-na-materiale-perevodov-russkoy-poezii-na-frantsuzskiy-yazyk>
4. Nevzglyadova E. V. *O stikhe = About the verse*. St. Petersburg: Zvezda; 2005: 272 p.
5. Pushkin A. S. *Stikhotvoreniya. Poemy. Dramy. Skazki = Poems. Dramas. Fairy tales*. Moscow: Eksmo; 2005: 608 p.
6. Sveshnikova M. I. *Perevod poeticheskogo naslediya Ivana Bunina na frantsuzskiy yazyk = Translation of Ivan Bunin's poetic heritage into French*. Astrakhan: Astrakhan State University; 2022: 130 p.
7. Semenov V. B. *Belyy stikh = Blank Verse*. URL: <https://veronasunrise.livejournal.com/54450.html>.
8. Tomashevskiy B. V. *Kratkiy kurs poetiki = Short course of poetics*. Moscow: KDU; 2006: 192 p.
9. Etkind E. G. *Poeziya i perevod = Poetry and translation*. Leningrad: Sovetskiy pisatel; 1963: 431 p.
10. Andrei Voznesensky. *Poèmes = Poems*. Transl. by Léon Robel. Paris: Gallimard; 2011: 336 p.
11. Alexander Pouchkin. *Poésies = Poems*. Transl. by Louis Martinez. Paris: Gallimard; 2011: 336 p.

Информация об авторах

М. И. Свешникова – кандидат педагогических наук, доцент;

Е. И. Сернова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about authors

M. I. Sveshnikova – Candidate of Pedagogy, Associate Professor;

E. I. Sernova – Candidate of Philology, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.08.2024; одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 01.08.2024; approved after reviewing 29.08.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 56–61.
Humanitarian Researches. 2024;3(91):56–61.

Научная статья
УДК 81

**МЕТАФОРА КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ
В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ**

Зухра Равильевна Аглеева^{1✉}, Игорь Александрович Кудряшов²

¹Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹z.agleeva@yandex.ru ✉

²igalk@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается концептуальная метафора как один из основных механизмов образования единиц вторичной номинации, фразем, которые во фразеологических сегментах национальных картин мира этноспецифически отражают представление об окружающем мире. Отмечается отличие фразем от омонимичных свободных синтаксических конструкций. Говорится о разграничении когнитивной и языковой метафоры. Приводятся краткие сведения о классификации метафор по различным критериям. На примерах из разноструктурных языков сопоставляется иерархическая структура сем свободно-синтаксического и фразеологического сочетаний, делаются выводы о полной или частичной эквивалентности фразем, образованных на основе метафоры. Рассматривается семантическая структура слов-компонентов фразем, образованных на основе метафор, как сочетание сем. Сопоставляя фраземы в разных языках, авторы отмечают, что нередко фраземы, в основе которых лежат метафоры, близки в структурно-семантическом отношении, иногда идентичны их синтаксические функции, но наличие лексических лакун не позволяет включать в состав компонентов фраземы национально маркированные элементы (мифологемы, этнонимы и т. п.). Таким образом, во фразеологическом фрагменте любой языковой картины мира в плане выражения и в плане содержания обнаруживается как универсальное, так и этноспецифическое. Последнее наиболее ярко отражено в безэквивалентных фраземах. Анализ фразем даёт возможность говорить не просто о метафоре как основном механизме фразеологизации, а о когнитивной метафоре, выполняющей фразеологическую функцию. Вариативность метафоры принимает множество форм, и в одной из наиболее распространённых – в определённой абстрактной области – это понимается по-разному в разных культурах.

Ключевые слова: метафора, когнитивная, концептуальная, языковая, классификация, вербальный, универсальный, этноспецифический

Для цитирования: Аглеева З. Р., Кудряшов И. А. Метафора как универсальный механизм фразеологизации в разноструктурных языках // Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 56–61.

Original article

**METAPHOR AS A UNIVERSAL MECHANISM OF PHRASEOLOGIZATION
IN DIFFERENT STRUCTURED LANGUAGES**

Zuckra R. Agleeva^{1✉}, Igor A. Kudryashov²

¹Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹z.agleeva@yandex.ru ✉

²igalk@mail.ru

Abstract. The article considers the conceptual metaphor as one of the main mechanisms for the formation of secondary nomination units, phrasemes, which in phraseological segments of national worldviews ethnospecifically reflect the idea of the surrounding world. The difference between phrasemes and homonymous free syntactic constructions is noted. It is said about the distinction between cognitive and linguistic

metaphors. Brief information is provided on the classification of metaphors according to various criteria. Using examples from different structural languages, the hierarchical structure of semes of free syntactic and phraseological combinations is compared, conclusions are drawn about the full or partial equivalence of phrasemes formed on the basis of metaphor. The semantic structure of the word components of phrasemes formed on the basis of metaphors is considered as a combination of these. Comparing phrasemes in different languages, the authors note that often phrasemes based on metaphors are structurally and semantically close, sometimes their syntactic functions are identical, but the presence of lexical lacunae does not allow the inclusion of nationally labeled elements (mythologems, ethnonyms, etc.) in the phraseological fragment. Any linguistic picture of the world in terms of expression and content reveals both universal and ethnospecific. The latter is most clearly reflected in non-equivalent phrasemes. The analysis of phrasemes makes it possible to talk not just about metaphor as the main mechanism of phraseologization, but about a cognitive metaphor that performs an epistemological function. The variability of metaphor takes many forms, and in one of the most common – in a certain abstract area – it is understood differently in different cultures.

Keywords: metaphor, cognitive, conceptual, linguistic, classification, verbal, universal, ethnospecific

For citation: Agleeva Z. R., Kudryashov I. A. Metaphor as a universal mechanism of phraseologization in different structured languages. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;3(91):56–61 (In Russ.).

Взаимодействуют ли метафоры с другими тропами, и если взаимодействуют, то каким образом? Каковы механизмы преобразования чувственных и мыслительных категорий в единицы языка? Имеются ли критерии или законы субституции и других типов варьирования в структуре метафоры? Какова оптимальная методология получения метафорических данных? Создаёт ли метафора определённый опыт постижения реальности или она отражает ранее существовавший опыт, понимаемый буквально? Варьируются ли концептуальные метафоры в разных культурах, и если да, то каким образом? Как метафора способствует пониманию конкретных речевых событий в культуре? Как метафора создаёт согласованность или непоследовательность в культуре? Как изучение метафоры может обеспечить связь между когнитивной наукой и антропологией и какого рода связь оно может обеспечить? Характеризуются ли определённые культуры или их вообще можно охарактеризовать конкретными метафорами, которые доминируют или характерны для определённой культуры?

Попытка дать последовательные ответы на эти вопросы обещает, как представляется, привести к созданию довольно хорошей основы для теории, которая может объяснить как универсальность, так и вариативность метафор. Пытаясь достичь заявленных целей, мы задействуем такое понятие, как культура. Если некоторые метафоры универсальны, то мы не можем чётко разделить человеческий мир на ограниченные, подобные сущностям культуры, которые исключают друг друга, потому что универсальные метафоры указывают на всеобъемлющий или лежащий в основе слой культурного опыта, помимо метафор, которые могут быть ориентированы на культуру.

Концептуальная метафора часто выступает в качестве основного механизма фразеологизации, т. е. образования новой единицы вторичной номинации, фраземы, которая, в отличие от свободной синтаксической конструкции, словосочетания или предложения, понимаемой буквально, передаёт абсолютно новое значение или включает в себя дополнительные семы, коннотации. Значение исходной свободной конструкции с прямым значением, на наш взгляд, упрощённо можно представить как $a + b = a + b$, а значение фраземы как продукта концептуальной системы – как $a + b = a^m + b^m$ или чаще $a + b = c$. Разумеется, понимание метафоричности требует креативности или наличия метафорического мышления, особенно когда речь идёт

об адекватном понимании единиц вторичной номинации чужого языка или невербально выраженных метафор.

Исследования в области метафоры, так же как и во многих других, часто приводили учёных к противоречивым итогам. Мысль о метафорической природе мышления оказалась в высшей степени плодотворной и получила широкое распространение не только среди лингвистов, но и среди философов. Философы античности или отрицали метафору, или отводили ей второстепенную роль (например, по Цицерону поэтическое украшение речи, безделушка). В настоящее время утвердилось адекватное восприятие метафоры. Изучение данного феномена шло от выделения языковой метафоры до концептуальной, когнитивной, рассматриваемой как способ формирования национальных языковых картин мира. Классификация метафор проводилась по разным критериям. Так, в функционально-семантическом плане принято выделять номинативные, образные, когнитивные и генерализующие метафоры [3]. Благодаря наличию комплекса функций (информативной, эстетической, оценочной, стилистической, экспрессивной), метафоры столь частотны в разных лингвокультурах.

Сопоставляя процесс образования фразем на метафорической основе и их структурно-семантические особенности в разнотипных языках, можно говорить о наличии двух групп концептуальных метафор: универсальных и этноспецифичных (как известно, под *концептуальной* метафорой понимают когнитивную операцию над понятиями, средство концептуализации). Когнитивная метафора обеспечивает концептуализацию неизвестного концепта по аналогии со сложившейся в той или иной лингвокультуре системой понятий, обладает возможностью сопоставления любого неизвестного явления с принятым данным этносом. По мнению М. Минского, аналогии, основанные на когнитивной метафоре, «дают нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы в свете другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретённый в одной области, для решения проблемы в другой области» [9, с. 291–292]. В. А. Маслова ёмко характеризует универсальность метафоры, её роль в процессах смыслообразования: «Метафора – универсальное явление в языке, она присуща всем языкам. Её универсальность проявляется в пространстве и времени, в структуре языка и в его функционировании. Многие лингвисты даже утверждают, что весь наш язык – это кладбище метафор. ... План содержания ФЕ и метафоры, а также закреплённые за ними культурные коннотации сами становятся знанием, т. е. источником когнитивного освоения. Именно поэтому фразеологизмы и образно-мотивированные слова (метафоры) становятся экспонентами культурных знаков» [8, с. 87]. А. Н. Баранов определяет метафору как «сложный когнитивный феномен, возникающий в результате взаимодействия двух смысловых комплексов – содержания / фокуса / источника и оболочки / фрейма / цели». Метафора – своего рода когнитивный механизм минимизации и кодирования информации, представляющий собой минимальный в плане выражения, но весьма значимый в плане содержания текст.

Семантическую структуру слов-компонентов при метафорическом типе образования фразем можно представить как сочетание категориальной архисемы + родовой семы + видовой дифференцирующей семы + потенциальной семы. Но это типовая модель, в частных случаях отдельные (факультативные) звенья могут быть опущены. (Ср. наличие этих сем в паре, представляющей собой полные эквиваленты в русском и татарском языках: *Была бы шея, а хомут найдётся* / (тат.) *Муены булса, камыты табылыр* – букв.: Если будет шея, хомут найдётся.) Частичный эквивалент в русском и татарском языках представлен парой *Делить шкуру неубитого медведя* – *Тумаган тайга атланьрга* (букв.: Прыгнуть на ещё не родившуюся лошадь; Оседлать ещё не родившуюся лошадь) с различными зооморфизмами (*медведь*,

лошадь), глаголами из разных лексико-семантических групп, но с общим фразеологическим значением 'распределять между собой прибыль от предполагаемого, но ещё не осуществлённого дела'. О различия в плане выражения, а потому частичной фразеологичности эквивалентов можно говорить и в связи с английской фразеологической единицей метафорического плана *Don't count your chickens before they are hatched* (Не считай цыплят (утят), пока не вылупились) при сопоставлении её с предыдущей парой.

Отдельные фраземы-метафоры при переводе сохраняют только значение, теряя коннотативность и собственно метафоричность: так, в паре *как с гуся вода – бер нәрсә булмагандай* (букв.: ничего не случилось) татарский вариант является межъязыковым фразеосемантическим соответствием, ибо сохраняется лишь семантика: 'никакого воздействия, всё нипочём, безразлично'. Метафоричность русской фраземы нивелируется, её перевод воспринимается как свободносинтаксическая единица, в конкретном случае – простое предложение. Немецкая фразема *ablaufen wie das Wasser am Entenflügel* (букв. «стекать как вода с утиного крыла») – симбиоз довербальных смысловых элементов, возникших на основе сенсорно-перцептивного опыта («сколько утка ни пребывала бы в воде, когда выходит, капельки скатываются с крыльев и всего тела»), адгерентных «предметных» ассоциаций («вода не оказывает никакого воздействия»), вторичных образов («несмотря на порицание за проступок, субъекту всё нипочём») и речевых, коммуникативно-прагматических, смыслов («безразличие»). Вторичный образ служит связующим звеном между довербальными и речевыми смыслами: 'ему всё нипочём, несмотря на то, что виноват и порицаем'.

Остановимся на случаях, когда метафора, лежащая в основе фраземы или фразеологизированной конструкции, уже имеет в своём составе метафору. Наглядна в этом плане татарская поговорка *Күңел күзе күрмәсә, маңгай күзе – ботак тишеге* (букв.: Если глаз души (сердца) не видит, то глаз на лбу – дыра (дупло) в дереве). В русском языке наиболее близким по значению является выражение *Красота в глазах смотрящего*. Словарь предлагает русский вариант *Как на что взглянешь, так и видишь*. Данная фразеологизированная конструкция построена не только на основе метафоры, здесь большую роль играет и противопоставление *күңел күзе – маңгай күзе* (*күңел* – *маңгай* выступают как контекстуальные антонимы), где первое словосочетание (в переводе *глаз души, сердца*) уже представляет собой метафору (ср. русск. *зеркало души*). Татарские словари определяют *күңел* как полисемант: «*күңел* – сущ. 1. душа, сердце // душевный, сердечный 2. внутренний мир, духовный мир 3. настроение, дух 4. мысль, сознание 5. память 6. симпатия, любовь, расположение 7. интуиция, душа» [10], поэтому *күңел күзе* может иметь варианты перевода. При рассмотрении семантической структуры, на наш взгляд, необходим анализ всего компонента *күңел күзе*, выделение в нём, а не в отдельном слове категориальной архисемы, родовой и видовой дифференцирующей семы, потенциальной семы, которые в совокупности создают этот интересный образ.

Каждый язык привносит в отражение мира что-то своё, создавая национальные фрагменты языковой картины окружающего, передающее мировидение этноса, нации. Несмотря на языковую интернационализацию, взаимовлияние контактирующих языков при сопоставлении единиц различных уровней лингвосистем отмечается достаточное число национально маркированных слов и фразем, основанных на метафоре, которые участвуют в картировании фрагментов языковой картины мира. Часто при сопоставлении фразеологических единиц разных языков оказывается, что они безэквивалентные, нашедшие отражение во фразеосистеме только одного языка, что объясняется нередко, помимо других причин, наличием в их составе национально маркированных лексем-компонентов или вербализацию события

или явления, характерного для данного общества (ср. *синь порох в глазу; темна вода во облацех; не солоно хлебавши; семи пядей во лбу; наводить тень на плетень* и т. д.; англ. *catch the Speaker's eye* (букв.: *ловите глаз Спикера*) – 'получить слово (в палате общин)'; *a dead hand* (букв.: *мертвая рука*) – 'владение недвижимостью без права передачи'; нем. *eine grüne Hand haben* (букв.: *иметь зелёную руку*) – 'о тех, у кого очень хорошо растут цветы, растения'; тат. *эт баш, сыер аяк* (букв.: *голова собаки, нога коровы*) – 'беспорядок' и т. д.). Безэквивалентные фразеологизмы-метафоры частотны в разных языках и, безусловно, представляют особый интерес для лингвистов, лингвокультурологов, так как именно они выступают маркерами той или иной культуры.

Психолингвисты полагают, что на довербальном этапе возникновения концептуальной метафоры основополагающую роль играют «нейросемантические процессы, улавливающие не только эксплицируемые нашим сознанием, но и латентные, скрытые от внешнего восприятия, связи, казалось бы, несовместимых объектов» [1, с. 176]. Интересно то, что когнитивные механизмы порождения метафор в рамках одной и той же речемыслительной ситуации зависят от национальных особенностей. Исследование механизмов метафорической объективации когнитивных структур связано со спецификой моделирования сегментов национальных концептосфер. Усвоение уникальных в своём роде возможностей метафоры является существенным в понимании глубинных взаимосвязей языка и культуры. Метафорические концепции часто воплощаются, а следовательно, и основанные на них культурные представления также воплощаются. Это воплощение придаёт смысл не только языку, но и более широкому спектру культурных практик. Авторы книги «Метафоры, которыми мы живём» отмечают: «Метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, и не только язык, но и мысль и действие» [7, с. 126]. Более того, наша концептуальная система представляется исследователям «метафорической по своей природе».

Сопоставление фразем-метафор разноструктурных языков позволяет сделать выводы о единстве основных мыслительных актов разных этносов, универсальности процессов сравнения, уподобления, соотнесения. Таким образом, когда мы смотрим на метафоры в языках мира, у нас складывается отчётливое представление, что существует также большое количество не-универсальных метафор, и что их может быть так же много, как и универсальных, если не больше. Другими словами, вариативность метафоры, по-видимому, столь же важна и распространена, как и универсальность. Вариативность метафоры принимает множество форм, и в конкретной абстрактной области это понимается по-разному в разных культурах.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
2. Апресян В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–25.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
4. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Э. Бинович. – Москва : Аквариум, 1995. – 768 с.
5. Борханова Н. Б. Русско-татарский фразеологический словарь / Н. Б. Борханова, Л. Т. Махмутова. – Казань, 1959.
6. Кожанметова Х. К. Казахско-русский фразеологический словарь / Х. К. Кожанметова, Р. Е. Жайсакова, Ш. О. Кожанметова. – Алматы : Мектеп, 1988.
7. Lakoff J. Metaphors that we live by (Theory of metaphor) / J. Lakoff, M. Johnson. – Moscow, 1990.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – 2-е изд., стереотип. – Москва : Академия, 2004. – 208 с.

9. Минский М. Остроумие и логика когнитивного и бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – Вып. 23. – С. 291–292.
10. Татарско-русский и русско-татарский словари. – URL: <https://tatpoisk.net/dict/tat2rus/%D0%BA%D2%AF%D2%A3%D0%B5%D0%BB>.

References

1. Alefirenko N. F. *“Zhivoe” slovo: Problemy funktsionalnoy leksikologii = “Living” word: Problems of functional lexicology*. Moscow: Flinta: Nauka; 2009: 344 p.
2. Apresyan V. Yu., Apresyan Yu. D. Metaphor in the semantic representation of emotions. *Voprosy yazykoznaniiya = Problems of Linguistics*. 1993;3:27–25.
3. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka = Language and the world of man*. Moscow: Yazyki russkoy kultury; 1998: 895 p.
4. Binovich L. E. *Nemetsko-russkiy frazeologicheskiy slovar = German-Russian phraseological dictionary*. Moscow: Akvarium; 1995: 768 p.
5. Borkhanova N. B., Makhmutova L. T. *Russko-tatarskiy frazeologicheskiy slovar = Russian-Tatar phraseological dictionary*. Kazan; 1959.
6. Kozhakhmetova Kh. K., Zhaysakova R. E., Kozhahmetova Sh. O. *Kazahsko-russkiy frazeologicheskiy slovar = Kazakh-Russian phraseological dictionary*. Almaty: Mektep; 1988.
7. Lakoff J., Johnson M. *Metaphors that we live by (Theory of metaphor)*. Moscow, 1990.
8. Maslova V. A. *Lingvokulturologiya = Linguoculturology*. 2nd ed. Moscow: Akademiya; 2004: 208 p.
9. Minskiy M. *Ostroumie i logika kognitivnogo i bessoznatel'nogo = Wit and logic of the cognitive and unconscious*. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike = New in foreign linguistics*. 1988;23:291–292.
10. *Tatarsko-russkiy i russko-tatarskiy slovni = Tatar-Russian and Russian-Tatar dictionaries*. URL: <https://tatpoisk.net/dict/tat2rus/%D0%BA%D2%AF%D2%A3%D0%B5%D0%BB>.

Информация об авторах

З. Р. Аглеева – доктор филологических наук, доцент;
И. А. Кудряшов – доктор филологических наук, профессор.

Information about authors

Z. R. Agleeva – Candidate of Philology, Professor;
I. A. Kudryashov – Candidate of Philology, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
 The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.08.2024; одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 01.08.2024; approved after reviewing 29.08.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 62–68.
Humanitarian Researches. 2024;3(91):62–68.

Научная статья
УДК 811.161.751

«УСАДЕБНЫЙ» МИФ КАК ТОЧКА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПАРАДИГМ¹

Елизавета Сергеевна Апалькова

Институт мировой литературы Российской академии наук, Москва, Россия,
liza_apalkova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0042-9494>

Аннотация. В рецензии рассматриваются основные положения монографии Г. А. Велигорского «Усадебный текст» и национальный культурный код: Русско-британские литературные связи XIX – начала XX века», в которой осмыслены, систематизированы и представлены решения проблем изучения русской и английской литературы XIX–XXI вв. в контексте «усадебного» мифа. Работа состоит из четырёх разделов, охватывающих широкий историко-культурный материал и позволяющих выявить типологические черты в двух литературных традициях. Основой анализа стала эстетическая категория «живописного», являющаяся одной из основных в английской картине мира и тесно связанная с архитектурой, ландшафтом, литературой. Главным воплощением этой категории становится усадьба, образ которой представлен значительным корпусом текстов от «августинской эпохи» до литературы постмодернизма. Отдельная часть посвящена истории жанра «живописного путешествия» – от впечатлений британских путешественников до восприятия образа березы в русской и английской литературе и культуре. Приведён ценный материал, иллюстрирующий особенность перевода таких понятий, как “farm” и «хутор», “grange” и «мыза», “estate” и «имение» и т. д., высвечены неочевидные коннотации. Большое внимание уделено «волшебной» усадьбе в детской литературе, показаны вариации сюжетов (усадебный дом как друг ребёнка, пиратский корабль, остров Робинзона Крузо; мотив побега, перемещения между пространствами и др.). В монографии на примере анализа художественных и публицистических произведений проведено глубокое и убедительное компаративное исследование «усадебного топоса» как одного из важнейших элементов национального культурного кода Англии и России.

Ключевые слова: монография, миф, усадебный текст, пространство, культурный код, эстетика, компаративистика

Для цитирования: Апалькова Е. С. «Усадебный» миф как точка пересечения культурных парадигм // Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 62–68.

Original article

THE “ESTATE” MYTH AS A POINT OF INTERSECTION OF CULTURAL PARADIGMS

Elizaveta S. Apalkova

Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
liza_apalkova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0042-9494>

Abstract. The article examines the main provisions of the monograph by G.A. Veligorsky “The Estate Text” and the National Cultural Code: Russian-British Literary Connections of the 19th – Early 20th Centuries, which comprehends, systematizes and presents solutions to the problems of studying Russian and English literature of the 19th –

© Апалькова Е. С., 2024

¹ Рецензия на монографию: Велигорский Г. А. «Усадебный текст» и национальный культурный код. Русско-британские литературные связи XIX – начала XX века. Москва: ИМЛИ РАН, 2022. (Русская усадьба в мировом контексте; вып. 7).

21st centuries in the context of the “estate” myth. The work consists of four sections, covering a wide historical and cultural material and allowing to identify typological features in two literary traditions. The basis of the analysis was the aesthetic category of the “picturesque”, which is one of the main ones in the English picture of the world and is closely connected with architecture, landscape, literature. The main embodiment of this category is the estate, the image of which is presented by a significant corpus of texts from the “Augustinian era” to the literature of postmodernism. A separate part is devoted to the history of the genre of “picturesque travel” – from the impressions of British travelers to the perception of the image of a birch in Russian and English literature and culture. Valuable material is provided illustrating the features of the translation of such concepts as “farm” and “*khutor*”, “grange” and “*myza*”, “estate” and “*imeniye*”, etc., and non-obvious connotations are highlighted. Much attention is paid to the “fairy” estate in children’s literature, variations of plots are shown (the estate house as a child’s friend, a pirate ship, a Robinson Crusoe’s island; the motif of escape, movement between spaces, etc.). The monograph provides a deep and convincing comparative study of the “estate topos” as one of the most important elements of the national cultural code of England and Russia using the example of the analysis of fiction and journalistic works.

Keywords: monograph, myth, estate text, space, cultural code, aesthetics, comparative studies

For citation: Apalkova E. S. The “Estate” Myth as a Point of Intersection of Cultural Paradigms. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;3(91):62–68 (In Russ.).

В новой монографии Г. А. Велигорского, вышедшей в серии «Русская усадьба в мировом контексте», в рамках работы по проекту Российского научного фонда № 22-18-00051 «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» [5], «усадебный тоpos» рассматривается как один из ключевых элементов национального культурного кода Англии и России в контексте социально-исторических процессов. Работа представляет собой не только интересную, но и актуальную проблему взаимодействия разных культур и традиций, что определяет её компаративистскую направленность. В современных исследованиях всё чаще используется понятие «культурный код», рассматривается феномен национальных особенностей, мировоззрений, что открывает новые горизонты понимания чужой культуры, а через неё – и своей собственной.

На примере анализа двух выдающихся литературных традиций – английской и русской – показана не только их специфика во взаимодействии, но и художественные возможности «усадебного» текста, порождающего культурные концепты. Сопоставительный анализ двух культур, которые, казалось бы, развивались на разной исторической почве, обнаруживают удивительное типологическое сходство. В работе используется понятие «живописное», включающее в себя весь мир с его уникальными составляющими: природой, реками, домами, парками и др. Оно положено в основу анализа художественных текстов и наряду с «прекрасным» и «возвышенным» ещё в XVIII в. сформировало триаду, ставшую фундаментом британской культуры. Таким образом, «живописное» – это эстетическая категория (близкая понятию «мифа» А. Ф. Лосева или «пейзажа» П. П. Муратова), являющаяся одной из основных в английской картине мира и тесно связанная с архитектурой, ландшафтом, художественным словом.

Концепция исследования изложена во введении «Культурный код и “усадебный тоpos”: литературная усадьба как поле межнационального общения». Автор привлекает широкий контекст, начиная от XVIII в. до творчества В. Ерофеева, В. Сорокина и мн. др., рассматривает такие разновидности топоса, как дом, усадьба, дача. Последняя является спецификой русского дискурса (в частности, это иллюстрирует творчество А. Н. Варламова, Е. Г. Водолазкина, Саши Соколова).

В первой части большое внимание уделяется истории понятия «живописное» в английской и русской эстетике, культуре и литературе,

что представляет собой не только глубокое осмысление значительного круга публицистических и художественных работ, но и увлекательное литературоведческое повествование. Своё начало категория «живописного» берёт в «августинской эпохе» и «выступает связующей нитью между различными видами искусства» [5, с. 34]. В этой части представлен богатый этимологический материал, который показывает историю бытования этого слова в английской (Дж. Кэррилл, А. Поуп, Ф. Реди, Дж. Реди и др.) и русской (В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, М. Н. Муравьев и др.) культурах на протяжении XVI–XXI вв. Переломным моментом в истории усадебно-парковой культуры Англии стал XVIII в. Тщательно изученный и подробно изложенный автором материал убеждает в том, что «живописное» – уникальный и самостоятельный концепт, отличный от «прекрасного» близостью к естественному. Впечатляет подбор цитат с использованием этого слова в текстах разных времён. Более того, отметим, что это позволяет автору монографии не только познакомить читателей с большим количеством имён, но и под новым, порой неожиданным ракурсом, взглянуть на классические произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и др. Особого внимания заслуживает анализ коренного изменения трактовки «живописного» русскими символистами. Так, Вл. С. Соловьёв видит в нём софийное начало, А. Белый – гносеологическое; движением от эстетики к мистико-онтологической интерпретации отмечены высказывания М. Волошина, К. Бальмонта и др. Это даёт богатую почву для размышлений и дальнейших исследований. Не менее любопытны обращения к современной литературе, в частности рассмотрение мифа о доме и бездомности, антитезы усадьбы и коммунальной квартиры. Отдельная глава посвящена образу речной усадьбы, в связи с чем приводится интересный исторический материал о таком локусе, как Хадвик-Хаус на реке Темзе. Немалую роль в художественном развитии «живописного» сыграли литературные путешествия и путеводители (С. Айленд, А. С. Некрасов и др.). На наш взгляд, украшением первой части является заключительная глава, в которой утверждается положение о продуктивности «романа об усадьбе» в постмодернизме. Выделяются разные варианты от развития традиции до пародии на примере произведений Дж. Барнса «Англия, Англия», С. Фрай «Гиппопотам», М. П. Шишкина «Письмовник», В. П. Волк-Караческого «Пелевин и пустота» и даже кинофильма Г. Ричи «Джентльмены», что одновременно является изюминкой исследования в этом ряду и выявляет интереснейшие черты современного бытования «усадебного мифа».

Продолжая разговор и возвращаясь к размышлениям о связи усадьбы и «живописного» путешествия, автор монографии во второй части приводит историю развития жанра травелога, опираясь на тезисы об особенностях «живописной» красоты из работ У. Гилпина «Три эссе», «Эссе о живописном путешествии» и др. Его идеи предвосхитили будущее осмысление этой темы Н. Готорном, Г. Д. Торо, Р. У. Эмерсоном. Гилпин писал о необходимости остранения (взгляда со стороны на знакомое место как на что-то необычайное), об останках старины, «фигурах» (людях) в пейзаже, трансцендентном опыте (восхищение увиденным), изображении крестьянского труда и т. д. Выделяются прагматические, онтологические, духовные, экзистенциальные разновидности жанра. Пейзаж как серия «живописных» картин связывается с традицией экфрасиса, что расширяет тематику исследования, включая в неё и факт синтеза искусств. Автор даёт исторический экскурс, пишет о роли археологических открытий, повлиявших на формирование «живописного» путешествия XIX–XX вв., его развитие прослеживается от романтизма (в частности, творчества У. Вордсворта) до фантастической подростковой литературы 1970–2010-х гг. Значительная часть посвящена истории формирования мифа о России в английском сознании. Иностранных путешественников привлекали небольшие русские усадьбы, а также русская деревня

(Л. Ричи, Б. Бремнер, Р. Л. Венаблз, Д. Маккензи-Уоллс и др.). Её образ складывался из следующих деталей: мельницы, скворечники, плетень, качели и др. Ранним образцом «живописного» путешествия по России стала «Поездка в Польшу, Россию, Швецию и Данию» У. Кокса. Англичане выделяют определённые локусы, близкие их родным пейзажам: подножие Уральских гор, регионы Сибири, низовья Волги и др. Отмечено восприятие Москвы как живописного и причудливого города, а Петербурга – как слишком регулярного и правильного; образ России купеческой (базары, ярмарки), духовной (монахи, старцы, юродивые). Итак, формируется миф о России, включающий два аспекта: неживописное, бескрайнее пространство и живописные русские обычаи. Представляется интересным тезис о том, что образ «живописной» берёзы характерен и для русской, и для английской культуры, при этом он сохраняет связь с усадебным мифом. Дерево выступает неотъемлемой частью усадебного мира, имея значения смерти, тоски, надежды на лучшее и др. Для русского читателя знаком и во многом стереотипен тот факт, что берёза – часть русского мира. Однако автор приводит богатый материал, связанный с образом берёзы в английской культуре. В русской картине мира традиция сакрально-ностальгического образа родины идёт от А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, а также Е. А. Боратынского, Н. П. Шереметьева и др. В 1910-е гг. на первый план выходит образ берёзы как символа уходящей жизни в творчестве А. А. Ахматовой, И. Ф. Анненского, В. В. Хлебникова, гибель страны связывается со срубленной берёзой у Саши Чёрного, С. С. Бехтеева и др. Важное место занимает мифопоэтический образ родины у С. А. Есенина, начиная со стихотворения «Белая берёза под моим окном...» до поэмы «Анна Снегина». Кроме того, берёза встречается у Б. Л. Пастернака, И. А. Бунина, А. Т. Твардовского, Н. Рубцова, В. В. Набокова и др. Весьма ценен в этом контексте анализ изображения берёзы в английской традиции, в которой она имеет свои коннотации. Это находит отражение в творчестве Дж. Чосера, А. Поупа, поэтов-романтиков Р. Саути, Дж. Китса, С. Т. Колриджа и др. Рецепция образа основана на английской или шотландской берёзе. Говоря о восприятии в английской культуре образа русской берёзы, стоит отметить её связь в сознании англичан с загадкой русской души. Приведены работы А. де Кюстина, Дж. Р. Морелла и др. Очень интересно замечание Р. Л. Венаблса из «Бытовых сцен в России», где он критически отмечает неумелое использование берёз в английских парках, и параллель с описанием маниловского дома на юру у Н. В. Гоголя.

В третьей части внимание исследователя сосредоточено на ключевых понятиях – терминах, связанных с усадебным топосом английской литературы. Автор прослеживает этимологию, историю развития в английском языке и использование в диахроническом контексте таких понятий, как “grange”, “farm”, “farmstead” на обширном историко-литературном материале, показывая сходства и различия между ними и их соотношение, отмечая смысловые оттенки. Одной из индивидуальных особенностей понятия “grange” является его прочная связь с эстетической категорией «живописное», которая сохраняется и в наши дни. Культурно-лингвистическая работа автора имеет несомненное значение для переводчиков как англо-, так и русскоязычной литературы. Далее автор углубляется в изучение таких важных для английской усадебной культуры понятий, как “estate”, “mansion”, “manor”, а также анализирует русские лексемы «усадьба», «поместье», «имение» (О топонимах в контексте усадебного тезауруса см. [4]). Весьма ценным представляется рассмотрение использования этих слов в разных контекстах и тенденции их перевода, что позволяет почувствовать тонкость их употребления, выявить оттенки смыслов. Ещё одним сюжетом в этом разделе стал анализ такого литературного типажа, как клерк, появившегося в связи с развитием “clerk literature” в конце XIX в. Именно в литературе клерков особенно отчётливо проявляется противопоставление идеального пространства («рая») демоническому пространству

города («аду»). Интересно наблюдение над такими понятиями, как «загородный дом» (в английском), «дача» (в русском языке). Исследователь приходит к выводу, что в английской литературе существует пространство, намного тесней сближающееся с русской дачей, чем “out-of-town house”, и этим пространством оказывается английская река и её берег – место проведения загородных пикников, живущих по своим собственным законам (равно как и русская дача конца XIX – начала XX в.) и ставших особым стилем жизни, а не просто местом жительства как таковым.

В четвертой части, посвящённой анализу детской литературы, часто остающейся на периферии в работах исследователей, глубоко осмыслены аспекты волшебного «усадебного» текста XIX–XXI вв. Несомненной ценностью работы является введение в русскоязычный научный и читательский оборот малоизвестных текстов зарубежных писателей. Обстоятельный анализ романов «Воспоминания старушки из дома напротив» Дж. Х. Юинг, оказавшего существенное влияние на литературу последующих эпох и впервые открывающий образ «усады-мечты» [2], или «Говардз-Энд» Э. М. Фостера, убедительный анализ которого включает и христианские мотивы, и систему противопоставленных домов, и демонизацию образа Лондона как антитезы особняку миссис Уилконс, и мн. др. Большой интерес вызывают страницы монографии, на которых представлены антропоморфные детали дома с бьющимся сердцем, пульсом, дыханием и т. д. В этот ряд, на наш взгляд, вписывается с рассказ А. С. Грина «Крысолов» с образом Банка как «живого» организма. Г. А. Велигорский справедливо отмечает: источник подобных сюжетов – английская литература рубежа XIX–XX вв. с таинственными, мистическими и даже жуткими мотивами, историями о призраках в духе Э. А. По, О. Уайлда и др. Однако, как убедительно доказывается в исследовании, в дальнейшем «дом» не только становитсяместилищем памяти, приобретая сакральное значение, но и вбирает телесные и даже индивидуальные черты. Отметим неочевидные параллели, обнаруживающие литературоведческую чуткость и широкий исследовательский кругозор (аллюзии на стихи И. И. Козлова, прозу И. А. Бунина в творчестве В. Вулф), привлечение фактического материала (например, история бытования сюжета о Робинзоне Крузо, его литературные интерпретации, театральные постановки, детские игровые вариации), а также воспоминания А. П. Ленского, Т. А. Луговской, Н. К. Крупской, А. М. Достоевского и др. [3]. Подробное изучение этого материала приводит к выводу о том, что усадьба, её части, комнаты и др. – всё это может выполнять роль острова, что подтверждается текстами Р. Джеффриса, Дж. Тейлора, Н. Сибириакова, Л. Н. Толстого и др. В английской и русской культуре этот «вечный» сюжет прошёл несколько этапов, которые можно выразить в схеме «книга – игра – театр – творчество». История театрализации и игры подтверждается мыслями М. А. Волошина из работы «Театр как сновидение», что выявляет некие культурные универсалии. Зачастую в произведениях детской литературы сюжетобразующим является мотив побега. Дихотомия «город – деревня / усадьба» представлена в восприятии деревни как дружественного локуса, символа свободы, это своеобразная счастливая Аркадия. Традиция детской «сентиментальной» литературы показывает особое восприятие ребёнком окружающего мира. Сюжетные ходы проанализированы на материале произведений Р. Л. Стивенсона, Р. Джеффриса, К. Грэма, Б. Поттера, А. Дюма, С. Т. Аксакова, Л. Н. Толстого, Л. Н. Андреева, И. А. Бунина и др. (об образе России в британской детской литературе – см. [1]). Важную роль играет новый тип персонажа – непослушный ребёнок; пространство представлено детской комнатой (выступающей как тюрьма в случае наказания или болезни), усадебным домом и усадьбой. Ребёнок, оказавшийся на пересечении двух пространств, перемещается из одного в другое (что, несомненно, представляет интерес в связи с анализом иных произведений, относящихся в т. ч. к магической прозе, например романа

«Дом, в котором...» М. Петросян). Заточение пробуждает творческое начало, фантазию, игровую деятельность и т. д. Любопытно сопоставление концепта границы, обозначающей запретный мир, в английской и русской традиции. В первом случае – это голубые холмы, пейзаж Беркшира («Ветер в ивах» К. Грэма), во втором — синий лес («Детство» Л. Н. Толстого).

В монографии осмыслены, систематизированы и представлены решения проблем изучения русской и зарубежной литературы XX и XXI вв. в контексте «усадебного» топоса, и даже шире – мифа – как мировоззренческой категории (вспомним труды А. Ф. Лосева «Диалектика мифа», Е. М. Мелетинского «Поэтика мифа» и др.). Научную основу исследования определили труды Д. С. Лихачёва, М. Н. Соколова, Б. М. Соколова, Г. И. Ревзина, Е. В. Халтурин-Халтуриной, а также многих зарубежных учёных, что подтверждает достоверность и обоснованность выводов.

Хочется подчеркнуть, что, являясь литературоведческой по своей сути, работа в некоторых аспектах расширяет свой диапазон и приобретает междисциплинарный характер, обращаясь к сферам культуры, философии, истории, специфике перевода, поэтому представляет интерес не только для теоретиков и историков литературы. Каждый раздел монографии завершается краткими выводами, что придаёт ей структурированность и логичность. Текст работы сопровождают иллюстрации, которые дают возможность читателям «погрузиться» в усадебное (в широком смысле) пространство. Труд наводит на мысли о столь значимой теме, как память культуры, которой посвящено Письмо 41 «Память культуры» Д. С. Лихачёва. Особенно актуальна эта тема становится на рубеже XIX–XX вв. Здесь вспоминаются работы О. Мандельштама «Слово и культура», П. Муратова «Искусство и народ», А. Белого «Проблемы культуры» и др. Было бы интересно и, на наш взгляд, плодотворно, проследить развитие локусов «усадьба – дом – дача – квартира» в русской литературе XIX–XXI вв. Судьба дома зачастую связывается с историей семьи, рода и даже страны, что находит отражение и в современной русской прозе (В. Богданова «Сезон отравленных плодов», Н. Абгарян «С неба упали три яблока», А. Н. Варламов «Одсун», Саши Николаенко «Муравьиный бог» и др.).

Итак, в монографии дан обширный культурно-исторический материал, охватывающий несколько столетий английской и русской литературы. Весь материал тщательно проанализирован с точки зрения категории «живописного» и усадебного мифа. Рецензируемая книга – целостный научный труд, объединённый общей концепцией и методом анализа.

Список источников

1. Велигорский Г. А. Варварская страна или полицейское царство: негативный образ России в детской литературе Великобритании конца XIX – начала XX века / Г. А. Велигорский // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – Т. 26, № 4. – С. 155–160.
2. Велигорский Г. А. Греза о России: образ идеальной усадьбы «Река-Дом» в романе Джулианы Хорейши Юинг «Воспоминания старушки из дома напротив»: генезис, поэтика, рецепция / Г. А. Велигорский // Вестник Костромского государственного университета. – 2022. – Т. 28, № 2. – С. 185–192.
3. Велигорский Г. А. «Тропинкой тесной и глухой / Между диваном и стеной»: «Игра в Робинзона Крузо» и её пространство (река, лес, усадебный дом) в детской литературе и воспоминаниях (русско-английский контекст) / Г. А. Велигорский // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – Т. 25, № 4. – С. 75–82.
4. Велигорский Г. А. Топонимический элемент “-end” в англоязычном «усадебном» тезаурусе: семантика и функция (англо-русский контекст) / Г. А. Велигорский // Вестник Костромского государственного университета. – 2023. – Т. 29, № 3. – С. 113–121.
5. Велигорский Г. А. «Усадебный текст» и национальный культурный код. Русско-британские литературные связи XIX – начала XX века / Г. А. Велигорский. – Москва : ИМЛИ РАН, 2022. – 379 с. – (Русская усадьба в мировом контексте; Вып. 7).

References

1. Veligorskiy G. A. A Barbaric Country or a Police Kingdom: A Negative Image of Russia in the Children's Literature of Great Britain of The Late 19th – The Early 20th Century. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Kostroma State University*. 2020;26(4):155–160.
2. Veligorskii G. A. Dreaming about Russia: The Image of the Ideal Estate "Reka Dom" (House By The River) in Juliana Horatia Ewing's Novel "Mrs. Overtheway's Remembrances": Genesis, Poetics, Reception. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Kostroma State University*. 2022;28(2):185–192.
3. Veligorskiy G. A. "And Follow Round the Forest Track / Away Behind the Sofa Back": The "Robinson Crusoe" Game and Its Space (River, Forest, Estate House) in Children's Literature and Memories (Russian-English Context). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Kostroma State University*. 2019;25(4):75–82.
4. Veligorskii G. A. The Toponymic Element "-End" in the English-Language "Estate" Thesaurus: Semantics and Function (English-Russian Context). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Kostroma State University*. 2023;29(3):113–121.
5. Veligorskii G. A. "Usadebnyy tekst" i natsionalnyy kulturnyy kod. *Russko-britanskii literaturnye svyazi XIX – nachala XX veka = The "Estate Text" and the National Cultural Code: Russian-British Literary Relations of the 19th – Early 21st Century*. Moscow: IWL RAS; 2022: 379 p.

Информация об авторе

Е. С. Апалькова – кандидат филологических наук.

Information about the author

E. S. Apalkova – Candidate of Philology.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.07.2024; одобрена после рецензирования 09.08.2024; принята к публикации 12.08.2024.

The article was submitted 03.07.2024; approved after reviewing 09.08.2024; accepted for publication 12.08.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 69–74.
Humanitarian Researches. 2024;3(91):69–74.

Научная статья
УДК 821.111

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО РОМАНА-АНТИУТОПИИ

**Екатерина Евгеньевна Белова^{1✉}, Мария Владимировна Архипова²,
Ольга Юрьевна Буйнова³**

^{1, 2}Нижегородский государственный педагогический университет имени
К. Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Россия

³Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

¹belova_katerina@inbox.ru✉, ORCID: 0000-0002-7779-3673

²arhipovnn@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6775-1413

³buinova@bk.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено изучению жанровых особенностей англоязычного романа-антиутопии. Практическая значимость работы состоит в анализе и иллюстративности жанровых особенностей романа-антиутопии. Материалом исследования служит роман А. Рэнд «Атлант расправил плечи», в котором автор осудила преданность США коммунизму и прославила их прошлое как время подлинного капитализма. Сюжет романа вращается вокруг тайной забастовки самых влиятельных людей страны, эффективных производителей против правительства, которое диктует иррациональные законы, грабит их посредством налогов. Хотя в романе не изображён мир, опустошённый катастрофическим событием, он изображает общество в моральном и экономическом упадке, напоминающее постапокалиптический пейзаж с точки зрения его запустения и отчаяния. Творчество А. Рэнд более естественно распространяется на воссоздание картины славного прошлого Америки, поскольку оно соответствует главной идеологии американского массового сознания – мифу индивидуализма. Роман Айн Рэнд представляет вымышленный мир – Соединённые Штаты Америки образца середины XX века, где идеи и политические системы представлены в утопическом и антиутопическом свете. Теоретическая значимость исследования заключается во множестве разных факторов: в обогащении литературоведческих исследований, анализе современных литературных тенденций, в предложении методологического аппарата для анализа жанрово-стилистических особенностей, в потенциальной пользе исследования для смежных дисциплин, таких как культурология, социология, политология.

Ключевые слова: роман-антиутопия, «Атлант расправил плечи», Айн Рэнд, жанровые особенности, проблемы общества

Для цитирования: Белова Е. Е., Архипова М. В., Буйнова О. Ю. Жанровые особенности англоязычного романа-антиутопии // Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 69–74.

Original article

GENRE FEATURES OF AN ENGLISH-LANGUAGE DYSTOPIAN NOVEL

Ekaterina E. Belova^{1✉}, Maria V. Arkhipova², Olga Yu. Buinova³

^{1,2}Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russia

³Udmurt State University, Izhevsk, Russia

¹belova_katerina@inbox.ru✉, ORCID: 0000-0002-7779-3673

²arhipovnn@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6775-1413

³buinova@bk.ru

Abstract. The present study is devoted to the study of genre features of the English-language dystopian novel. The practical significance of the work consists in the analysis and illustrativeness of the genre features of the dystopian novel. The research material is

A. Rand's novel "Atlas Shrugged", in which the author condemned the devotion of the US country to communism and glorified its past as a time of genuine capitalism. The plot of the novel revolves around a secret strike of the most influential people in the country, effective producers against the government, which dictates its irrational laws to them, robs them through taxes. Although the novel does not depict a world devastated by a catastrophic event, it depicts a society in moral and economic decline, resembling a post-apocalyptic landscape in terms of its desolation and despair. A. Rand's myth-making extends even more naturally to recreating the picture of America's glorious past, since it corresponds to the main ideologeme of American mass consciousness – the myth of individualism. Ayn Rand's novel presents a fictional world – the United States of America of the mid-twentieth century, where ideas and political systems are presented in a utopian and dystopian light. The theoretical significance of the research lies in a variety of different factors: in enriching literary studies, analyzing modern literary trends, and offering a methodological apparatus for analyzing genre and stylistic features in the potential benefits of research for related disciplines such as cultural studies, sociology, and political science.

Keywords: a dystopian novel, "Atlas shrugged", Ayn Rand, genre features, problems of society

For citation: Belova E. E., Arkhipova M. V., Buinova O. Yu. Genre features of an English-language dystopian novel. *Gumanitarnyye issledovaniya* = *Humanitarian Researches*. 2024;3(91):69–74 (In Russ.).

Настоящее исследование посвящено анализу особенностей и жанрового многообразия англоязычного романа-антиутопии. Материалом настоящего исследования является впервые опубликованный в 1957 году роман-антиутопия «Атлант расправил плечи» русско-американской писательницы и философа Айн Рэнд, вдохновляемой идеями философии объективизма и индивидуализма.

Произведение рассказывает историю нескольких выдающихся людей дела, которые преследуют свои цели, отталкиваясь от своих мотиваций. Утверждается, что в мире есть несколько действительно одарённых творцов, которые, управляемые своей волей и разумом, могут создать великое, способное изменить мир. Таким людям противостоят люди антагонистичной философии – лутеры, люди, готовые на всё, чтобы не производить, но присвоить, забрать, украсть, лишить права.

Дэнни Тэггарт и Хэнк Рирдэн объединяются на почве изменяющихся условий ведения бизнеса, дабы, сплотившись, сохранить свои идеи и наследие. Столкнувшись с осознанием того, что привычная жизнь перестанет идти своим чередом, того, что их государством будет управлять новое собрание, они решают не бежать, чтобы сохранить имеющееся, а сражаться в битве, исход которой предопределён. Герои терпят поражение, но это не заставляет их терять надежду. Впоследствии появляется человек, великий изобретатель Джон Голт, сотворивший вечный двигатель и построивший «Рай на Земле». Он предлагает героям уйти из традиционного государства с целью построения нового, такого, в котором каждый человек получит то, что он заслуживает, исходя из правил свободного рынка. Герои соглашаются лишь тогда, когда не остаётся никакого выбора.

Как считает К. Н. Мирасова [4], мифотворчество А. Рэнд – одна из манифестаций массовой литературы, что обуславливает рассмотрение её романа «Атлант расправил плечи» в этом ключе. Использование технологий масслиты (*technologies of mass literature*) [2; 3] позволяет А. Рэнд достичь своей цели – донести свою идеологию до массового читателя. В этом произведении автор отражает свою оценку положения дел в США по её прибытии из Советской России.

Приехав в США, А. Рэнд обнаружила, что Америка отличается от той, которую она себе представляла. К её разочарованию, США не были оплотом капитализма, который она себе представляла. После Великой депрессии в 1930-х годах президент Ф. Д. Рузвельт ввёл экономическую политику,

направленную на стимулирование слабеющей экономики. Многие из этих экономических политик были похожи на те, свидетелем которых она стала в послереволюционной России, и всё это заставило А. Рэнд пойти на добровольный путь – предупредить страну об опасностях коммунизма.

А. Хеллер в биографии Айн Рэнд пишет, что в 1932 году А. Рэнд по наивности отдала свой первый голос как американская гражданка за Ф. Д. Рузвельта, но вскоре после его выборов она начала решительно осуждать его экономическую политику, известную как «Новый курс» [8, с. 324]. Программы Рузвельта были призваны помочь нации выйти из депрессии путём введения значительного государственного регулирования в экономику. Для А. Рэнд это означало тоталитаризм, от которого она страдала в своей жизни в России.

Данному роману присущи характерные черты романа-антиутопии.

Автор критикует современное общество, используя антиутопический мир для выражения своих мыслей о проблемах современного общества, таких как коррупция, бюрократия, утрата человеческих ценностей и идеалов.

Один из основных тезисов А. Рэнд заключается в том, что человек способен смириться с «санкцией жертвы». В романе многие персонажи сталкиваются с подобным выбором, моральной дилеммой. Хэнк Рирден сталкивается с давлением как со стороны правительственных, так и общественных сил, заставляя его соответствовать установленным нормам и отказаться от контроля над своим инновационным металлом. Несмотря на потенциальную пользу для общества, Рирден сталкивается с реальностью: его творение может быть использовано в гнусных целях, символизируя борьбу между индивидуальными амбициями и социальной ответственностью.

От промышленного магната Франсиско д'Анкони до загадочного Джона Галта, каждый персонаж представляет собой уникальный взгляд на последствия беспрепятственного зла и на важность индивидуальной автономии и моральной свободы действий.

The hardest thing to explain is the glaringly evident which everybody had decided not to see (часть 1, глава 6). Добродетель незнания. Весь план коллективистов, которые, движимые силой без явного лидера, пытаются строить их государство на обмане, присвоении, жёсткости и прочих авторитарных инструментах, рушится, как только они начинают сталкиваться с теми проблемами, на которые они решили закрыть глаза. Человек не может процветать, не прилагая усилий своего разума, не производя, а только потребляя, ровно как не может процветать общество, государство и всё человечество.

The man who speaks to you of sacrifice, speaks of slaves and masters. And intends to be the master; Bureaucracy is a giant mechanism set up to make you a slave to a system ruled by unreasoning rules. (часть 1, глава 7). А. Рэнд указывает на способность человека прибегнуть к игре по правилам бюрократии, дабы просто остаться в игре. На самом же деле данный механизм создан для того, чтобы поработить и заставить действовать по своим законам. Это важно для честных людей – соблюдать правила, но иногда те, кто пишут правила, делают это так, чтобы у соблюдающего их не осталось ни одного шанса доказать, отстоять свою точку зрения или же отречься от взаимодействия с системой.

В романе представлены сложные персонажи, глубоко проработанные, с разнообразными мотивациями и характерами [6], что делает их более реалистичными и интересными для читателя. Одним из сложных персонажей является Хэнк Рирден – типичный бизнесмен, который сталкивается с моральными дилеммами и внутренними конфликтами.

Дэнни Тэгарт представляет собой сильную и независимую женщину, которая борется за свои убеждения и идеалы. Репрезентация силы и независимости происходит с помощью лексем *resolved, harsh voice, swiftness, conscious answer*, и др. Будучи на заседании о принятии законов, определяющих дальнейшую

жизнь целого государства, Дэнни осознаёт, находясь среди мужчин-предпринимателей, что это может привести к краху цивилизации на территории данной страны. Вместо молчаливого принятия, она выражает своё мнение и не стыдится того, что её мнение не совпадает с мнением большинства.

В тексте романа много философских размышлений, различных философских идей и мыслей об устройстве мира, роли человека в обществе и значении свободы. А. Рэнд указывает на ценность человеческой жизни и принятия решений. Она утверждает, что люди должны принимать решения, и, что решение не есть то же самое, что и безучастие. По её словам, есть правильные и неправильные решения, но те, кто остаются безучастными, безусловно совершают зло.

Мир, описанный в романе, представляет собой постапокалиптическую картину, где цивилизация на грани уничтожения, и это создаёт атмосферу таинственности и опасности. А. Г. Некита, С. А. Маленко и Е. П. Суслова [5] сходятся во мнении, что постапокалиптика повествует о жизни остатков цивилизации после некой глобальной катастрофы. В романе нет постапокалиптического сеттинга в общепринятом понимании. Вместо этого он происходит в антиутопическом будущем, где общество находится на грани краха из-за злоупотреблений правительства, коррупции и подавления индивидуальных достижений.

На протяжении всего романа различные главы и части иллюстрируют постепенный упадок цивилизации и разрушение социального порядка. Один из таких примеров можно найти в части 1, главе 8, где персонаж Эллис Ятт поджигает свои нефтяные месторождения в знак протеста против государственного вмешательства и регулирования. Этот символический жест представляет собой разрушение производительных сил и крах некогда процветающей нефтяной промышленности, сигнализируя о распаде социальной ткани.

По мере развития повествования тема общественного коллапса становится всё более явной: такие персонажи, как Хэнк Рирден и Дэнни Таггарт, борются с последствиями широко распространённой коррупции и морального разложения. В части 3, главе 7 крах *Таггарт Трансконтинентал*, железнодорожной компании, центральной для сюжета романа, служит острым напоминанием о системных неудачах, от которых страдает вымышленный мир «Атланта»: «Атлант расправил плечи» эффективно отражает суть мира, находящегося в упадке, характеризующегося моральным банкротством, экономическими потрясениями и эрозией индивидуальной свободы.

Данный роман, пусть и не является самым известным романом-антиутопией в мире, занимает одно из самых значимых мест среди других представителей жанра. А. Рэнд, будучи выдающейся писательницей с рождения, посвятила свою жизнь работе по оттачиванию мастерства пера, и, написав немало выдающихся художественных произведений, с гордо поднятой головой, ставит во главу угла именно «Атланта», являющегося её четвёртым и самым длинным романом. Роман содержит элементы научной и социальной фантастики, детектива, производственного и любовного романа.

Роман-антиутопия Айн Рэнд описывает идеи личной свободы. Автор обращает внимание на идеи индивидуализма и капитализма, а также утопическую общину, где эти идеи реализованы: *The concept of free enterprise has no meaning where it is not allowed to make a profit*.

В другом своём произведении А. Рэнд определяет капитализм следующим образом: капитализм – это социальная система, основанная на признании прав личности, включая права собственности, при которой вся собственность находится в частной собственности [9, с. 19].

Элементы детектива – это детективное повествование или вымысел, в центре которого находится преступление, а его раскрытие посредством расследования является основным сюжетом рассказа [7, с. 1]. Наличие

интеллектуальной задачи, поиска свидетельства и обоснований доказывают многие сцены из романа, связанные с неизвестностью: *"He looked at her for a moment, then he said it, as if answering her question, as if she had asked it: 'Who is John Galt?'"* (часть 1, глава 11) – главный из тех вопросов, что покрыт завесой тайны до самого конца.

Также в пользу того, что роман имеет детективные особенности, могут выступить сцены, связанные с исчезновением важных людей и событий: *"What is this? What kind of world is it? It needs a new kind of man, a man no one has ever been. You can't destroy a planet by law, you can't avoid a holocaust by planning. The planet is the world, man is free"* (часть 2, глава 3), – наличие риторических вопросов и оценочных суждений относительно планеты, человечества и их судеб, которые в контексте исчезновения Джон Галта, человека, способного изменить ход истории, подчёркивают возможность приобщения данного произведения к направлению детектива.

Производственный роман – это «жанр, в котором человек рассматривается прежде всего в свете его рабочих функций» [1, с. 246]. Роман А. Рэнд уделяет внимание производственному процессу, роли индивида в обществе и его вкладу в экономику.

Герои борются за свои идеи и свои предприятия, их решения и действия имеют прямое влияние на производство и результативность: *"The man who does not value himself, cannot value anything or anyone."* (часть 2, глава 10).

А. Рэнд указывает на ценность человека не только с гуманистической точки зрения, но ещё и с производственной: любой из ключевых положительных персонажей обладает выдающимися достижениями в сфере финансов и производства. *"The question isn't who is going to let me; it's who is going to stop me"* (часть 1, глава 5), – в этом выражении наглядно изображено, что производство индивида не зависит напрямую от его желания или способности, но современем оказывается, что в отсутствие тех, кто производит, те, кто останавливает производство, оказываются в ситуации, когда последние бесильны. Производство держится не на тех, кто отдаёт приказы, но формируется теми, кто производит.

Роман также включает элементы любовного романа, показывая сложные отношения между персонажами, их страсти, желания и разочарования.

Историческая и социальная ценность романа заключается в критике современного общества и идеологии, которая пронизывает всю книгу. Роман выражает авторское видение проблем современного американского общества, исследует их через реалистичные персонажи, а также через философские размышления. Это позволяет читателям задуматься над собственной жизнью и обществом в целом. Таким образом, роман можно рассматривать как социальную критику и как исторический документ, отражающий определённую эпоху и её проблемы.

Список источников

1. Андропова М. Д. Производственный роман сегодня (к вопросу о ресайклинге жанра) / М. Д. Андропова. – Санкт-Петербург: Русская Литература (журнал), 2023. – С. 245–256.
2. Дорофеева А. С. Когнитивно-прагматический подход в профессиональном лингвистическом образовании / А. С. Дорофеева // Вестник Мининского университета. – 2023. – Т. 11, № 4. – С. 4.
3. Латухина А. Л. Сквозные технологии как инструмент формирования социокультурной компетенции инофонов в процессе лингвострановедческой адаптации в пространстве «городского текста» / А. Л. Латухина, Ю. А. Маринина, Р. Савант // Вестник Мининского университета. – 2023. – Т. 11, № 4. – С. 7.
4. Мирасова К. Н. Nostalgia as a source of myth-making in Ayn Rand's novel "Atlas shrugged" / К. Н. Мирасова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nostalgia-as-a-source-of-myth-making-in-ayn-rand-s-novel-atlas-shrugged>.
5. Некита А. Г. Стратегии визуализации постапокалипсиса в современной массовой культуре / А. Г. Некита, С. А. Маленко, Е. П. Суслова. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-vizualizatsii-postapokalipsisa-v-sovremennoy-massovoy-kulture>.

6. Andrews S. *Atlas Shrugged: Ayn Rand's Most Famous Novel Explained* / S. Andrews. – URL: <https://www.thecollector.com/ayn-rand-atlas-shrugged-famous-novel-explained/> (дата обращения: 10.07.2024).

7. Bakshi B. The Glimpse of the Growth and the Development of the Detective Fiction: A Critical Discourse / B. Bakshi // *International journal of creative research thoughts*. – 2020. – Vol. 8 (2). – P. 2135–2142.

8. Heller A. *Ayn Rand and the World She Made* / A. Heller. – New York : Nan A. Talese, 2009. – 567 p.

9. Rand A. *Capitalism: the unknown ideal* / A. Rand. – New American Library, 1966. – 349 p.

References

1. Andronova M. D. *Proizvodstvennyy roman segodnya (k voprosu o resajklinge zhanra) = Production novel today (on the issue of genre recycling)*. St. Petersburg: Russkaya Literatura (zhurnal); 2023:245–256.

2. Dorofeeva A. S. Cognitive-pragmatic approach in professional linguistic education. *Vestnik Mininskogo universiteta = Bulletin of Minin University*. 2023;11(4):4.

3. Latuhina A. L., Marinina Yu. A., Savant R. Cross-cutting technologies as a tool for the formation of socio-cultural competence of foreign speakers in the process of linguistic and cultural adaptation in the space of the "urban text". *Vestnik Mininskogo universiteta = Bulletin of Minin University*. 2023;11(4):7.

4. Mirasova K. N. *Nostalgia as a source of myth-making in Ayn Rand's novel Atlas Shrugged*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nostalgia-as-a-source-of-myth-making-in-ayn-rand-s-novel-atlas-shrugged>.

5. Nekita A. G., Malenko S. A., Suslova E. P. *Strategii vizualizatsii postapokalipsisa v sovremennoy massovoy kulture = Strategies for visualizing post-apocalypse in modern mass culture*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-vizualizatsii-postapokalipsisa-v-sovremennoy-massovoy-kulture>.

6. Andrews S. *Atlas Shrugged: Ayn Rand's Most Famous Novel Explained*. URL: <https://www.thecollector.com/ayn-rand-atlas-shrugged-famous-novel-explained/> (accessed: 10.07.2024).

7. Bakshi B. The Glimpse of the Growth and the Development of the Detective Fiction: A Critical Discourse. *International journal of creative research thoughts*. 2020;8(2): 2135–2142.

8. Heller A. *Ayn Rand and the World She Made*. New York: Nan A. Talese; 2009: 567 p.

9. Rand A. *Capitalism: the unknown ideal*. New American Library; 1966: 349 p.

Информация об авторах

Е. Е. Белова – кандидат филологических наук;

М. В. Архипова – кандидат психологических наук;

О. Ю. Буйнова – кандидат филологических наук.

Information about the authors

E. E. Belova – Candidate of Philology;

M. V. Arkhipova – Candidate of Psychology;

O. Yu. Buinova – Candidate of Philology.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 12.07.2024.

The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 08.07.2024; accepted for publication 12.07.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 75–79.
Humanitarian Researches. 2024;3(91):75–79.

Научная статья
УДК 82

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОТРАЖЕНИЕ АВТОРСКОГО МИРОВИДЕНИЯ

Людмила Юрьевна Буянова^{1✉}, Ким Ин Гю², Янг Сун Ен³

^{1–3}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹Lub_prof@mail.ru✉

²kimkras@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу художественного текста, выступающего оязыковлённым фрагментом дискурса человеческой жизни, интерпретируемого как отражение в нём авторского мировосприятия и мировоззрения. Предметом исследования является пространство художественного текста как индивидуально-авторская картина мира, как вербальный элемент национальной культуры. Цель работы – презентация языковой объективации мировоззрения и мировидения автора художественного текста, представление уникальной личностной картины мира писателя, которую читатель реконструирует на основе интерпретационно-герменевтического осмысления. Основным методом выступает описательный метод синхронного анализа языка, также используются структурно-семантический, лексико-семантический и контекстуальный методы, методика дефиниционного анализа. Результаты исследования показывают, что в каждом художественном тексте происходит отражение не только мировидения и ментальности личности автора, но в целом и культуры, национального характера и образа жизни самого народа-носителя конкретной лингвокультуры и языка. Полученные знания дают возможность применять их как в теоретической, так и в практической работе в области теории художественного текста, в переводоведческой практике, в преподавательской работе в вузе. Основные выводы заключаются в том, что художественный текст представляет собой слепок авторского мировосприятия, в котором в образно-эмоциональной и оценочно-идентифицирующей форме отражаются национально-культурные, социальные, гуманистические, общечеловеческие, духовно-нравственные приоритеты писателя как уникальной языковой и социокультурной личности. При переводе с русского языка на корейский язык важно добиваться корреляции мировидения писателя и лингвиста-переводчика для достижения максимально адекватного текста.

Ключевые слова: художественный текст, авторское мировидение, индивидуально-авторское ментальное пространство, национальный характер, авторский дискурс, вербализация личности автора художественного текста, аксиологические основания русской национальной культуры

Для цитирования: Буянова Л. Ю., Ким Ин Гю, Янг Сун Ен. Художественный текст как отражение авторского мировидения // Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 75–79.

Original article

LITERARY TEXT AS A REFLECTION OF THE AUTHOR'S WORLDVIEW

Lyudmila Yu. Buyanova^{1✉}, Kim In Gyu², Young Sun Yong³

^{1–3}Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹Lub_prof@mail.ru✉

²kimkras@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of a literary text, which acts as a linguistic fragment of the discourse of human life, interpreted as a reflection in it of the author's worldview and worldview. The subject of the study is the space of a literary text as an individual author's picture of the world, as a verbal element of national culture. The purpose of the work is to present the linguistic objectification of the worldview and worldview

of the author of a literary text, to present the writer's unique personal picture of the world, which the reader reconstructs on the basis of interpretative and hermeneutical comprehension. The main method is the descriptive method of synchronous analysis of language; structural-semantic, lexical-semantic and contextual methods, and the methodology of definitional analysis are also used. The results of the study show that each literary text reflects not only the worldview and mentality of the author's personality, but in general the culture, national character and way of life of the people who bear a particular linguistic culture and language. The acquired knowledge makes it possible to apply it both in theoretical and practical work in the field of literary text theory, in translation practice, and in teaching work at a university. The main conclusions are that a literary text is a cast of the author's worldview, in which the national-cultural, social, humanistic, universal, spiritual and moral priorities of the writer as a unique linguistic and sociocultural personality are reflected in a figurative, emotional and evaluative-identifying form. When translating a literary text from Russian into Korean, it is important to achieve a correlation between the worldview of the writer and the linguist-translator to achieve the most adequate text.

Keywords: artistic text, author's worldview, individual author's mental space, national character, author's discourse, verbalization of the personality of the author of artistic text, axiological foundations of Russian national culture

For citation: Buyanova L. Yu., Kim In Gyu, Young Sun Yong. Literary text as a reflection of the author's worldview. *Gumanitarnyye issledovaniya* = *Humanitarian Researches*. 2024;3(91):75–79 (in Russ.).

Исследователи художественной коммуникации отмечают, что «в настоящее время текст является центральным объектом филологических исследований. Системно-динамические аспекты теории текста в современных социокультурных условиях способствуют поиску новых методов и принципов его анализа, выявлению специфического и общечеловеческого в текстах различной коммуникативной направленности» [6, с. 245]. По наблюдениям учёных, «художественный текст – это особое, глубоко личностное, индивидуально-авторское семантико-семиотическое пространство, в рамках которого с помощью различных номинаций лица представлен неповторимый номинационно-вербальный код творца текста, его личностно-субъективная оценка феномена Человека» [1, с. 3].

Под мировидением понимается особый тип общественного сознания, результатом которого выступает картина мира в сознании личности. Эта картина мира включает систему ценностей, способы восприятия мира, а также эмоциональное, оценочное и ценностное отношение к нему.

Особый интерес для корейского культурного пространства представляют художественные тексты таких русских писателей, как В. Г. Распутин и В. М. Шукшин. Их творческие картины русского мира 80-х годов XX века навсегда сохранили неповторимые черты и колорит жизни русской деревни, уникальные образы их жителей, красоту русской природы.

Создание неповторимой авторской картины мира в первую очередь обусловлено особенностями языкового сознания того или иного писателя и его креативно-языковыми возможностями, что отражает авторское мировидение и мироощущение, отношение к жизни и человеку. Общеизвестным положением выступает констатация того, что «наиболее существенной категорией художественного текста является образность» [3, с. 8]. Имена прилагательные – эпитеты создают образный контекст событий, формируют яркие, красочные образы персонажей, характеризуют их с разных сторон, воссоздают как бы зрительные образы природы. Именно система образов персонажей выступает главной функциональной частью художественного текста.

При исследовании художественного текста, написанного писателем-носителем иного языка, необходимо учитывать не только разнотекстность языков (например, русского и корейского), но и обусловленные национальной культурой и конфессией авторские определённые ментальные и мировоззренческие особенности. Восприятие жизни и человеческой судьбы, мировидение русских писателей В. М. Шукшина и В. Г. Распутина были

обусловлены характером русской культуры, отражающей главные ценности православия как основы становления и развития личности. Перевод произведений этих русских писателей на корейский язык начинается с установления в русском художественном тексте тех языковых феноменов, в которых закодированы основные национальные культурно-духовные приоритеты.

В корейском обществе, по признанию учёных, до сих пор сохраняются следующие традиционные элементы культуры: значимая роль родителей и родственников в жизни корейцев; желание работать в группе и сильное нежелание работать в одиночку; стремление быть частью какого-либо коллектива, сообщества, общества; готовность помочь; особое отношение к природе и другие. Несмотря на то, что глобализация и западная цивилизация оказали большое влияние на современную жизнь корейцев, в стране до настоящего времени пользуется уважением конфуцианская традиция, в соответствии с которой считается, что «общество, к которому я принадлежу, ценится намного выше, чем “я”». Таким образом, существуют весьма близкие точки культурного соприкосновения мировидения русских писателей и носителей корейской традиционной культуры. Это позволяет корейским лингвистам при переводе русских художественных текстов на корейский язык адекватно передавать различные смысловые нюансы, ментально-мировоззренческие и психологические особенности персонажей-крестьян, их внутреннего мира и отношения к жизни. Как считается в корейском переводоведении, ключевыми факторами, которые необходимо иметь в виду при оценке адекватности и качества переведённых художественных произведений, выступают точность и читабельность [4].

Исследователи подчёркивают, что в художественном тексте В. М. Шукшина реализуется задача воспроизведения именно *крестьянского сознания*, отличающегося, по мнению писателя, от сознания *городских* жителей. В соответствии с такой целеустановкой в художественном дискурсе писателя все разнотипные языковые средства выполняют функцию репрезентации народного крестьянского мира во всей его полноте и красочности. Например, в художественном тексте писателя используются прилагательные-колоризмы, создавая красочный мир природы и жизненного контекста, например: «А далеко-далеко, за **синим** лесом, заходило **огромное красное** солнце» [8]; имена прилагательные участвуют также в описании «вещного» пространства того или иного персонажа (его одежды, жилища, разных артефактов и др.); в описании поведения, чувств и намерений персонажа, природы, в описании абстрактных категорий-символов: «Жизнь – **горластая, весёлая** – катилась дальше» [8, с. 108]; «День был **тусклый, тёплый**» [2]. Исходя из анализа, отметим, что объективация конкретной функции имени прилагательного как авторского слова в художественном тексте В. М. Шукшина обусловливается интенцией автора и уникальностью его языкового сознания. Например, в функции авторских эпитетов имена прилагательные как бы одушевляют, оживляют различные элементы окружающего мира.

В повести В. Г. Распутина «Прощание с Матёрой» авторское описание сцены защиты кладбища, которое готовили к затоплению для того, чтобы построить водохранилище, состоит из высокой степени эмоциогенных и эмотивных языковых единиц: «*сиротливые, оголённые могилы, сведённые в одинаково немые холмики, на которые Дарья смотрела в горячечной муке, ... вновь подхлестнули её своим обезображенным видом. Не помня себя, Дарья бросилась опять с палкой на медведя, бывшего ближе, но он перехватил и выдернул палку. Дарья упала на колени. ... кто-то подхватил её, помогая встать на ноги, и Дарья увидела, что из деревни прибежал народ*» [7, с. 72]. Выбор именно такой экспрессивной лексики и «скоростной» синтаксис повествования отражает эмоциональное состояние самого писателя,

его личную боль, его сопричастность к тому горю, которое переживают жители деревни в эти моменты своей жизни.

Высокая степень эмотивности и эмоциогенности художественных текстов В. Г. Распутина представляет трудность при их переводе на корейский язык. Однако существуют некоторые позиции, позволяющие использовать такие переводческие приёмы, которые обусловлены определёнными совпадениями языкового характера. Так, например, по наблюдениям корейских лингвистов, русский язык имеет относительно свободный порядок слов, и благодаря его структурным особенностям в дискурсе возможен пропуск элементов предложения (многоотчие), а также выведение и восстановление пропущенных элементов предложения через частицы и окончания. Корейский также является языком, который выражает падеж посредством частиц или окончаний, поэтому порядок слов относительно свободен, и в дискурсе часто могут возникать пропуски субъектов или объектов [9, с. 174]. При переводе механизм пропуска позволяет избегать повторения слов за счёт экономии языковых средств и упрощения синтаксической конструкции в лингвистическом плане. Главным для правильного отражения авторского мировидения художественного текста при работе с иностранными текстами остаётся способность лингвиста-переводчика к глубокому проникновению в языковую сферу текста и адекватному пониманию смысла и интенций писателя.

Результаты проведённого анализа показывают, что следует поддержать высказанную точку зрения: «Поскольку обязательным условием создания и существования художественной речи является **отражение в ней личного авторского мировосприятия**, роль ассоциативных словесных связей здесь резко возрастает, слово нагружается дополнительным смыслом, текст приобретает дополнительную семантическую и эмоциональную ёмкость. Одна из исключительных особенностей художественного текста как раз и заключается в способности нести дополнительную информацию без увеличения сообщения, только за счёт особой смысловой и эмоциональной нагрузки составляющих его единиц и их организации» [5, с. 24] (*выделено нами. – Л. Б., К. И. Г., Я. С. Е.*).

Список литературы

1. Буянова Л. Ю. Репрезентативный механизм номинации человека в пространстве художественного текста / Л. Ю. Буянова // Журналистика, мультимедиа: информационный и социокультурный потенциал. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2022. – С. 3–6.
2. Буянова Л. Ю. Имя прилагательное в художественном тексте В. М. Шукшина: функционально-прагматический аспект / Л. Ю. Буянова, Янг Сун Ен // Актуальные проблемы современной филологии: теория, практика, перспективы развития. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2023. – С. 188–191.
3. Дзукоев С. Ф. Языковая концептуализация аксиосферы персонажной речи / С. Ф. Дзукоев. – Краснодар, 2008. – 23 с.
4. Кан Дон Хи. Исследование аспектов пропуска и сокращения в русских и корейских художественных переводах: с точки зрения стиля письма и стратегии перевода / Кан Дон Хи // Переводоведение. – Сеул : Корейская ассоциация переводоведения, 2023. – Вып. 24 (1). – С. 253–278.
5. Кухаренко В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – Ленинград : Просвещение, 1988. – 327 с.
6. Левина В. Н. Комплексное исследование текста в современных условиях языковой коммуникации / В. Н. Левина // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – Вып. 4 (84). – С. 245–249.
7. Распутин В. Г. Прощание с Матёрой / В. Г. Распутин. – Москва : Молодая гвардия, 1980. – 479 с.
8. Шукшин В. М. Сельские жители / В. М. Шукшин. – Москва : Молодая гвардия, 1963. – 192 с.
9. The Park Chung-Hee: From Poverty to Power. – The KHU Press, 2012. – 215 p.

References

1. Buyanova L. Yu. Representative mechanism for nominating a person in the space of a literary text. *Zhurnalistsika, multimedia: informatsionnyy i sotsiokulturnyy potentsial = Journalism, multimedia: information and sociocultural potential*. Krasnodar: Kuban State University; 2022:3–6.
2. Buyanova L. Yu., Young Sun Yong. Adjective in a literary text by V. M. Shukshina: functional-pragmatic aspect. *Aktualnye problemy sovremennoy filologii: teoriya, praktika, perspektivy razvitiya = Current problems of modern philology: theory, practice, development prospects*. Krasnodar: Kuban State University; 2023:188–191.
3. Dzukoev S. F. *Yazykovaya kontseptualizatsiya aksiosfery personazhnoy rechi = Linguistic conceptualization of the axiosphere of character speech*. Krasnodar; 2008: 23 p.
4. Kang Dong Hee. A study of aspects of omission and abbreviation in Russian and Korean literary translations: from the point of view of writing style and translation strategies. *Perevodovedenie = Translation Studies*. Seoul: Korean Association of Translation Studies; 2023;24(1):253–278.
5. Kukharev V. A. *Interpretatsiya teksta = Interpretation of the text*. Leningrad: Education; 1988: 327 p.
6. Levina V. N. Comprehensive study of text in modern conditions of linguistic communication. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki" = Bulletin of Tambov State University. Series "Humanitarian sciences"*. 2010;4(84):245–249.
7. Rasputin V. G. *Proshchaniye s Materoy = Farewell to Mather*. Moscow: Molodaya gvardiya; 1980.
8. Shukshin V. M. *Selskie zhiteli = Villager*. Moscow: Molodaya gvardiya; 1963.
9. *The Park Chung-Hee: From Poverty to Power (undefined)*. The KHU Press; 2012: 215 p.

Информация об авторах

Л. Ю. Буянова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания;

Ким Ин Гю – аспирант кафедры общего и славяно-русского языкознания;

Янг Сун Ен – аспирант кафедры общего и славяно-русского языкознания.

Information about the authors

L. Yu. Buyanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics;

Kim In-gyu – postgraduate student of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics;

Yang Sung Yong – postgraduate student of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.07.2024; одобрена после рецензирования 08.08.2024; принята к публикации 12.08.2024.

The article was submitted 03.07.2024; approved after reviewing 08.08.2024; accepted for publication 12.08.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 80–87.
Humanitarian Researches. 2024;3(91):80–87.

Научная статья
УДК 070

**СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЛИТЕРАТУРНОГО ОНЛАЙН-ЖУРНАЛА «КВАРТА»**

Наталья Викторовна Максимова

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, nmaksimova11@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению особенностей сетевого литературного журнала как типа издания, получившего распространение в современной медиасреде. С этой целью в настоящей работе проводится анализ структуры, рубрикации, содержания, мультимедийных элементов контента сетевого журнала «Кварта», которое не попадало ещё в поле научного осмысления. Между тем результаты анализа типологической специфики литературного интернет-журнала, выявление его особенностей на уровне предмета, структуры, целевого назначения, аудитории представляются важными как в теоретическом, так и в практическом плане. В теоретическом плане наблюдения, представленные в статье, расширяют научные представления о типологии сетевых СМИ, в практическом – позволяют сформировать основные принципы моделирования изданий подобного типа. Результаты проведённого анализа онлайн-журнала «Кварта» позволяют соотнести его с типологической моделью русского «толстого» журнала, которая оказывается востребованной до сегодняшнего дня. Сложившийся на протяжении веков образец журналистского творчества сохраняет видовые характеристики в современных формах функционирования СМИ. Функциональная специфика журнала «Кварта» также коррелирует с полифункциональностью отечественных литературно-художественных «толстых» журналов. Но поскольку мы имеем дело с сетевым изданием, которое существует только в онлайн-среде, не имея бумажного аналога, при его характеристике необходимо учитывать и новые технические возможности, такие как гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность. Нам представляется, что отказ от использования мультимедийности в полном объёме в журнале «Кварта» и на его сайте носит концептуальный характер: подбирая для журнала лучшие образцы поэтических текстов и метатекстов, издатели стараются, чтобы у слова не было других текстов-конкурентов. Таким образом, для типологической матрицы интернет-издания характерно соединение традиционных атрибутов СМИ и параметров, обусловленных новыми способами передачи информации в интернете.

Ключевые слова: литературный онлайн-журнал, типологическая модель, «толстый» литературно-художественный журнал, рубрикация, мультимедийность, полифункциональность

Для цитирования: Максимова Н. В. Структурно-типологические особенности литературного онлайн-журнала «Кварта» // Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 80–87.

Original article

**STRUCTURAL AND TYPOLOGICAL FEATURES
OF THE LITERARY ONLINE JOURNAL “KVARTA”**

Natalya V. Maksimova

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, nmaksimova11@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to identifying the features of an online literary magazine as a type of publication that has become widespread in the modern media environment. To this end, this paper analyzes the structure, rubrication, content, multimedia elements of the content of the online magazine “Kvarta”, which has not yet fallen into the

© Максимова Н. В., 2024

field of scientific comprehension. Meanwhile, the results of the analysis of the typological specifics of a literary online magazine, the identification of its features at the level of the subject, structure, purpose, audience, seem to be important both theoretically and practically. In theoretical terms, the observations presented in the article expand scientific ideas about the typology of online media, in practice they allow us to form the basic principles of modeling publications of this type. The results of the analysis of the online magazine "Kvarta" allow us to correlate it with the typological model of the russian "thick" magazine, which is still in demand today. The example of journalistic creativity that has developed over the centuries retains its specific characteristics in modern forms of media functioning. The functional specificity of the journal "Kvarta" also correlates with the polyfunctionality of domestic literary and artistic "thick" magazines. However, since we are dealing with an online publication that exists only in the online environment, without a paper analogue, when characterizing it, it is necessary to take into account new technical capabilities, such as hypertextuality, multimedia, interactivity. It seems to us that the refusal to use multimedia in full in the journal "Kvarta" and on its website is of a conceptual nature: by selecting the best examples of poetic texts and metatexts for the magazine, the publishers try to ensure that the word does not have other competing texts. Thus, the typological matrix of an online publication is characterized by a combination of traditional media attributes and parameters due to new ways of transmitting information on the Internet.

Keywords: online literary magazine, typological model, "thick" literary and art magazine, rubrication, multimedia, polyfunctionality

For citation: Maksimova N. V. Structural and Typological Features of the Literary Online Journal "Kvarta". *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;3(91):80–87 (In Russ.).

Журнальная традиция в отечественной культуре имеет глубокие корни. Достаточно вспомнить, что первые русские журналы появились во второй половине XVIII века. Переняв стиль и структуру английских просветительских журналов, русские журналы пошли дальше, обрели в России неслыханную популярность и на протяжении веков оказывали серьёзное влияние на умы читателей. Особенно это справедливо для литературных, или «толстых», российских журналов. На протяжении двух с лишним веков существования «толстый» журнал, во-первых, стал эстетическим феноменом, без которого немислима отечественная культура, а во-вторых, сформировал прочно сложившийся образец журналистского творчества, который сохраняет видовые характеристики в современных формах функционирования СМИ.

Литературные журналы и сейчас продолжают занимать важное место в системе российской периодики. В настоящее время этот сегмент СМИ расширяется за счёт многочисленных и разнообразных онлайн-медиапроектов о литературе [5] и сетевых изданий, в круг которых входит журнал «Кварта» [3]. В настоящей статье мы рассмотрим структурно-типологические особенности этого издания, которое не попадало ещё в поле научного осмысления, а между тем результаты анализа типологической специфики литературного интернет-журнала, выявление его особенностей на уровне предмета, структуры, целевого назначения, аудитории представляются важными как в теоретическом, так и в практическом плане. В теоретическом плане наблюдения, представленные в статье, расширяют научные представления о типологии сетевых СМИ, в практическом – позволяют сформировать основные принципы моделирования изданий подобного типа.

Первый номер литературного онлайн-журнала «Кварта», целиком посвящённого поэзии, вышел в сентябре 2021 года. На сегодняшний день опубликовано одиннадцать номеров в сквозной нумерации. Создателями и редакторами журнала стали Валерий Шубинский и Богдан Агрис. Из названия проекта следует, что журнал выходит четыре раза в год. Концепцию журнала, содержание, его отличие от других проектов издатели описали в рубрике «О нашем журнале», где аттестовали издание как «авторский проект», в котором выбор авторов и текстов отражает их вкусы и представления о путях развития русской поэзии.

Содержание журнала отражает его рубрикация. В структуре «Кварты» семь постоянных рубрик: «Стихотворение номера», «Стихи», «Публикации и републикации», «Переводы», «Теория», «Исторические замечания и примечания», «Рецензии». Открывает каждый номер журнала рубрика «Стихотворение номера», в которой публикуется стихотворение поэта-классика и несколько комментариев к нему. За этот период в рубрике были представлены следующие тексты: Николай Заболоцкий «Искусство», Александр Блок «Поэты», Виктор Соснора «Красный сад», Евгений Боратынский «Мой дар убог, и голос мой не громок...», Константин Вагинов «Звукоподобие проснулось...», Иннокентий Анненский «Снег», Леонид Аронзон «Как хорошо в покинутых местах...», Анна Ахматова «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...», Михаил Кузьмин «Конец второго тома», Афанасий Фет «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...», Елена Шварц «Зверь-цветок». Выбор стихотворения номера осуществляется следующим образом. Соредакторы выбирают поэта, затем каждый автор, представленный в номере журнала, называет от пяти до десяти стихотворений этого поэта, и текст, набравший наибольшее количество голосов, становится «героем» рубрики. Таким образом, стихотворение поэта-классика выбирают представленные в номере современные поэты и они же коротко высказываются об этом стихотворении. Отзывы передают впечатления о стихотворении, ассоциации, содержат наблюдения о поэтике текста, отдельных образах и мотивах, композиции, языке, интертекстах и пр. Отзывы разноформатные, отличаются оригинальностью мысли и формы. Например, на стихотворение Леонида Аронзона «Как хорошо в покинутых местах...» Дарья Мезенцева откликнулась стихотворением «кто наградил нас, друг, такими снами?», Олег Петров – эссе о «языке, которым возможно говорить о поэзии», а Геннадий Каневский – лапидарным высказыванием о связи стихотворения с традицией поэтических «памятников». Публикация стихотворений, ставших классикой, и комментариев современных поэтов говорит о том, что «Кварта» в своих выпусках объединяет классическую и современную ветви поэзии, начинающих и именитых поэтов, отдавая дань классике и открывая путь новым авторам и текстам.

Главным разделом журнала является раздел «Стихи», содержащий подборки стихотворений современных поэтов, среди которых Полина Барскова, Дмитрий Веденяпин, Лета Югай, Виталий Аширов, Сергей Ивкин, Валентина Фехнер, Лиза Хереш, Григорий Батрынча, Геннадий Каневский. Дарья Мезенцева, Олег Петров, Максим Глазун, Дмитрий Дедюлин, Глеб Михалёв и многие другие. Среди авторов «Кварты» поэты разных поколений – от живых классиков до дебютантов. Публикуемые тексты (от пяти до десяти стихотворений каждого автора) позволяют читателю составить представление о каждом из них, увидеть черты поэта «лица необщим выраженьем». Знакомство с опубликованными текстами позволяет говорить о том, что издание посвящено тому направлению современной поэзии, которое ориентируется и продолжает традиции модернизма в его модификациях.

Рубрика «Публикации и републикации» представляет стихи «ушедших» поэтов, например Василия Бородина, Александра Миронова, Виктора Иванова, Андрея Таврова; незаслуженно забытых, таких как Леонид Липавский, фрагменты «прозы поэта», неопубликованные ранее или неизвестные поэтические тексты. Помимо этого здесь публикуются архивные материалы (например, из архива Виктора Сосноры), письма (в частности, переписка Елены Шварц, Олега Юрьева и Ольги Мартыновой), заметки и воспоминания. Некоторые публикации предваряются небольшими текстами Валерия Шубинского, Богдана Агриса или другими авторами. Отдельные материалы сопровождаются иллюстративным материалом в виде фотографий и факсимиле рукописей.

В рубрике «Переводы» читатели журнала могут познакомиться с творчеством зарубежных поэтов разных исторических эпох, малоизвестных

и классиков мировой поэзии, таких как Уистан Хью Оден, Пауль Целан, Ицик Мангер, Поль Верлен, Стефан Малларме, Гийом Аполлинер, Поль Валери, Ингеборг Бахман, Сильвия Плат, Яцек Денель, Барбара Топорска, Саша Пьерцанте, Дафнэ Грациано, Леонард Козн, Элизабет Бишоп, Эльке Эрб и другие. Переводы предваряются небольшими предисловиями, в которых авторы перевода или редакция журнала дают биографическую справку, раскрывают особенности данного перевода, комментируют замысел поэта, интерпретируют тексты.

В рубрике «Теория» публикуются материалы, в которых актуализируются различные проблемы поэтики, литературного процесса, поэтического перевода. В первом номере журнала в этой рубрике опубликованы статьи создателей журнала Б. Аргиса «"Третий" модерн?» и В. Шубинского «Ориентация на местности», которые можно рассматривать как своего рода эстетические манифесты, проясняющие концепцию издания и позицию его создателей в отношении современной поэзии. Также в этой рубрике опубликованы расшифровки записей проведённых журналом «Кварта» круглых столов на темы: «Неподцензурная русская поэзия 1960–80-х: взгляд из 2021 года», «Проблемы поэтического перевода», «Как писать историю русской поэзии?», «Молодая поэзия сегодня. Её судьбы и отношения со старшими». В дискуссиях принимают участие авторитетные современные литературоведы, критики, филологи. Например, участниками круглого стола на тему «Как писать историю русской поэзии?» стали Олег Лекманов, Дина Магомедова, Лев Оборин, Михаил Павловец, Павел Успенский, Ника Третьяк, Богдан Агрис и Валерий Шубинский. Публикуемый в рубрике текстовый материал расшифрован с видеозаписи круглого стола с сохранением особенностей речи каждого выступающего, благодаря чему у читателя создаётся эффект присутствия и соучастия. Также в этом разделе публикуются научные и критические статьи, посвящённые различным проблемам поэтики поэтического текста.

К числу постоянных рубрик относится завершающая каждый номер журнала рубрика «Рецензии», где сосредоточена литературная критика. Авторы рецензий журнала – Ольга Балла, Богдан Агрис, Вероника Третьяк, Валерий Шубинский, Влада Баронец, Ростислав Ярцев, Максим Алпатов, Лиза Хереш, Полина Барскова, Юлия Подлубнова, Алексей Мошков, Анна Нуждина, Давид Гарт, Дарья Мезенцева, Ольга Добрицына, Лев Оборин. При всём разнообразии текстов очевидно, что опубликованные отзывы на поэтические сборники демонстрируют ориентацию журнала на рецензию классического, журнального типа, тяготеющую к исследованию, в котором находят место анализ текстов, художественных приёмов, поэтической интонации, преемственности и новаторства, поэтической образности, как, например, в рецензии Льва Обороина «Жизнь интонации» на книгу Виктора Кривулина «Стихи: 1964–1984 г.» (СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2023). Обстоятельная, профессиональная работа с поэтическими текстами в рецензиях журнала позволяет приоткрыть читателю особенности художественного мира поэта, приблизить к пониманию его произведений.

Наряду с постоянными рубриками в онлайн-журнале «Кварта» есть несколько непостоянных рубрик, среди которых «Исторические замечания и примечания», где часто публикуются статьи и заметки известного литературоведа, доктора филологических наук Олега Лекманова. В первом номере журнала опубликована его работа «Об одном неучтённом подтексте стихотворения Хлебникова "Свобода приходит нагая..."» В стихотворении, которое многократно разбиралось и анализировалось хлебниковедами, исследователь обнаруживает переключки с текстом песни на слова Леонида Радина «Смело, товарищи, в ногу», которые привносят дополнительные важные смыслы в интерпретацию одного из самых известных текстов Хлебникова. Такого рода

исторические замечания и примечания, исследование контекстов и подтекстов, комментарии составляют содержание материалов этой рубрики.

Другая непостоянная рубрика «Будущие книги» анонсирует книги о поэзии и поэтах, подготовленные к изданию, предлагая читателям ознакомиться с фрагментом из них (в первом номере журнала была опубликована глава из книги Глеба Морева «Осип Мандельштам: фрагменты литературной биографии», в одиннадцатом номере – глава «Осип Мандельштам и Марина Цветаева в 1916 году» из готовящейся к изданию книги О. Лекманова «Любовная лирика Мандельштама: единство, эволюция, адресаты»). Рубрика «Полемика и дискуссии» появилась во втором номере. В ней опубликована статья А. Брагина «Prosodiavs “Кварта”». Отклик на статью Владимира Козлова «Журнал “Кварта” как надежда на продолжение Бронзового века», содержащий полемические заметки по поводу критически заостренной точки зрения о выходе нового журнала о поэзии «Кварта» и его месте в литературной жизни и медиапространстве [2]. Также в рамках этой рубрики в третьем номере 2022 года Валерий Шубинский в статье «Какой “Солдат” настоящий?» полемизирует с Глебом Моревым по поводу «Стихов о неизвестном солдате» О. Э. Мандельштама, оспаривая отдельные наблюдения Г. Морева, высказанные им в статье «Стихи о Сталине» и «Стихи о неизвестном солдате». В шестом и десятом номерах журнала есть рубрика «Проза о поэзии», где опубликованы заметки Дмитрия Дедюлина «Лепестки бабочки» о произведениях Аллы Горбуновой, Сандры Мост и Олега Петрова (№ 6), а также рассказ Петера Х. Э. Гоголина «Жизненные уклады некоторых людей» в переводе Татьяны Баскаковой (№ 10). К непостоянным рубрикам относятся и жанровая рубрика «Интервью», которая входит в содержание седьмого, девятого и одиннадцатого номеров журнала. В седьмом номере – обстоятельное интервью Ростислава Ярцева с Ольгой Седаковой о религии и поэзии, о позднесоветской неофициальной и современной культуре, о поэтах и контекстах. В девятом номере – интервью Ольги Баллы-Гетман с поэтом Андреем Тавровым (1948–2023) о его творчестве, выходящем собрании сочинений, поэтических предшественниках, метареализме, соратниках и собеседниках. В одиннадцатом номере – интервью с Сергеем Стратановским о поэзии «второй культуры», концептуализме, архетипах в поэзии, библейских стихах, функциях поэзии и других аспектах «природы творчества», которое взял у поэта Валерий Шубинский. Опубликованные интервью, в которых затрагиваются не только вопросы жизни и творчества интервьюируемого поэта, но и актуальные проблемы истории и теории поэзии, по своей содержательности также могут быть отнесены к литературно-критическим текстам.

Помимо этого, в структуру отдельных номеров включены редакционные сообщения с важными уточнениями, касающимися редакционной политики издания или состава редакции, которые размещаются в начале номера перед рубрикой «Стихотворение номера». Таких материалов пока всего два – в третьем и десятом номерах журнала. В первом сообщении с заголовком «К третьему номеру журнала» уточняются функции издания: «...не просто объединение близких эстетически или культурологически авторов, не просто уважительные дискуссии с вменяемыми оппонентами, но и солидарная защита культуры как таковой перед лицом реальных или возможных угроз» (Кварта, № 1 (3), 2022). Во втором сообщении («К десятому номеру журнала») содержится прямое обращение редакции к читателям, в котором говорится о расширении круга постоянных сотрудников: «...в работе над номерами начиная с нынешнего принимают участие наши молодые друзья и коллеги – Ника Третьяк и Ростислав Ярцев. Они взяли на себя ряд технических функций; их творческие идеи и предложения также будут, как мы надеемся, обогащать журнал. Кроме того, техническую поддержку в вопросе верстки журнала взял на себя Михаил Бордуновский» (Кварта, № 4 (10), 2023).

Проведённый анализ структуры и материалов издания показывает, что основное содержание журнала «Кварта» – это художественные произведения (современная русская поэзия, классика и переводы), занимающие основную часть объёма издания, и разножанровые материалы литературно-критического дискурса. Совершенно очевидно, что такая структура и предметное наполнение сетевого издания восходят к структурно-содержательной типологической матрице русского «толстого» литературно-художественного журнала. Кроме того, актуальным для него остаётся и аудиторный фактор. «Кварта», как и «толстый» журнал, предполагает у своего читателя наличие интереса к литературе, поэзии, литературному процессу, знание основ литературоведения, любви к искусству слова.

Важным атрибутом типологии любого феномена является его функциональная заданность. Функции интернет-изданий содержательно коррелируют с функциями традиционных СМИ, однако имеют своеобразие. Главными функциями веб-изданий, обусловленными спецификой данного вида СМИ, являются: коммуникативная, социально-организационная, социально-креативная, информационная, экономическая. Что касается функциональной специфики журнала «Кварта», то она также коррелирует с полифункциональностью отечественных литературно-художественных журналов [6, с. 273]. Таким образом, к сетевому литературному журналу применимы типологические характеристики традиционных СМИ, среди которых наиболее значимыми являются предметная среда, целевое назначение, аудиторный фактор.

Но поскольку мы имеем дело с сетевым изданием, которое существует только в онлайн-среде, не имея бумажного аналога, при его характеристике необходимо учитывать и новые технические возможности, такие как гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность. Под гипертекстуальностью понимается сопровождение сетевого текста ссылками на другие вербальные и медийные дискурсы, что существенно расширяет информационный поток, которым интересуется пользователь. HTML-документы с узлами перехода между текстами являются основным объектом любого веб-сайта. Мультимедийность определяет возможность сосуществования в рамках одного информационного материала текстового, аудиального, визуального и аудиовизуального содержания. Интерактивность обеспечивает связь между редакцией сетевых массмедиа и её аудиторией, а также читателей между собой. Эти характеристики свидетельствуют о том, что интернет как особая среда коммуникации придаёт одной из своих главных функций – информационной – специфику открытости и общедоступности, что существенно расширяет возможности интернет-изданий по сравнению с печатными СМИ.

В отличие от большинства современных сетевых изданий, в контенте которых активно реализуются названные признаки новых медиа, в «Кварте» возможности интернета использованы минимально. По необходимости применяются текстовые гиперссылки для того, чтобы пользователь мог легко перемещаться в веб-узле. Рекомендательные ссылки после публикаций ведут к материалам, которые расширяют контекст и объём информации по теме. Что касается мультимедийности, которая даёт возможность комбинировать внутри одной публикации различные форматы (текст, фото, видео, аудио, графика и др.), то удельный вес текстового материала в журнале является преобладающим. Исключение составляют материалы рубрики «Публикации и републикации», где тексты сопровождаются фотографиями авторов, факсимиле рукописей, рисунками, которые помогают привлечь и удержать внимание читателя, в какой-то степени облегчить восприятие сложного интеллектуального материала. Например, в публикации Т. Ердяковой «Из архива Виктора Сосноры» (Кварта, № 3 (5), 2022) визуальные элементы (портрет поэта, фотография с Сергеем Соловьёвым, анкета, графические рисунки Виктора Сосноры) несут содержательную нагрузку, расширяя контекст, позволяя

читателям лучше узнать поэта, увидеть многогранность его таланта. Визуальные элементы в виде фотографий сопровождают также публикации стихов Олега Юрьева, Василия Бородина, Виктора Иванова, интервью с Ольгой Седаковой.

Аудиальные материалы практически отсутствуют. Исключение составляет запись Леонида Аронсона, читающего своё стихотворение «Послание в лечебницу», включённая в статью А. Азаренкова «О “Послании в лечебницу Леонида Аронсона”» (Кварта, № 2 (8), 2023). Голос Л. Аронсона, интонационный рисунок, его манера читать стихи создают эффект живого присутствия поэта, усиливают впечатление от стихотворения и его интерпретации. Что касается свойства интерактивности, то обратная связь осуществляется только по электронной почте.

Таким образом, мы видим, что отличительные черты интернет-издания – гипертекстуальность, интерактивность, мультимедийность – не всегда ярко представлены в издании, что может иметь разные причины и объяснение. Иногда такой минимализм в использовании интернет-ресурсов носит концептуальный характер, как в данном случае. Нам представляется, что отказ от использования мультимедийности в полном объёме в журнале и на его сайте – это концептуальный ход: подбирая для журнала лучшие образцы поэтических текстов и метатекстов, издатели стараются, чтобы у слова не было других текстов-конкурентов. И в этом также прослеживается преемственность и связь «Кварты» с «толстыми» журналами, для которых текст – главное, равно как и с особенностями их визуального облика. Литературные «толстые» журналы известны простотой оформления, получившей определение «нулевая визуализация» [1, с. 46], которое релевантно и для «Кварты». Это касается как самого журнала, так и сайта издания. Сдержанный, минималистичный дизайн сайта, его цветовое оформление также является частью концепции и существенно отличает его от современных медиапроектов с ярким, броским, привлекающим читателя оформлением, вписывая в парадигму элитарных изданий. Меню сайта включает разделы «На главную», «О журнале», «Номера», «Контакты». Также есть поисковая строка, которая упрощает навигацию, позволяя быстро найти произведения интересующего автора, опубликованного в любом из номеров журнала.

В результате проведённого анализа сетевого литературного журнала «Кварта» мы пришли к выводу, что его типологическую модель формирует сочетание традиционных атрибутов (аудитория, целевое назначение, предметная среда) и параметров, связанных с новейшими технологиями передачи информации (гипертекстуальность, интерактивность, мультимедийность), которые не всегда ярко могут быть представлены в издании.

Журнал «Кварта» наследует традиции и функции «толстых» литературно-художественных журналов, представляя разнообразие современной поэзии, отражая её состояние и актуальные тенденции. Отвечая на вопрос: «Можно ли назвать литературные онлайн-проекты прямыми продолжателями дела толстых журналов или это совершенно иной формат?», главный редактор онлайн-журнала «Прочтение» Полина Бояркина справедливо заметила, что «все литературные медиа, если анализировать их в глобальном историческом процессе динамики читательской рецепции и форм разговора о литературе, так или иначе окажутся наследующими друг другу. И в этом смысле мы, безусловно, продолжатели дела “толстых” журналов. И в то же время – у нас иной формат. Существуют внешние обстоятельства, которые неизбежно влияют и на форму разговора о литературе, и на его содержание» [4].

Диалектику соотношения традиций, новаторства и преемственности можно проследить, обратившись к сетевым изданиям, подобным «Кварте», структурно-содержательная модель которой актуализирует характеристики традиционных СМИ и новых медиа.

Список источников

1. Антропова В. В. Нулевая визуализация в дискурсе элитарных «толстых» журналов: трендинг или аутсайдинг / В. В. Антропова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2018. – № 2 (28). – С. 46–51.
2. Кварта. – URL: <http://quarta-poetry.ru> (дата обращения: 01.07.2024).
3. Козлов В. Журнал «Кварта» как надежда на продолжение Бронзового века / В. Козлов. – URL: <https://prosodia.ru/catalog/shtudii/zhurnal-kvarta-kak-nadezhda-na-prodolzhenie-bronzovogo-veka> (дата обращения: 28.06.2024).
4. Литературные онлайн-журналы: новый формат или продолжение традиции. – URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=7985> (дата обращения: 05.07.2024).
5. Максимова Н. В. Формы презентации контента в просветительских онлайн-проектах / Н. В. Максимова // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. – 2023. – № 2. – С. 147–151.
6. Шильникова О. Г. Литературно-художественный журнал: социокультурная миссия и функции в литературно-художественной коммуникации / О. Г. Шильникова, Г. С. Белолипская // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 262–275.

References

1. Antropova V. V. Zero Visualization in the Discourse of Elite “Thick” Magazines: Trending or Outsidedating. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* = *Sign: the problem field of media education*. 2018;2(28):46–51.
2. *Kvarta*. URL: <http://quarta-poetry.ru> (accessed: 01.07.2024).
3. Kozlov V. *Zhurnal “Kvarta” kak nadezhda na prodolzhenie Bronzovogo veka* = *Quarta journal as a hope for the continuation of the Bronze Age*. URL: <https://prosodia.ru/catalog/shtudii/zhurnal-kvarta-kak-nadezhda-na-prodolzhenie-bronzovogo-veka> (accessed: 28.06.2024).
4. *Literaturnye onlayn-zhurnaly: novyy format ili prodolzhenie traditsii* = *Online Literary Journals: A New Format or a Continuation of the Tradition*. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=7985> (accessed: 05.07.2024).
5. Maksimova N. V. Forms of content presentation in educational online projects. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dalya* = *Bulletin of Luhansk State University named after Volodymyr Dahl*. 2023;2:147–151.
6. Shilnikova O. G., Belolipskaya G. S. Literary and artistic magazine: socio-cultural mission and functions in literary and artistic communication. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2 “Yazykoznanie”* = *Bulletin of Volgograd State University. Series 2 “Linguistics”*. 2019;18(3):262–275.

Информация об авторе

Н. В. Максимова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

N. V. Maksimova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.07.2024; одобрена после рецензирования 13.08.2024; принята к публикации 15.08.2024.

The article was submitted 2024; approved after reviewing 13.08.2024; accepted for publication 15.08.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 88–93.
Humanitarian Researches. 2024;3(91):88–93.

Научная статья
УДК 82

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИИ А.П. ЧЕХОВА «НА ПОДВОДЕ»**

Виктор Валентинович Чалый

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, v_chaly@mail.ru

Аннотация. В статье отмечается важность исследования области субъективной модальности, органично связанной с лексическим, морфологическим и синтаксическим уровнями языка. Уделяется большое внимание изучению отдельных компонентов предложения, способствующих постижению читателем задач творческой лаборатории писателя. Выявляются те особенности речевой организации художественного текста, которые отражают точку зрения автора, его отношение к сообщаемой информации. Предлагается исследование лексических единиц с точки зрения их функционирования в составе синтаксических конструкций и описания степени их воздействующего потенциала на сознание читателя; подчёркивается необходимость изучения авторского повествования, а именно конкретных языковых средств, характеризующих писателя как личность; проводится лингвистический анализ особой повествовательной манеры, которую не только демонстрирует речь рассказчика, но также проявляет совмещение точек зрения персонажа и самого автора; рассматривается вопрос о правомерности проведения анализа ритма используемой фразы, с помощью которого автор передаёт информацию читателю, по-особому оформляя синтаксическую организацию всего литературного произведения; предпринимается попытка изучения роли синтаксических конструкций с однородными членами предложения в описании внутреннего мира главной героини рассказа А. П. Чехова «На подводе»; обращается внимание на роль автора-рассказчика, от лица которого ведётся повествование в чеховском произведении; всесторонне изучаются смыслообразующие элементы организационной системы построения фраз, используемых в данном художественном тексте; анализируется функциональная значимость лексических повторов в реализации выражения авторского отношения, представленного вербальными средствами, к жизнеописанию центрального персонажа рассказа; конкретизируются отдельные грамматические единицы, характеризующие индивидуальный стиль писателя А. П. Чехова.

Ключевые слова: субъективная модальность, авторский лексикон, языковые особенности, монолог рассказчика, лексический повтор, синтаксис, однородные члены предложения

Для цитирования: Чалый В. В. Языковые особенности авторского повествования в произведении А. П. Чехова «На подводе» // Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 88–93.

Original article

**LINGUISTIC FEATURES OF THE AUTHOR'S NARRATIVE
IN THE WORK OF A.P. CHEKHOV "ON THE CART"**

Victor V. Chaly

Kuban State University, Krasnodar, Russia, v_chaly@mail.ru

Abstract. This article notes the importance of exploring the field of subjective modality, organically related to the lexical, morphological and syntactic levels of language; pays great attention to the study of individual components of the sentence, contributing to the reader's comprehension of the tasks of the writer's creative laboratory; identifies those features of the speech organization of a literary text that reflect the author's point of view, his attitude to the

information being communicated; a study of lexical units is proposed from the point of view of their functioning as part of syntactic constructions and describing the degree of their influencing potential on the reader's consciousness; the need to study the author's narrative, namely specific linguistic means characterizing the writer as a person, is emphasized; a linguistic analysis of a special narrative manner is carried out, which not only demonstrates the narrator's speech, but also shows a combination of points of view the character and the author himself; the question of the legality of analyzing the rhythm of the phrase used, by which the author transmits information to the reader, formalizing the syntactic organization of the entire literary work in a special way, is considered; an attempt is made to study the role of syntactic constructions with homogeneous sentence members in describing the inner world of the main character of the story by A. P. Chekhov "On a cart"; attention is drawn to the role of the author-narrator, on whose behalf the narrative is conducted in Chekhov's work; the semantic elements of the organizational system of constructing phrases used in this literary text are comprehensively studied; the functional significance of lexical repetitions in the implementation of the expression of the author's attitude, represented by verbal means, to the biography of the central character of the story is analyzed; individual grammatical units characterizing the individual character are specified the style of the writer A. P. Chekhov.

Keywords: subjective modality; author's lexicon; linguistic features; narrator's monologue; lexical repetition; syntax; homogeneous sentence terms

For citation: Chaly V. V. Linguistic features of the author's narrative in the work of A.P. Chekhov "On the cart". *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;3(91):88–93 (In Russ.).

Научное исследование речевой организации литературного произведения нередко выявляет сферу авторского отношения к тому, о чём сообщается в тексте. В процессе изучения особенностей такого языкового материала, на наш взгляд, необходимо уделить внимание анализу тех важных элементов художественного повествования, которые во многом отражают точку зрения писателя, являющегося адресантом передаваемого сообщения. В свою очередь, внимательный читатель, выступающий в роли исследователя и при этом являющийся получателем этой информации, должен её декодировать, а именно постараться верно интерпретировать: адекватно понять и, безусловно, принять основную мысль, отправленную ему создателем литературного произведения.

Очевидно, что выявление признаков авторской модальности на уровне художественного текста напрямую связано с установлением отдельно как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, которые в своей совокупности составляют особую индивидуально-стилевую манеру писателя, характеризуют его своеобразную творческую лабораторию.

Лингвистический анализ прозы Антона Павловича Чехова позволяет рассмотреть основные компоненты речевой структуры, предопределяющие замысел художественного повествования. Следует заметить, что в его произведениях именно лексические единицы нередко становятся не только весьма значимым средством передачи писательской идеи, но и выполняют важную функцию неявно выраженного воздействия на сознание читателя, заставляя задуматься над прочитанным и вызывая определённые чувства: сопереживание, негодование, грусть или удивление. Но средствами выражения субъективной модальности являются не только лексемы, чаще всего эксплицитно передающие интенции автора. Известный исследователь Г. В. Валимова отмечала, что «субъективная модальность, являющаяся факультативной для структуры предложения, тесно связана с его лексическим составом и по своему значению и формам намного разнообразнее модальности объективной, возникающей в процессе синтаксического функционирования глагольных форм. Наиболее общим и гибким средством выражения субъективной модальности служит интонация. Наряду с нею выступают и другие средства, которые тоже могут выражать значительное разнообразие смысловых,

модальных и эмоциональных оттенков и даже влиять на модальные значения той или иной структуры» [1, с. 66]. Анализ произведений А. П. Чехова подтверждает справедливость этого высказывания. На наш взгляд, интонация чеховской прозы является одним из главных структурно-стилевых элементов, используемых автором в изображении атмосферы, в которой пребывают (радуются или страдают) его персонажи. Причём картина жизни, которую описывает Антон Павлович Чехов, обычно «сопровождается» теми лексическими единицами – сигналами, которые воспроизводят сами герои, когда рассуждают «про себя» (внутренняя речь) или когда о событиях в их жизни читателю сообщает рассказчик. Мастерски подобранные писателем слова, с одной стороны, характеризуют высокий уровень его собственно авторского лексикона, с другой стороны, выполняют функцию воздействия на сознание читателя с целью побудить его к размышлению над представленными в тексте жизнеописаниями персонажей.

По мнению Т. Г. Винокур, «авторское повествование, как известно, знает двоякую организацию. Прежде всего оно может быть построено на основе тех средств языка, в которых так или иначе находит выражение личный языковой опыт писателя. При высшей степени осознанности языкового отбора, какой отличается художественное творчество, этот опыт имеет возможность выступить “проверенным”, “улучшенным”, “очищенным” и т. п., то есть нормативные устремления автора получают в нём наиболее яркое воплощение» [2, с. 268].

Считаем, что индивидуально-авторскому методу А. П. Чехова изображения людей и действительности, находясь в которой они вспоминают, размышляют, мечтают, совершают определённые поступки, свойственно введение в содержательно-речевую ткань повествования особого персонажа. Им становится рассказчик, с одной стороны, ведущий повествование по замыслу писателя, с другой – играющий роль транслятора авторского мнения и тем самым способствующий установлению незримых коммуникативных отношений между Чеховым и читателем.

В этой связи, по нашему мнению, рассказ Антона Павловича Чехова «На подводе» отличает особая авторская манера: повествование ведётся от лица рассказчика, который не только вводит читателя в личностную сферу главной героини произведения – учительницы Марьи Васильевны, но и называет причины, повлиявшие на формирование её мироощущения.

Е. Л. Григорьян отмечает: «для европейской художественной прозы XIX–XX вв., также для русской, характерно совмещение точек зрения автора и персонажа. При повествовании, в том числе от третьего лица, события показаны так, как их увидел бы один из персонажей, а не нейтральный, объективный повествователь, описывающий события извне. Эта тенденция проявляется в крайней форме в так называемой “литературе потока сознания”, но в менее нарочитой форме является, по-видимому, всеобщей. В рассказах А. П. Чехова этот приём находит одно из самых совершенных воплощений: при внешне объективной манере повествования, кажущейся нейтральности, читатель вовлекается в мир героя, видит происходящее его глазами» [3, с. 99–100].

Полагаем, что данный творческий метод, в основе которого наблюдается своеобразное сочетание авторской позиции и мнение его персонажа, позволяет писателю Чехову наиболее объективно представить условия, повлиявшие на внутренние устремления изображаемого в литературном произведении человека и побудившие его к совершению тех или иных поступков.

Проведя лингвистический анализ прозаического произведения Чехова «На подводе», установили, что синтаксис этого художественного текста имеет постепенно нарастающий ритм изложения деталей, которые содержат используемые автором языковые единицы: читатель постигает суть происходящего

благодаря такой особой организационной системе построения предложений. Писатель как будто предлагает не торопиться постигать новую информацию о главной героине, а «задержаться» на отдельных этапах её жизни и судьбы для того, чтобы понять, в какой именно непростой среде она формировалась как личность и в какой обстановке принимает решения сейчас.

И. И. Ковтунова констатирует: «Речь по своей природе динамична. Письменная речь представляет собой движение в пространстве и во времени. Как и всякое движение, оно имеет свои движущие силы и подчиняется определённым законам. Движение это происходит не от слова к слову: оно представляет собой цепь последовательных переходов от частей высказывания, наименее насыщенных информацией, к частям наиболее насыщенным. В пределах каждого предложения движение это заключается в переходе от темы высказывания к тому, что об этой теме говорится, что является коммуникативной целью предложения, тем сообщением, ради которого предложение включается в речевую цепь» [4, с. 101].

Изучая язык чеховской прозы, мы выделяем ряд произведений, где языковые единицы в составе используемых синтаксических конструкций словно образуют очень важный внутренний информационный каркас, то есть основу для понимания глубинного содержания текста, для более точной интерпретации авторской позиции. В этой связи рассмотрим языковые особенности рассказа А. П. Чехова «На подводе».

«Шоссе было сухо, прекрасное апрельское солнце сильно грело, но в канавах и в лесу лежал ещё снег. Зима, злая, тёмная, длинная, была ещё так недавно, весна пришла вдруг, но для Марьи Васильевны, которая сидела теперь в телеге, не представляли ничего нового и интересного ни тепло, ни томные, согретые дыханием весны прозрачные леса, ни чёрные стаи, летавшие в поле над громадными лужами, похожими на озёра, ни это небо, чудное, бездонное, куда, кажется, ушёл бы с такою радостью. Вот уже тринадцать лет, как она учительницей, и не сочтешь, сколько раз за все эти годы она ездила в город за жалованьем; и была ли весна, как теперь, или осенний вечер с дождём, или зима, – для неё было всё равно, и всегда неизменно хотелось одного: поскорее бы доехать».

Обращаем внимание на то, что в данном фрагменте монолог рассказчика содержит сначала синтаксические конструкции с однородными членами предложения, которые благодаря сочетанию с усилительной частицей акцентируют внимание читателя на невосприимчивости главной героини к изменениям природы вокруг неё, а затем использование автором однородных членов (названия явлений погоды и природы) с разделительно-альтернативными союзами указывает на отсутствие у молодой женщины интереса и радости к окружающему её миру из-за текущих тревог и забот.

«У неё было такое чувство, как будто она жила в этих краях уже давно-давно, лет сто, и казалось ей, что на всём пути от города до своей школы она знала каждый камень, каждое деревцо. Тут было её прошлое, её настоящее; и другого будущего она не могла представить себе, как только школа, дорога в город и обратно. И опять школа, и опять дорога...»

Считаем, что наличие лексических повторов на основе использованных писателем однородных членов в данном художественном контексте способствует решению авторской задачи показать беспросветность и обыденность в жизни центрального персонажа рассказа: за объектами, которые составляют маршрут Марьи Васильевны, не просматривается ничего нового и особенного, то есть жизнь превратилась в череду рутинных и ничем не примечательных событий.

«О том прошлом, какое было до поступления в учительницы, она уже отвыкла вспоминать – и почти всё забыла. Когда-то были у неё отец и мать; жили в Москве около Красных ворот, в большой квартире, но от всей этой жизни осталось в памяти что-то смутное и расплывчатое, точно сон. Отец умер, когда ей было десять лет, потом скоро умерла мать... Был брат офицер, сначала переписывались, потом брат перестал отвечать на письма, отвык».

Как нам кажется, употребление одних и тех же лексических единиц («она ... отвыкла», «брат ... отвык») в рамках подробного изображения прошлого героини рассказа «На подводе» позволяет автору-рассказчику изобразить совсем невесёлую картину родственных отношений. Даже при обозначении Чеховым временной последовательности наречие *потом* в сообщении о скоропостижной смерти матери и затем это же слово в описании поведения брата Марьи Васильевны, видимо, свидетельствует о постепенном ослаблении связи с самыми родными и близкими людьми, которые определяли смысл её жизни.

Таким образом, стиль художественного повествования в рассказе «На подводе» отличается особым построением синтаксических конструкций с однородными членами, которые усиливают акценты в описании внутреннего мира главной героини. Лексические повторы становятся отражением субъективной авторской модальности. Для объективного изображения действительности А. П. Чехов использует метод, основу которого составляет соединение двух точек зрения – авторской и персонажа. Повествовательная интонация представляет собой весьма значимый компонент структурно-стилевой системы произведения «На подводе». Рассказчик выражает позицию автора и становится проводником коммуникативной связи между писателем и его читателем.

Список источников

1. Валимова Г. В. Функциональные типы предложений в современном русском языке / Г. В. Валимова. – Ростов-на-Дону, 1967.
2. Винокур Т. Г. К вопросу о норме в художественной речи / Т. Г. Винокур // Синтаксис и норма. – Москва, 1974. – С. 267–282.
3. Григорьян Е. Л. Изобразительные синтаксические конструкции в художественной прозе А. П. Чехова / Е. Л. Григорьян // Языковое мастерство А. П. Чехова. – Ростов-на-Дону, 1990. – С. 99–102.
4. Ковтунова И. И. Принципы словорасположения в современном русском языке / И. И. Ковтунова // Русский язык. Грамматические исследования. – Москва, 1967. – С. 96–146.
5. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / А. П. Чехов. – Москва, 1974–1983. – Т. 9.

References

1. Valimova G. V. *Funktsionalnye tipy predlozheniy v sovremennom russkom yazyke* = *Functional types of sentences in modern Russian language*. Rostov-on-Don; 1967.
2. Vinokur T. G. On the issue of norms in artistic speech. *Sintaksis i norma* = *Syntaxis and norm*. Moscow; 1974:267–282.
3. Grigoryan E. L. Illustrative syntactic constructions in artistic prose by A. P. Chekhov. *Yazykovoe masterstvo A. P. Chekhova* = *Language mastery of A. P. Chekhov*. Rostov-on-Don; 1990:99–102.
4. Kovtunova I. I. Principles of word arrangement in the modern Russian language. *Russkiy yazyk. Grammaticheskie issledovaniya* = *Russian language. Grammar studies*. Moscow; 1967:96–146.
5. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 tomakh. Sochineniya v 18 tomakh* = *Complete works and letters: in 30 vols. Works: in 18 vols*. Moscow; 1974–1983;9.

Информация об авторе

В. В. Чалый – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и славяно-русского языкознания.

Information about the author

V. V. Chaly – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General and Slavic-Russian Linguistics.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.07.2024; одобрена после рецензирования 22.08.2024; принята к публикации 25.08.2024.

The article was submitted 18.07.2024; approved after reviewing 22.08.2024; accepted for publication 25.08.2024.

Журнал включён в перечень изданий, утверждённых ВАК для публикации основных результатов диссертационных исследований по отраслям науки: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3. Теория литературы (филологические науки); 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки); 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки); 5.9.9. Медиакommunikation и журналистика (филологические науки).

Ведущие направления публикаций отражены в рубриках «Языкознание» и «Литературоведение».

Требования к публикуемым материалам: актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения. Статьи должны быть интересны достаточно широкому кругу читателей. Возможна публикация на английском языке. В журнале печатаются ранее не публиковавшиеся материалы.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Объём публикаций – не более 0,5 п.л., гарнитура Arial, кегль 10, все поля по 2,5 см.

Справочный аппарат. В статьях используется система текстовых сносок в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и через запятую – страницы, например: [1, с. 10]. **Страницы указываются обязательно.** Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке.

Образец оформления

1. Иванов И. И. Проблемы художественного слова. Москва : Парус, 1990. 456 с.
2. Петрова Г. В. Романтическая модель мира // Вопросы литературы. 1997. № 5. С. 16–25.
3. Тихомирова Л. Н. «Ночная» поэзия как свертхтекст. URL: <http://proceedings.usu.ru> (дата обращения: 12.04.2023).

На электронный адрес редакции просим направлять:

- текстовый файл со статьей;
- справку о проверке статьи в системе «Антиплагиат»;
- заключения экспертной комиссии и внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого опубликования;
- согласие на обработку персональных данных.

Авторам необходимо предоставить справку о проверке статьи в системе «Антиплагиат», а также получить заключение экспертной комиссии (государственная тайна) и Заключение внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого опубликования. При необходимости редколлегия журнала оставляет за собой право на дополнительную проверку текста статьи в системе «Антиплагиат».

Оплата публикации статьи производится автором только **после** получения от ответственного секретаря письма о том, что статья принята к публикации в очередном номере журнала.

Объём аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотации на английском языке должны быть информативными, содержательными, структурированными, компактными, оригинальными (не быть калькой русскоязычной аннотации), написаны качественным английским языком. В аннотации должны быть указаны предмет, тема, цель работы, метод или методология проведения работы, результаты работы, область применения результатов, выводы.

В **References** совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». Не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «–»). Название источника и выходные данные отделяются от авторов и заглавия статьи типом шрифта, чаще всего, курсивом (*italics*), точкой или запятой.

Примеры:

1. Kulikov V. A., Sannikov D. V., & Vavilov V. P. (1998). Use of the acoustic method of free oscillations for diagnostics of reinforced concrete foundations of contact networks. *Defektoskopiya*, (7), 40–49.
2. Kaplin V. V., Uglov S. R., Bulaev O. F., Goncharov V. J., Voronin A. A., Piestrup M. A. (2002). Tunable, monochromatic x rays using the internal beam of a betatron. *Applied Physics Letters*, 80 (18), 3427–3429.

К публикации принимаются статьи, оформленные в соответствии с ГОСТ Р 7.07.-2021 «СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ. Издательское оформление».

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Гуманитарные исследования. 2024. № 3
Научная статья
УДК 378:004

Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек

Владимир Викторович Вольчик¹, Игорь Михайлович Ширяев²

^{1,2} Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹volchik@sfedu.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

²shiryaev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Аннотация. В целях определения основных закономерностей возникновения и усиления институциональных ловушек, возникающих в условиях режима самоизоляции в системе высшего образования, авторами были проанализированы нарративы и глубинные интервью основных акторов. Дистанционное образование не является полноценной заменой образования в традиционной форме, затрудняет передачу неявного знания, контроль и обратную связь при обучении, неоднозначно влияет на издержки образовательной деятельности, не позволяет полагаться на надежность информационно-коммуникационных технологий. При этом подчеркивается, что переход на дистанционное образование может трактоваться как новый этап эволюции институциональной ловушки электронизации и цифровизации.

Ключевые слова: экономика, управление народным хозяйством, институциональная экономика, дистанционное образование, цифровизация образования, высшее образование, самоизоляция, институциональные ловушки

Для цитирования: Вольчик В. В., Ширяев И. М. Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек // Гуманитарные исследования. 2021. № 4. С. 35–40. <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.235-248>.

Research article

Distant higher education under self-isolation and the problem of institutional traps

Vladimir V. Volchik¹, Igor' M. Shiryaev²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹volchik@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

²shiryaev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Abstract. To determine the main patterns of emergence and strengthening of institutional traps that arise under self-isolation in the higher education system, the authors analyzed the narratives and in-depth interviews of the main actors. Distance education is not a full-fledged substitute for the traditional education, as it impedes the transfer of implicit knowledge, control and feedback during training, ambiguously influences the costs of educational activities, and does not allow relying on the reliability of information and communication.

tion technologies. Transition to distant education can be interpreted as a new stage of evolution of the institutional trap of electronization and digitalization.

Keywords: economics, national economy management, institutional economics, distance education, digitalization of education, higher education, self-isolation, institutional traps

For citation: Volchik V. V., Shiryayev I. M. Distant higher education under self-isolation and the problem of institutional traps. Current Problems of Economics and Law. 2020;14(2):236-248. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.235-248>.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Статья поступила в редакцию 06.07.2020; одобрена после рецензирования 08.08.2020; принята к публикации 14.08.2020.

The article was submitted 06.07.2020; approved after reviewing 08.08.2020; accepted for publication 14.08.2020.

Вклад авторов:

Вольчик В.В. – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

Ширяев И.М. – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Volchik V.V. – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

Shiryayev I.M. – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

Либо:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Реквизиты для оплаты публикаций

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Адрес г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

УФК по Астраханской области

(ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» л/с 20256Ц14780)

ИНН 3016009269 / КПП 301601001

Банк: ОТДЕЛЕНИЕ АСТРАХАНЬ БАНКА РОССИИ

УФК по Астраханской области г. Астрахань

Единый казначейский счёт

№ 40102810445370000017

Казначейский счёт

№ 03214643000000012500

ОКТМО 12701000

ОГРН 1023000818554

БИК 011203901

Лицевой счёт 20256Ц14780

Обязательно указывать назначение платежа: Ф.И.О. автора, название и номер журнала.

**По всем возникающим вопросам авторы могут связаться
с ответственным секретарём журнала
Юлией Александровной Васильевой
по e-mail: gis_00@mail.ru**

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Автор представляет в редакцию рукопись, оформленную в соответствии с правилами для авторов.

Представленная автором рукопись направляется по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемых в рукописи вопросов на рецензию членам редколлегии соответствующей области научного издания, курирующим данную тематику, или экспертам – ученым и специалистам в данной области (докторам, кандидатам наук).

Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии рукописей для своих нужд.

Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензия носит закрытый характер и предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи.

Рецензия может быть предоставлена по соответствующему запросу экспертных советов в ВАК РФ.

В случае положительной рецензии и рекомендации рецензентом материала к публикации рукопись и текст рецензии рассматриваются на заседании редколлегии. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Решение о целесообразности публикации принимается редколлегией и фиксируется в протоколе заседания.

Если рецензент указывает на необходимость доработки материала, рукопись возвращается автору. В таком случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Разъяснение нуждающихся в улучшении аспектов производится редакторами журнала на основании полученной рецензии.

Редколлегия информирует автора о принятом решении. Автору не принятой к публикации рукописи редколлегия направляет мотивированный отказ.

Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии в течение пяти лет.

Не рецензируются:

- ✓ рецензии на научную литературу, опубликованные в разделе «Рецензии»;
- ✓ тексты выступлений на круглых столах;
- ✓ материалы, публикующиеся в разделе «Научная жизнь АГУ».

Статьи выражают точку зрения автора,

с которой редколлегия может не соглашаться.

Все материалы, поступающие в редколлегию журнала, проходят независимое рецензирование.

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**HUMANITARIAN
RESEARCHES**

JOURNAL OF FUNDAMENTAL
AND APPLIED RESEARCHES

**2024
№ 3 (91)**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
ПИ № 77-14910 от 20.03.2003 г.

Учредитель
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева»
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Адрес редакции:
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20

Адрес издателя:
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Подписной индекс – 11109
по каталогу периодических изданий (газеты и журналы)
ООО «Урал-Пресс»

Главный редактор Л. Ю. Касьянова

Компьютерная правка, вёрстка,
редактирование С. Н. Лычагиной

Дата выхода в свет: 28.11.2024 г.

Цена свободная.
Заказ № 4640. Тираж 500 экз. (первый завод – 22 экз.).
Уч.-изд. л. 8,0. Усл. печ. л. 11,2.

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.
Тел. (8512) 24-66-60 (доб. 3)
E-mail: asupress@yandex.ru
Отпечатано в Астраханской цифровой типографии
414040, г. Астрахань, пл. К. Маркса, 33
тел./факс (8512) 54-00-11, 73-40-40,
E-mail: a-d-t@mail.ru